

**СЕРГЕЙ
БУБКА**

ПОПЫТКА В ЗАПАДЕ

СПОРТ И ЛИЧНОСТЬ

**СЕРГЕЙ
БУБКА**

**ПОПЫТКА
В ЗАПАСЕ**

*Литературная запись
Юрия Юриса*

Москва
«Молодая гвардия»
1987

ББК 75.711.7
Б 90

Б $\frac{420200000-051}{078(02)-87}$ 071--87

© Издательство «Молодая гвардия», 1987 г.

13 ИЮЛЯ 1985 ГОДА

(Хроника того дня)

Я еще не знаю, что это произойдет сегодня. Чувствую: это должно случиться вот-вот. Может, через три дня в Ницце. Может, через неделю в Лондоне. Но должно. Непременно должно!

Виталий Афанасьевич Петров, мой тренер, нацеливает на Ниццу. Ясно почему: там очередной розыгрыш «Гран-при» — многоступенчатого турнира, по итогам которого определяются лучшие легкоатлеты сезона.

В Ницце за мировой рекорд можно заработать премиальные очки, которые потом пригодятся. Но я не просто настраиваюсь на рекорд. Готовлюсь покорить ЭТУ высоту. А рядом с ней меркнет, кажется мелочной любая, даже самая правильная и разумная стратегия.

Прогресс в спорте неудержим, и время от времени под натиском силы, дерзости и умения рушатся «барьеры неизвестности». Находится человек, способный первым преодолеть стометровку быстрее, чем за десять секунд. Рождается атлет, первым поднимающий на вытянутые руки штангу весом в два с половиной центнера. Кому-то по силам метнуть копьё через все футбольное поле, вписать число 100 в таблицу рекордов.

Последнее, между прочим, произошло у меня на глазах 20 июля 1984 года на сорев-

нованиях «Олимпийского дня» в столице Германской Демократической Республики. Копье, пущенное рукой Уве Хона, летело... прямо на нас, собравшихся возле прыжкового сектора у противоположной стороны спортивной арены. Серебристый снаряд, словно вознамерившись бросить вызов закону всемирного тяготения, парил в воздухе, как сильная, неукротимая птица...

Копье вонзилось в зеленый газон всего в нескольких шагах от нас, оторопевших от изумления, как и весь стадион. 104 метра 80 сантиметров! В ту минуту подумалось: родился рекорд, который не просто тешит тщеславие атлета, но не дает устояться нашим представлениям о человеческих возможностях. Кто-то очень точно назвал такие спортивные достижения верстовыми столбами на дороге в будущее.

У шестовиков моего поколения тоже есть желанная, заветная цель. Я оказался к ней ближе других. И разве будет справедливо, если кто-то другой покорит ЭТУ высоту первым?

...Сейчас раннее утро. Номер московской гостиницы «Спорт». Сквозь плотно зашторенное с вечера окно все-таки нашел лазейку, пробился солнечный луч. Он разбудил меня раньше обычного, да я не в обиде. В бесконечной круговерти расписанных по часам дней не так уж плохо получить в дар от случая десять-пятнадцать минут на безмятежное ничегонеделание.

Сегодня суббота? Конец недели, так много всего вместившей и потому кажущейся бесконечно долгой. Во вторник из Бельгии прилетели, всего два дня дома — и снова в путь.

У Расула Гамзатова, поэзию которого очень люблю, есть такие строчки:

Опять дорога, вечно мы в пути.
Я вижу цель. Она всего дороже.
А суждено ли до нее дойти,
Не знаешь ты, и я не знаю тоже.

В принципе привык к кочевой спортивной жизни. Притерпелся к частым разлукам с родными и друзьями, свыкся с однообразным гостиничным бытом, «безразмерными» ожиданиями на аэровокзалах, сменой часовых поясов. Но сегодня случай особый. Сегодня все бы, кажется, отдал, чтобы хоть на мгновение снова оказаться в Донецке.

Четыре дня назад у меня родился сын. Вспомнил, как на нашей с Лилей свадьбе кто-то из гостей задался шутливым вопросом: какая наследственность возобладает в детях мамы-гимнастки и папы-шестовика?..

Строго говоря, с Виталиком — мы называли его в честь моего тренера — я еще даже не знаком. Видел его только разок, издалека, в окне второго этажа родильного дома, где счастливо улыбалась Лиля, прижимавшая маленький живой комочек. Шальная, нелепая мысль тогда еще промелькнула: был бы шест под рукой, запросто запрыгнул бы в окно. Метров пять до него, не больше...

Стоявший рядом Петров обнял за плечи, вернул с небес на землю:

— Ну вот, Серега, ты уже отец. Пора подумать о достойном подарке сыну.

Хорошо понимаю, что он имел в виду. Знаю, о каком подарке толкует. Впрочем, я и сам на меньшее не согласен.

Все. Пора подниматься. Зарядка, завтрак в буфете — и в путь. Через три часа самолет

на Париж. Думал, что минуем его на сей раз транзитом, по дороге в Ниццу, но, как выяснилось, не получится. В Париже сегодня какой-то международный турнир, организаторы непременно хотят, чтобы и я выступал.

В Шереметьеве, пока ждали регистрации и посадки, отыскал междугородный телефон-автомат, набрал квартиру Петровых.

Трубку взял Виталий Афанасьевич:

— Как там мой?

— Не волнуйся, все хорошо. Лилю с малышом через пару дней выпишут.

— Приглашают сегодня же прыгать в Париже.

— Ориентируйся по самочувствию. Решай на месте сам.

Короткие гудки в трубке. «Решай сам...»

Да что тут раздумывать: раз просят — буду прыгать!

(Продолжение следует)

МЕТРЫ ПО ВЕРТИКАЛИ

Детство в каждом из нас навсегда оставляет свои неповторимые звуки и запахи. Для меня это скрип калитки, ведущей во дворик бабушкиного дома, и особенно запах цветущей там черешни.

По возрасту то дерево старше меня. Помню, его однажды зачем-то собирались спилить. Но бабушка — мамина мама — не позволила, отстояла. В ее доме (мой дед не вернулся с войны) ее слово всегда было законом.

Когда в августе 1983 года я стал чемпионом мира и вырвался на денек в Ворошиловград, бабушка нашла внука «дуже схудлым» и долго, напевно причитала по-украински:

— Який жаль, який жаль, та черешен вже нэмае...

Она просто убеждена, что черешня — самая полезная для человека ягода. Что ж, если иметь в виду плоды с дерева, под кроной которого ты вырос, то мою бабушку Екатерину Григорьевну можно считать трижды правой.

Теперь, пожалуй, немного анкетных данных.

Родился я 4 декабря 1963 года. Отец, Назар Васильевич, военнослужащий, прапорщик, отдавший армейской службе четверть века. Мама, Валентина Михайловна, санитарка, работает в одной из поликлиник Ворошиловграда.

Район, где прошло мое детство, носит необычное для постороннего слуха название — Каменнобродский. Каменный Брод — так именовалось село на берегу мелководной речки Лугани, с которой почти двести лет назад начинался город. Старый район. Рабочая слобода.

А вот наша улица — имени Зои Космодемьянской. Бывшая Четвертая Продольная. Когда-то все улицы здесь так назывались: Продольные да Поперечные. Только номера разные.

Маленький, с окнами до земли, бабушкин домик из двух комнат, в котором до того, как родители получили квартиру, жили впятером. Жили тесно, но дружно. Мама с отцом с утра на работе, мы с братом Васей в школе, а бабушка в бесконечных хлопотах по хозяйству.

К труду нас приучали сызмальства, за что я благодарен родителям. Вряд ли открою Америку, если скажу, что из лентяя, бездельника ничего путного не может получиться ни в спорте, ни в жизни вообще. Вскопать огород, помочь отцу дров на зиму напилить, натаскать в дом воды из колонки — были наши с братом неперемennые обязанности.

Трудолюбие — главный урок нашего детства.

Теперь, когда мы с Васей (он старше меня на три года) стали взрослыми, обзавелись собственными семьями, мама любит вспоминать, как в детстве ее сыновья были словно «две половинки от разных яблок». Так

говорила наша первая учительница Мария Макаровна Акимова, у которой учился сначала Вася, а потом я.

Брат — спокойный, уравновешенный, немногословный. Меня же чаще всего называли одним словом — бедовый. Все деревья, заборы в округе облазил — за это, кажется, могу поручиться. Мама дырки на штанах и рубашках штопать не успевала, калитку веревкой намертво привязывала, чтобы я со двора не сбежал, — куда там... Она до сих пор бледнеет, когда рассказывает, как эта моя бедовость не обернулась однажды непоправимой бедой.

Во дворе, под навесом, стояла двадцативедерная бочка с водой, в которой солили капусту на зиму. Видимо, свойственное всякому маленькому человеку жгучее любопытство заставило меня подтянуться на руках, чтобы заглянуть, что там, внутри. У гимнастов это называется выходом в упор.

Мой первый «выход» закончился тем, что Вася, по счастью оказавшийся рядом, через мгновение увидел, как беспомощно торчат из зева бочки ноги в стоптанных сандалиях. На его истошный вопль «Сережка тонет!» из дома пулей вылетела мама и успела как раз вовремя...

Наши мамы всегда поспевают вовремя, если нам плохо.

Есть немало семей, в которых увлеченность спортом, тяга к физическим упражнениям передается от старшего поколения к младшему как эстафетная палочка. Там все понятно и просто. Там действует животворная сила примера. Что касается нашей семьи, то никакой спортивной «наследственности» у нас с братом не было. Мама впервые в жизни побывала на стадионе, когда я уже был рекордсменом мира. Отец, человек от природы физически крепкий, к спорту тяги тоже никогда не испытывал. От него, правда, мне досталось то, что в народе зовется «широкой костью».

Нашим первым стадионом была улица. Не каждый мальчишка, живущий сегодня в большом городе, сможет когда-нибудь так о себе сказать. Хорошо ли это?

Вот смотрю из окна многоэтажного дома, растянувшегося на целый квартал, и вижу... бельевые веревки да заставленный автомобилями двор. Негде ребятам играть, порезвиться в свое удовольствие. Да, знаю, что многие из них «охвачены» организованным спортом: кто в секцию тенниса ходит, кто — футбола, кто — борьбы. А моему девятилетнему соседу по подъезду и вовсе крупно повезло. Так, по крайней мере, считает его мама, устроившая сына в «дефицитную», единственную на весь город секцию фигурного катания. Хотя парню, быть может, нужно совсем другое.

Нет, мы свой выбор делали сами. На пустырях, в жарких футбольных баталиях проводили большую часть свободного времени. Улица на улицу, квартал на квартал. А надоест мяч гонять — всей ватагой нагрянем в находившийся неподалеку военный городок. Там и вовсе раздолье: турники, канаты, брусья, разнокалиберные лестницы. Какой настоящий мальчишка безразлично мимо пройдет, не испытав свою силу, ловкость. Среди нас, каменнобродских, таких не было.

Первое знакомство с организованным спортом, должен признаться, не восхитило меня. Во втором или третьем классе, точно уже запомнил, я впервые попал в бассейн. Ребята уговорили записаться на плавание. Белый кафель, голубая вода с бирюзовым отливом и... меня быстро одолела скука. 25 метров туда — 25 метров обратно. Прямо по поговорке: «Опять двадцать пять». Рискую обидеть пловцов, но до сих пор поражаюсь их необыкновенному терпению выдерживать эту монотонность на тренировках.

Нет, лично мне по душе ощущение пространства, а не бортики, пусть даже одетые в нарядный кафель. Словом, не сошлись мы характерами с плаванием.

Потом был урок физкультуры, на который пожало-

вал тренер по спортивной гимнастике из соседней ДЮСШ. Он раскрыл на нужной странице классный журнал и зычным, командирским голосом вызывал каждого по алфавиту.

Тесты предлагались простые: кувырки назад и вперед, лазание по канату, прыжки через снаряд, который в школьном обиходе привычно зовется «козлом».

Карандашная галочка — как свидетельство годности — появилась в итоге против дюжины фамилий одноклассников, в том числе и моей. Тренер объявил время и место, куда нам надлежало явиться на первое занятие, и с видом человека, выполнившего свой долг, удалился.

Даже теперь не смогу объяснить, почему я так и «не дошел» до гимнастического зала. Собирался, но в последний момент передумал. Может, ребячий каприз. Может, тренер не понравился. А может, чувствовал, что и это еще не мое?

Ну а оказаться в прыжковом секторе, хоть и банально звучит, помог-таки случай. И теперь, когда я вижу мальчишек, которые впервые приходят в секцию шестовиков, убежден, что влечет их отнюдь не осознанность выбора, а нечто иное. Что именно?

Скорее всего острота, необыденность предвкушаемых ощущений. В самом деле, пробежать по дорожке стадиона, ударить по футбольному мячу, переплыть бассейн — такое в своей жизни испытал едва ли не каждый. А вот взлететь с помощью пластиковой «катапульты» на несколько метров по вертикали...

Нет, нет, вовсе не хочу этим сказать, будто прыжки с шестом — занятие для избранных. Для терпеливых. Для способных побороть в себе естественный страх высоты. Для готовых к соленой работе, от которой на первых порах ладони, не успев как следует зажить, снова стираются в кровь.

Избранность тут ни при чем. Пусть это запомнит каждый мальчишка, решивший покрепче ухватиться за шест.

Пусть запомнит слова, сказанные однажды знаменитым прыгуном из ГДР, олимпийским чемпионом Вольфгангом Нордвигом:

— Если хочешь стать шестовиком, сначала пропусти это желание через свое сердце, а потом — прыгай!

Сам я эту диковинных размеров жердину впервые увидел в руках у Славы Малахова. Он жил на нашей улице, был старше меня на три года, но это не мешало нам оставаться закадычными друзьями. Любая дружба зиждется на общности интересов, устремлений, и, когда Слава увлеченно рассказывал, что с помощью этой штуковины он твердо намерен научиться прыгать «метров на пять, а то и повыше», я охотно разделял его восторг, его веру. И мечтательно задираю голову, пытаюсь представить Славу в полете на эту сказочную высоту, однако силы воображения все-таки не хватало.

— Ну вот что, — решительно сказал однажды мой друг. — Завтра поедешь со мной. Тренер у нас отличный мужик, он тебя тоже примет.

Так — уже окончательно и бесповоротно — решила моя спортивная судьба, и Малахов навсегда в ней остался «крестным отцом».

Путь от Каменного Брода до динамовского манежа совсем неблизкий. Через весь город, с двумя трамвайно-троллейбусными пересадками. Малахов представил меня «отличному мужику» — молодому тренеру по фамилии Петров.

Конечно, в тот осенний день 1974 года ни он, ни тем более я не могли предположить, что находимся у порога долгого и трудного пути, по которому придется шагать рядом. Спустя много лет Виталий Афанасьевич назовет ту нашу встречу «счастливым подарком судьбы», и мне будет чуточку стыдно, что он, а не я признался в этом вслух.

...Честно говоря, очень надеялся, что тренер сразу же

выдаст мне шест. Раз уж пришел, то чем я хуже других? Но Петров словно позабыл о шесте, подвел меня к перекладине и попросил подтянуться сколько смогу.

Я лихо подтянулся пятнадцать раз, не подозревая, что делаю это неправильно: используя кач перекладины и маховые движения тела. Петров, разумеется, это заметил:

— А теперь расслабься и подтянись силой из спокойного виса, — таким было его новое задание.

Только один раз, да и то с трудом, достал подбородком холодный металл турника — на большее меня не хватило.

Думаю, ну вот, сконфузился. Стоило тащиться в такую даль, чтобы получить сразу же от ворот поворот. Однако лицо тренера было по-прежнему сосредоточенно и серьезно, без тени усмешки, и это наблюдение меня немного успокаивает. Может, еще не все потеряно, может, еще приглянусь ему?

Петров продолжает свой экзамен. Просит пробежать меня на время 30 метров. Щелкает секундомером — 4,6 секунды. После 60-метровой дистанции стрелки хронометра застыли на отметке 8,6. Потом прыгнул в длину за четыре метра.

В общем, несмотря на обескураживающее начало, в целом моей «уличной» подготовкой тренер остался доволен. Хотя теперь-то я знаю, что такие же результаты показывают в десятилетнем возрасте сотни мальчишек.

Через несколько занятий дело наконец дошло до шеста. Но каким же неудобным показался мне этот изящный со стороны снаряд! К сектору тренер меня тоже подпустил, да только к другому — для прыгунов в длину. Я делал так, как он показывал: забирался на тумбочку, поудобнее упирался в яму с песком и толкал шест, просто толкал... Потом, когда немного освоил, «почувствовал» снаряд, стал прыгать с ним в длину, взлетая в воздух на метр-полтора.

Признаться, я совсем не вникал тогда в смысл тренерских слов о моих мышцах — от природы, оказывается, эластичных и длинных, о хорошей координации движений, позволившей, например, без особого труда освоить премудрости барьерного бега. И вообще Виталий Афанасьевич со специализацией не спешил, будучи убежденным сторонником многоборной подготовки легкоатлета любой «специальности». Он даже не боялся, что я могу изменить шесту, скажем, в пользу спринта или прыжков в длину, где тоже получалось недурно. В 12-летнем возрасте, например, в прыжках в длину улетел за шестиметровую отметку и был чемпионом области среди сверстников.

Впрочем, результаты волновали нас тогда еще мало. Для меня все это было просто игрой, доступной и увлекательной, состязанием с пространством и временем.

Через игру Петров как-то незаметно, исподволь в конце концов «привязал» к шесту меня и других ребят. Наш тренер придумывал эстафеты, которых в спортивных учебниках не найти, давал вволю наиграться в футбол и хоккей (клюшки — обломки старых планок с загнутыми концами). Нам было интересно, весело, и каждую тренировку мы ждали, как праздника.

Все было ничего, однако вот манеж находился далеко от дома. Только на дорогу туда и обратно уходило два часа. И хотя Виталий Афанасьевич взял за правило провожать меня, как самого младшего в группе, после вечерних тренировок до троллейбусной остановки, дома все равно были беспокойны. Нелегко, согласитесь, отпустить ученика четвертого класса в путешествие через весь город.

Очень часто подводил общественный транспорт. И однажды отец, нервно выкурив в тревожном ожидании полпачки «Беломора», встретил мое позднее появление ударом ладони по столу и суровым приговором, который обжалованию не подлежал:

— Все, хватит! Считай, что отпрыгался.

Наверное, так оно и было бы... Но спасибо Васе — он и тут меня выручил. Можно сказать, спас для прыжков.

Проблема решилась сама собой, когда брат, до сих пор смотревший на мое увлечение с высоты своего возраста несколько скептически, объявил о решении начать тренироваться. Так я обрел постоянного, а главное, очень надежного спутника.

Вася рос крепышом, не слишком подвижным, что для занятий легкой атлетикой служило явной преградой. Петров это понял сразу и попробовал Васю отговорить:

— Почему именно шест? Разве мало других видов спорта?

— Нет, хочу заниматься только у вас, вместе с братом, — насупив брови, упорствовал Василий.

— А кто твой брат?

— Сергей Бубка.

— Ну, раз у вас это «фамильное», — улыбнулся Петров, — можно попробовать. Посмотрим, что из этого выйдет.

Надо сказать, что Вася взялся за дело неистово, тренировался много, упорно, до кругов в глазах. По натуре очень самолюбивый, он желал поскорее развеять всякое недоверие к себе, стремился наверстать упущенное время, настичь сверстников, которые по результатам ушли далеко вперед.

Вот это-то страстное желание догнать всех и помогло Васе всех... перегнать. Шутка ли, прибавлять ежегодно к своему результату по целому метру! Но как бы там ни было, а первым в группе Виталия Афанасьевича Петрова шестовиком, получившим в 1978 году право носить значок «Мастер спорта СССР», стал мой старший брат Василий Бубка. От гордости за него я был на седьмом небе.

В связи с этим вспоминаю, как на одном из первых занятий Петров построил всю группу и сказал нам примерно следующее:

— Ребята, по мере того как будут расти ваши результаты, вам будут вручать значки — третий разряд, второй, первый. Сразу предупреждаю: спрячьте их подалее и никому не показывайте. Первый значок, который достоин нашего внимания, — это значок мастера спорта.

Нет, не пренебрежение к знакам спортивного отличия воспитывал в нас тренер — настраивал на максимум. Ему вообще свойствен максимализм.

Виталий Афанасьевич Петров рос без отца. Детство его выпало на послевоенные годы. Едва не попал в дурную компанию и вынудил мать определить «неподдающегося» в школу-интернат.

К метаморфозе, вскоре с ним случившейся, самое прямое отношение имеет спорт. Петров собрал вокруг себя группу интернатских ребят и стал для них, как бы сейчас сказали, тренером-общественником: был заводилой футбольных баталий, бесконечных соревнований на турнике — и везде он лидер, капитан. Воспитанная улицей привычка верховодить здесь вошла в нужное, полезное русло.

Когда школа осталась позади, ничего другого для себя просто не мыслил — только тренер, только спортивный наставник. На факультете физического воспитания Харьковского педагогического института, куда поступил учиться, перепробовал все виды легкой атлетики — от спринта до метаний. Собирался даже стать многоборцем. В конце концов остановил свой выбор на прыжках с шестом.

Откладывал рубли со скудной стипендии, чтобы купить приличный бамбуковый шест. Прыгнул с первого раза на 3 метра 10 сантиметров, и сам всегда вспоминает со смехом, потому что мне такая же высота оказалась по силам еще в пятом классе.

Как жаль, что машина времени всего лишь плод воображения. Много я бы отдал за встречу, увы, уже никак не возможную, с одним из учителей Петрова —

Гавриилом Леонидовичем Раевским, преподававшим в те годы в Харьковском педагогическом институте.

Поклонникам легкой атлетики заслуженный мастер спорта Раевский известен как первый советский шестовик, которому покорилась четырехметровая высота. Это было в 1935-м. Его знаменитая прыжковая дуэль с Николаем Озолиным — одна из ярчайших страниц в истории советского спорта.

Раевский на деле доказывал преимущества многосторонней, то есть, как говорят специалисты, многоборной, подготовки шестовиков, он сам был отличным спринтером, сильным метателем, хорошим прыгуном в длину.

Вот как вспоминает о нем в одной из книг Николай Георгиевич Озолин:

«Раевский обладал удивительно самобытным умом, был инициатором многих новшеств в подготовке прыгунов с шестом и при этом вел воистину спартанский образ жизни. Первую тренировку проводил в пять часов утра. Долгое время не женился, потому что считал, что семейная жизнь не позволит всецело посвятить себя спорту. Умел прекрасно психологически настраиваться на прыжок. Как рассказывал его брат Иван, на тренировках Гавриил нередко ставил планку на отметке четырех метров и долго присматривался к этой высоте, психологически готовил себя к штурму. Это он придумал на тренировках сближать стойки, чтобы планка казалась выше, зато на соревнованиях, когда стойки были раздвинуты, эта же высота казалась ниже. Нередко он тренировался в тяжелых ботинках, с утяжеленным шестом (в него Раевский насыпал дробь). А его боевой шест был легким и гибким. Чтобы он лучше сгибался, Гавриил металлическим стержнем пробивал перегородки внутри ствола бамбука. И хотя при этом уменьшалась прочность шеста, зато улучшались его баллистические качества — он лучше гнулся и выше подбрасывал пры-

гуна. Человек, не истощимый на выдумки, Раевский внес много нового в методику подготовки прыгунов с шестом».

Многое рассказывал нам о Раевском и Виталий Афанасьевич.

Когда началась Великая Отечественная война, Раевского долго не брали на фронт. А он со свойственной ему непреклонностью штурмовал военкоматы и в конце концов своего добился: ушел в действующую армию добровольцем. Здесь снова пригодилась его разносторонняя спортивность: Раевский стал снайпером. И каким — 173 фашиста нашли смерть от его разящих выстрелов!

Дальше судьба Раевского — еще одна повесть о настоящем человеке.

...Его нашли в лесу на четвертые сутки после тяжелейшего ранения: пуля прошла через левый глаз и левое ухо. «Не жилец», — с горечью говорили друзья-однополчане и врачи. Оснований для пессимизма было предостаточно. Полная потеря памяти. Несколько лет в госпиталях. Пришлось заново учиться ходить, говорить.

Но не нашлось испытания, способного сломить железную волю Раевского. Он не просто вернулся к активной жизни — он продолжил свой спор с высотой! Не раз еще фронтовик-орденоносец, спрятав подальше выданную медициной инвалидную книжку, становился чемпионом Украины, призером всесоюзных соревнований. В 60 лет он крутил «солнце» на перекладине, мог на руках без единой остановки пройти по периметру футбольного поля...

Он был как-то по-офицерски строг с молодыми, терпеть не мог фамильярности, панибратства. И вот что удивительно: именно строгость Раевского как-то притягивала к нему людей. Петров вспоминает, как после первого курса института устроился работать кочегаром в вузовском спортивном лагере только затем, чтобы лишний месяц потренироваться у Гавриила Леонидовича, наконец, просто быть рядом с ним.

...Таким был этот удивительный человек и спортсмен.

Учитель моего учителя. Стало быть, я могу, наверное, считать себя «спортивным внуком» Раевского.

Что касается Петрова, то он закончил выступать, когда почувствовал, что достиг своего потолка: 4.20 с металллическим шестом и 4.40 с фибергласовым. Уровень кандидата в мастера спорта по тем временам.

Потому, наверное, он, увидевший в нас свое продолжение, так решительно настраивал с первых шагов на мастерский результат. Все правильно: ученики просто обязаны идти дальше учителей— иначе откуда прогресс?

Последняя высота Петрова для меня тоже по-своему памятна. Прыгнув на 4.40 в 1978 году, я получил первую возможность появиться «в свете». На Всесоюзной спартакиаде школьников в Ташкенте занял четвертое место. Нормально для новичка, особенно если учесть, что соперники были на 2—3 года постарше.

Сознательно делаю эту оговорку. Дело в том, что меня всегда окружали ребята, которым я «проигрывал» в возрасте. Причем не только на соревнованиях, но и в нашей группе. Это не было случайным стечением обстоятельств. Это была тренерская уловка, а если говорить по большому счету— твердая линия Петрова в работе со мной. И соперников, и партнеров по тренировочному процессу он умышленно подбирал для меня как бы «на вырост». Я постоянно должен был кого-то догонять, за кем-то тянуться. И меня увлекала, раззадоривала такая гонка.

Но однажды все могло рухнуть. Виталий Афанасьевич объявил о своем намерении уехать из Ворошиловграда, перебраться с семьей в Донецк, куда его пригласили работать.

Вовсе не собираюсь идеализировать своего тренера, хоть и многим ему обязан. У него, как и у каждого человека, найдутся свои слабости, недостатки. Однако в лег-

комыслии, скоропалительности принимаемых решений заподозрить Петрова, поверьте уж, невозможно. Он не семь, а семьдесят раз отмерит, прежде чем отрезать.

Все проведенные в Ворошиловграде годы, как теперь помню, его тяготило, мучило, если так можно сказать, профессиональное одиночество. Нет, не как педагога, всегда окруженного ватагой разбитых мальчишек, готовых за него в огонь и в воду, а как специалиста своего дела, стремящегося работать не ради скороспелого, сиюминутного результата, но с перспективой, которую он отчетливо видел. К сожалению, не нашлось рядом союзников, готовых понять, разделить его увлеченность, его бесконечные хлопоты, помочь в конце концов. Не посчитайте нашего тренера белоручкой — он вместе с нами чинил инвентарь, мастерил всякие приспособления, выполнял множество работ по стадиону. На загородной динамовской базе в Кременной, куда мы выезжали на лето, Петров оборудовал отличную прыжковую яму — сам. Когда ломались стойки, брал в руки сварочный аппарат.

Любые соревнования в нашей группе автоматически можно было считать и первенством города, и чемпионатом области — никакой конкуренции. Это тоже его удручало.

Трудности, согласен, закаляют характер. Это простая житейская истина. Но только если трудности объективные, а не искусственно созданные чьей-то косностью, бюрократизмом, нежеланием видеть дальше собственного носа. Сколько тогда разновысоких порогов пришлось «покорять» в одиночку Виталию Афанасьевичу, выпрашивая, вымаливая хоть чуточку внимания. Увы...

При Петрове, между прочим, рекорд Ворошиловградской области за несколько лет вырос от смехотворных 3.60 до вполне солидных по тем временам 5.20. Появились два мастера спорта: Василий Бубка и Аркадий Шквира.

Итак, Петров уезжает. Вася и Аркаша, чтобы не остаться в «беспризорниках», отправляются в Донецк тоже. С ними все просто и ясно: обоим по 18, уже студенты, почти самостоятельные люди. А как быть со мной?

Петров с Василюем устраивают «тайный совет», в котором участвует мама. Вопрос на повестке один: брать или не брать? Брат решительно настаивает, чтобы взять. Со своей стороны гарантирует надежное опекунство. Принимается половинчатое решение, которое доводят до моего сведения: пока едут одни, чтобы осмотреться, а там видно будет.

И я остаюсь дома. Тренируюсь по плану, расписанному Виталием Афанасьевичем. На душе кошки скребут. Чувствую какую-то раздвоенность: с одной стороны, очень хочется уехать — в пятнадцать лет все новое манит властно, неудержимо, но с другой — маму жалко. У них с отцом как раз случился разлад, и потому ей особенно трудно было меня отпустить.

Так проходит первая учебная четверть. Самая короткая, она показалась очень долгой. Хожу в школу, скучный, потерянный, иной раз по вечерам плачу от обиды.

Видя мои мучения, мама в конце концов не выдерживает:

— Знаешь, сынок, ты все-таки поезжай. Ты без этого не сможешь. А я уж как-нибудь... Не хочу себя потом казнить, если у тебя в жизни что-то не так получится, как задумал.

Наши мамы умеют нас понимать, как никто другой.

...До мелочей помню стылое, неудобное утро 10 ноября 1979 года. Краснобокий дизель-поезд Ворошиловград—Донецк на первой платформе. Меня сопровождает, верный своему «опекунскому» долгу, Вася: тащит чемодан с учебниками, нехитрыми пожитками, авоську, готовую лопнуть от домашней снеди, приготовленной бабушкой.

Захожу в вагон и боюсь обернуться. Мама на перроне, наверное, плачет. Резкий скрежет створчатых дверей, будто в одно мгновение отрезавших меня от детства.

Ехать недолго — всего четыре часа. Но и неблизко — считай, в новую жизнь.

Моя новая обитель — заводское общежитие на Киевском проспекте Донецка. Аркаша и Вася здесь уже немало обжились. Теперь притащили в комнату третью кровать.

Суровая комендантша, вручая постельные принадлежности, дает инструктаж: «Не приходите... не ломать... не мешать...» Впечатление такое, будто люди только затем и селятся в общежитиях, чтобы как можно позже прийти, что-нибудь непременно сломать, кому-нибудь обязательно помешать. Административное рвение с нормальной логикой в ладах не всегда.

Но меня больше волнует другое: как встретят чужака в 57-й средней школе, где предстоит учиться?

Напрасно беспокоился — приняли нормально. Класс оказался спортивным. Почти все мальчишки в секциях занимаются — кто борьбой, кто плаванием, кто баскетболом. Шестовиков, правда, нет. Преподаватель физкультуры Виктор Иванович Кирбаба, с которым Петров немедленно установил прочный контакт, взял надо мной, как «подающим надежды», добровольное шефство. Спасибо ему за это.

Общежитие есть общежитие. Ни мамок, ни нянек тут нет. Завод работает в три смены, и поэтому обитатели этого дома находятся в состоянии «вечного движения».

Привыкаю к незнакомому доселе жизненному укладу. Рано утром, когда Вася и Аркадий еще могут поспать, судорожно нащупываю кнопку звящего будильника.

Нужно быстро подняться, умыться, сделать зарядку, разогреть на общей кухне завтрак — и в школу. В первую зиму холодильника у нас еще не было, вывешивали

авоську с продуктами за форточку. Потом, когда «разбогатели», купили «Морозко» — самый маленький холодильничек, по нашим скромным потребностям в самый раз.

В школе я поначалу шокировал одноклассников тем, что покупал в буфете, как запасливая домашняя хозяйка, по дюжине пакетов молока. Потом, когда ребята узнали об особенностях моего быта, насмешничать перестали. А некоторые, по-моему, даже завидовали: пятнадцать лет, а уже сам себе голова...

После обеда отправляюсь на тренировку. Постоянный цейтнот приучил учебники всегда иметь при себе. Устные предметы порой штудировал прямо в троллейбусе. Письменные работы оставлял на вечер. Бывало, что Вася с Аркашей уже первые сны досматривали, а я все сидел при свете настольной лампы, терпеливо разбираясь в синусах и косинусах.

Школу я окончил без троек. Не ради похвалы говорю об этом. Просто хочу еще раз поспорить с живущим представлением якобы о несовместимости большого спорта с учебой.

Лично у меня в этом споре был очень серьезный оппонент — директор школы Д. А. Вайнштейн. Опытнейший педагог, кандидат наук, он вел у нас в классе историю и обществоведение, предметы, которые я любил. Подписывая безо всякого энтузиазма очередную справку, разрешающую выехать на соревнования, Давид Абрамович недовольно тряс гривой седых волос и неизменно ворчал:

— Твоей голове, Бубка, можно найти более достойное применение, чем — как это называется? — прыжки с шестом.

Нет, я не обижался на старого педагога. Потому что хорошо знал: именно спорт помогает человеку выработать обостренное чувство времени, вместе с которым приходит ответственность за любое дело, любой поступок. Тут у меня не книжный, а собственный опыт.

Но вернусь к нашему общежитскому бытию. После того как Шквира женился, мы с братом остались вдвоем.

Если главным уроком детства, о чем я уже говорил, было привитое родителями трудолюбие, то теперь мы обретали не менее важное качество — самостоятельность. Иными словами, умение прочно стоять на ногах, обходиться без посторонней помощи в самых различных житейских ситуациях. Что это означало практически?

Ну, например, за все четыре года, проведенных в общежитии, мы ни разу не заглянули в столовую. Готовили исключительно сами, причем главный мастак был здесь, конечно, Вася.

Он неустанно совершенствовал кулинарные навыки, особенно когда бывал у мамы в Ворошиловграде. Знаменитый украинский борщ так наловчился варить, что съешь и попросишь добавки. Потчевал Вася меня и отбивными, и бифштексами. Но самым ходовым, «фирменным» блюдом была творожная запеканка. Зато мучное исключалось практически полностью. Разве что на исходе сезона, когда все старты оставались уже позади, разрешали себе небольшое послабление: пекли пироги по рецептам Галины Алексеевны, жены Петрова. Однажды даже рискнули пригласить все семейство Петровых в общежитие на званый ужин.

Не могу сказать, что питались мы, руководствуясь рекомендациями журнала «Здоровье» или «по Амосову». Но к одному наставлению знаменитого академика — «не бойтесь чувства голода» — относились и относимся по сей день со всей серьезностью. Потому что лишний вес для шестовика — не меньший бич, чем для гимнаста или, скажем, артиста балета.

С деньгами, конечно, было туговато, однако, неприличные к излишества, не говоря уже о роскоши, мы относились к этому абсолютно спокойно. Старались придерживаться во всем принципа разумных потребностей.

Все самое необходимое мы покупали в той последовательности, которая диктовалась «оперативной обстановкой». Если надвигалась зима, Вася оставался без пальто — шли в магазин подбирать ему что-нибудь теплое из одежды. А поистерлись брюки на мне — стало быть, наступала моя очередь получить обновку.

Однажды для школьного «огонька» у меня не нашлось приличной рубашки, не говоря уже о галстуке. Галина Алексеевна выручила: ловко ушила по моей фигуре одну из рубашек Петрова, его галстук перелицевала и заузила по тогдашней моде.

Самостоятельность наша, конечно же, была все-таки относительной. Потому что рядом всегда были Петровы. К ним мы могли прийти в любую минуту. Днем или ночью. С радостью или бедой. Расхожее выражение «второй дом» для меня имеет вполне конкретный смысл, абсолютно точный почтовый адрес.

В этой семье особенно подкупает готовность и умение жить общими интересами. Впрочем, если разобраться, так ничего удивительного в этом и нет. Супруга Виталия Афанасьевича сама в прошлом неплохая легкоатлетка, занималась многоборьем и спортивную жизнь знает не понаслышке. Это и помогает ей быть союзницей, сподвижницей мужа. Ведь тренер, по-моему, больше, чем просто профессия. Это еще и особое состояние души, которую нужно уметь понимать.

«Штаб-квартира» — так мы называли между собой малогабаритное жилище Петровых, где становилось особенно тесно, когда собирались все вместе. А собирались часто: перед соревнованиями, на «разборе полетов», по праздникам, в дни рождений.

Мне, пожалуй, довелось гостить здесь чаще других ребят. Особенно зимой, когда в общежитии было холодно и Галина Алексеевна, жалея меня, как самого младшего, настаивала, чтобы я пожил у них какое-то время. Иногда это было просто вынужденной мерой: простуживался, ангины так и липли ко мне. Тогда квартира Пет-

ровых превращалась в лазарет с запахами растирок, липового чая.

В отцы-матери мне, а Васе тем более, Петровы вряд ли годятся: сами еще молоды. И все же чувство, которое мы к ним испытываем, вполне сравнимо с сыновним.

Виталий Афанасьевич событий не торопил, проявлял такт и терпение. Он считал, что, если я буду прибавлять в год сантиметров по тридцать, получится как раз то, что нужно.

В 1980-м я стал чемпионом страны среди юношей, выполнив норматив мастера спорта — 5.10.

Потом, успешно пройдя еще несколько стартов, заслужил благосклонность наставников молодежной сборной СССР. После некоторых раздумий они включили меня в команду для поездки на Кубу, на турнир юных легкоатлетов социалистических стран.

Первый в жизни выезд за рубеж. Первая встреча с экзотикой. Разлапистые пальмы на каждом шагу. Роскошные многокилометровые пляжи. И жара — непривычная, какая-то липкая. Откровенно говоря, все окружающее я воспринял без лишних ахов и охов — думал больше о прыжках, чем о непривычных красотах.

Начались соревнования. И тут-то впервые почувствовал, что это такое: выступать в непривычных условиях. Уже через час стало казаться, что ноги ну совсем как чужие, вот-вот отвалятся. Взял 5 метров ровно — занял второе место. Не то чтобы провал, но и успехом не назовешь. Из уст тренеров никаких оценок я не услышал.

Следующий год получился сложным. Я стал быстро расти, вытягиваться в высоту. И поэтому о стабильности спортивных результатов пришлось на время позабыть. Какая уж тут стабильность, какая размеренность, если через месяц-другой приходилось менять все: скорость разбега, место отталкивания, хват на шесте, да и сам шест. Поэтому не всегда мог приноровиться к обстоятельствам, случались неудачи.

В тонкости технологии прыжкового дела сейчас

вдаваться не буду. Но на двух факторах, определяющих очень многое и легкое доступных пониманию каждого, кто хоть раз в жизни видел соревнования шестовиков, остановлюсь. Речь о так называемом хвате шеста и жесткости снаряда.

Представьте шестовика, изготовившегося к разбегу. Опорной рукой он крепко сжимает снаряд почти за верхушку. Расстояние от кисти руки до противоположного конца снаряда и есть высота хвата. Чем больше она, тем лучше: при прочих равных условиях выше можно взлететь. У меня максимальный хват — 5.15 метра. Чтобы вывести шест на вертикаль при таком хвате, необходима высокая скорость разбега. А точнее, эквивалентная скорости спринтера, пробегающего стометровку за 10,2 секунды.

Теперь о жесткости шеста или — что то же самое — о его мощности. Определяется она по предельному весу спортсмена, на который рассчитан данный снаряд. Жесткость по давней традиции измеряется в английских фунтах. Один такой фунт — примерно 450 граммов. Мой боевой шест промаркирован цифрой 215, это означает, что она рассчитана на прыгуна, собственный вес которого находится в пределах 97 килограммов. Мой же фактический — 78. Эта почти двадцатикилограммовая разница между допустимым и реальным весом создает как бы запас прочности, позволяет мне «нагружать» шест не за счет моего веса, а за счет скорости. И естественно, подбрасывает меня он легче, выше.

Говорят, будто бы мне принадлежит приоритет «открывателя» сверхмощных шестов. Нет, это не так. Еще в конце 60-х годов американский прыгун Фред Бартон, например, пользовался именно 215-фунтовым шестом. Однако это не давало ему особых преимуществ перед соперниками. Догадываетесь, почему? Да, собственный вес этого спортсмена превышал 95 килограммов, а высота хвата на шесте не достигала даже 4.40 метра. Поэтому не удалось Бартону взлететь выше 5.11.

...Итак, снова мысленно возвращаюсь в 1981 год. Чемпионат Европы среди юниоров в голландском городе Утрехте.

Почти идеальные для прыгунов условия: тепло, легкий, ровный ветерок, наклонная, градуса на два, дорожка разбега. А мне свет не мил. Для меня все заслонила неожиданно возникшая проблема шеста. На разминке чувствую, что готов к соревнованиям хорошо, да вот беда — шест не держит, кажется чересчур мягким, податливым, того и гляди сломается. Вроде бы мой — 185 фунтов. С ним готовился к соревнованиям, но, как видно, за эти несколько недель успел незаметно «вырасти» из снаряда.

Петров был рядом, пытался что-то предпринять, исправить. Пошел на поклон к соперникам — французам: — Дайте 190-й шест!

Они ему любезно:

— Дадим с удовольствием. Только после соревнований.

С традиционной французской галантностью как-то не вяжется, хотя понять можно: не хотят рисковать. Одно утешение, правда, слабое: нас тоже, выходит, побаиваются.

Чемпионом Европы стал тогда чехословацкий прыгун Франтишек Янса с результатом 5.35. Я в итоговом протоколе разделил 7—8-е места с польским спортсменом Колясой (5 метров ровно).

Провал. Обычный в таких случаях нагоняй от спортивного начальства. Один авторитетный специалист легкой атлетики, сам в прошлом известный спортсмен, бросает Петрову:

— Хочешь совет? Пусть твой Бубка в футбол переходит, пока не поздно еще. Может, там из него что-нибудь получится.

Сказано, конечно, сгоряча, в сердцах, но все равно услышать такое было обидно.

Трудно себе представить спортсмена, лишённого честолюбия, только не нужно путать его с тщеславием. «Победил на одном честолюбии» — так иногда пишут в газетах. Видимо, это и есть то неуловимое ни сверхчутким хронометром, ни самой совершенной и точной рулеткой «чуть-чуть», которое среди множества сильных безошибочно определяет одного — сильнейшего.

Над этим я впервые начал всерьёз задумываться, когда попал в главную команду страны, выполнив в 1982 году норматив мастера спорта международного класса и заняв второе место на взрослом чемпионате страны.

Конкуренция в сборной будь здоров. И Виталий Афанасьевич опасался, как бы не затерялся я, не превратился в статиста, в некий фон, на котором могли бы ярче заиграть достоинства уже именитых, признанных мастеров. Словом, вопрос честолюбия для Петрова тоже не на последнем месте.

У нас, шестовиков, конечно, попроще, чем, допустим, у фигуристов, которые тратят многие годы на завоевание зрительских симпатий и признание судей. У нас нужно лишь прыгнуть выше других. И проблема признания вмиг решена...

После победы на киевском республиканском стадионе в финале VIII летней Спартакиады Украины (результат 5.60) начинаем подготовку к главному спартакиадному старту — в Москве.

Начинаем с того, что поднимаем хват с 4.87 до 5 метров ровно. Петров убежден, что я способен не просто выиграть Всесоюзную спартакиаду, но «выстрелить» оглушительно громко: побить мировой рекорд (5.81), принадлежавший москвичу Владимиру Полякову. В соответствии с этим дерзким замыслом составляется график выступлений в Лужниках: 5.40 — 5.60 — 5.70 — 5.82!

...План так и остался на бумаге. А сами соревнования вспоминаю как кошмарный сон.

Июнь 1983 года в Москве хуже не придумаешь.

Холодно, всего 7—9 градусов, ветрено, дождливо. Словом, погодка для шестовиков — аховая. В таких условиях многое зависит не только от спортсменов, но и организаторов соревнований, четкости и объективности судейской коллегии.

Пусть дело прошлое, но раз уж завел речь, скажу до конца: именно судьи на спартакиадном турнире не проявили ни должной квалификации, ни расторопности. Уж во всяком случае, по отношению ко мне.

Первую высоту я преодолел легко, с большим запасом. Ставят следующую — 5.60. Раздеваюсь, поживаясь от холода, беру шест. Хочу побыстрее сделать прыжок, чтобы не остыть. Но что это? Планку снимают, высоту якобы надо перемерить. Это запрещено правилами, поскольку я уже вызван на старт. Неужели арбитры не знают?

Старший брат, тоже участвующий в соревнованиях, бежит к ним:

— Что вы делаете?

Никогда еще не видел спокойного и уравновешенного Василия таким распаленным, кипящим от негодования.

Перемерз я на старте, потерял настрой и не взял высоту.

Вызывают для второй попытки. И что вы думаете? Планка снова оказывается не там, где ей положено быть. Опять она в руках у судьи. Прямо как наваждение! Хоть плачь от обиды.

Словом, вместе с дождевыми пузырьками в лужах у сектора лопнули все наши смелые замыслы. Вместо мирового рекорда (сказал бы тогда кому — засмеяли) — какие-то 5.40 и девятое место. О чем говорить?

Сразу же после спартакиады на заседании тренерского совета сборной СССР Виталий Афанасьевич встает и заявляет, что «лучший прыгун с шестом в стране, а может быть, и в мире — Сергей Бубка». Коллеги его одаривают очень, мягко говоря, недоверчивыми взглядами. Тут же членам совета предлагается запол-

нить анкету: написать три фамилии шестовиков, достойных представлять советский спорт на первом чемпионате мира по легкой атлетике в Хельсинки.

На стол ложатся 12 листочков — по числу участвующих в опросе. Кроме Петрова, мою фамилию в список кандидатов не вносит никто.

Но Петров — великий упрямец. Он продолжает стоять на своем. Просит еще раз проверить меня в деле. Предоставить шанс, отнятый на спартакиаде судейской необъективностью. И наконец с ним соглашаются. Предлагают приехать на сбор в Таллин, но сразу предупреждают: вакантное место у шестовиков осталось только одно, поскольку для Волкова и Полякова билеты в Финляндию уже заказаны.

«Смотрины» проходят успешно. Вот та таллинская серия: 5.30 — 5.60 — 5.65 — 5.72 — личный рекорд.

Все? Как бы не так! Хоть и не фигурное катание, но меня хотят проверить еще раз — на соревнованиях в Ленинграде. Там беру 5.65 и получаю наконец разрешение зачехлить шест.

Позже журнал «Легкая атлетика» опубликовал кинограмму того прыжка. В качестве учебного пособия. Как образец для подражания. На кинограмме отчетливо видно, что меня отделял от планки в полете запас сантиметров в тридцать. Хороший, в общем, получился прыжок. Он окончательно снял все вопросы.

Я еду на чемпионат мира! Пусть третьим номером в команде — это неважно. Ведь там, перед высотой, мы все снова будем равны.

ОТ ПОСОХА ДО ФИБЕРГЛАСА

«Каждый хвалит тот вид спорта, которым увлечен, — авторитетно утверждали в одном своем веселом рассказе Илья Ильф и Евгений Петров. — Легкоатлет, делая прыжок с шестом, возносится на высоту третьего

этажа, и, конечно же, с такого птичьего полета и теннис, и волейбол, и городки кажутся ему занятиями пигмеев».

Зная, кто авторы этих строк, исполненных иронии и добродушного лукавства, наверняка не должен затаить обиду ни теннисист, ни волейболист, ни приверженец городков. Потому что сравнение достоинств спортивных дисциплин по принципу «лучше — хуже» может быть только таким — шуточным.

Тем не менее «каждый хвалит тот вид...».

У нас, шестовников, очень давняя, уходящая в глубь веков родословная. Аристократическим происхождением, как, допустим, фехтовальщики, мы, правда, щегольнуть не можем, потому что род свой ведем от пастухов. «Предком» спортивного шеста был пастуший посох. Между прочим, немецкое слово, означающее наш вид легкой атлетики, так и переводится: «прыжок в высоту с посохом». А болгарское «овчарски скок», по-моему, в переводе не нуждается.

Это одна достоверная версия происхождения шеста. Есть и другая: право считаться праотцем современного спортивного снаряда у посоха оспаривает копьё. И не без оснований. Во всяком случае, уже в греческом языке прыжок с шестом именуется как «прыжок в высоту с копьём».

Спорить о приоритете, видимо, не стоит, потому что одинаково легко представить, как пользовались своими подручными средствами для преодоления препятствий и эллинский воин, и средневековый пастух.

Интересно, что, уже став спортивной дисциплиной, прыжок с шестом еще сравнительно долго не утрачивал своего изначального, прикладного значения. Привычка, говорят, вторая натура.

Не составляет труда безошибочно предположить, что с инвентарем у первых прыгунов (в отличие от их потомков) никаких проблем не возникало. Все решалось просто: нужно было, прихватив остро отточенный топор,

отправиться в ближайший лес и выбрать подходящее — молодое и стройное — деревце. На шестигодились ель, сосна, бук, ясень — почти все, что оказывалось под рукой.

Деревянные шести были непрочные и тяжелые. Дело усугубляла, как это ни парадоксально звучит, рационализаторская мысль самих спортсменов: чтобы снаряд легко принимал вертикальное положение, на его переднем конце крепился специальный груз — с полпуда железа или свинца. Современному шестовику трудно вообразить такое, потому что в его пластиковой катапульте всего килограмма три или немногим больше.

Первым официальным мировым рекордом в прыжках с шестом принято считать зарегистрированный 23 марта 1866 года в национальном чемпионате Англии «полет» Джона Уилера на высоту 10 футов, или 3 метра 05 сантиметров. Вскоре соотечественник Уилера Роберт Митчелл взял 3 метра 21 сантиметр, но наиболее заметной фигурой среди англичан-первопроходцев стал, пожалуй, третий «по порядку номеров» рекордсмен — Эдвин Вудборн (3.24).

Он был членом клуба крикетистов в затерявшемся на картах Британии городке Улверстоне. Насколько искусно сей джентльмен владел крикетным молотком, история спорта никаких свидетельств не оставила. Что же касается прыжка с шестом, то здесь Вудборн, можно сказать, оказался подлинным законодателем моды. Стиль, которым он пользовался, получил название «улверстонского» и позволил еще в течение нескольких лет землякам Вудборна удерживать рекорд, передавая его друг другу.

Увидеть этот прыжок мы с вами возможности лишены, однако дошедшее описание очевидца дает довольно наглядное представление о происходившем в секторе:

«Шести были сделаны из ясеня или гикори, были длинными и тяжелыми, с железным треножником на конце в форме трехдюймового треугольника. Чрезмерно

тяжелый шест являлся причиной широкого хвата и медленного разбега. Разбег завершался втыканием шеста с треножником перед планкой на расстоянии 3 футов (91,5 сантиметра). После втыкания шеста атлет в момент вися перхватывал на шесте руками несколько раз, как при лазании по канату. Такого рода подтягивание продолжалось до тех пор, пока шест не проходил вертикальное положение. Когда шест начинал наклоняться вперед, атлет подтягивал свои колени и проходил планку в сидячем положении, отбрасывая шест назад, чтобы он не сбил планку, и шел на приземление».

Недолго просуществовал этот способ прыжка. Знайки увидели в нем трюкачество, не требующее от прыгуна собственно атлетических качеств — силы, выносливости, скорости. Были утверждены новые правила, запрещающие перебирать руками во время прыжка, поскольку, кроме всего прочего, это было небезопасно для спортсмена. В момент перехвата резко возрастала нагрузка на шест, в результате чего снаряд частенько ломался, угрожая прыгуну травмой.

Впрочем, есть все основания полагать, что изменить правила прыжка, уточнить их заставили не только интересы техники безопасности, но и курьез, случившийся во время состязания шестовиков на Олимпийских играх 1904 года в американском городе Сент-Луисе.

В спор с хозяевами турнира, которые считались безоговорочными фаворитами, неожиданно решил вмешаться никому не известный японец по фамилии Фуни. Причем сделал свой вызов он настолько оригинально, что вошел в спортивные летописи.

Маленький японец потешил зрителей и озадачил судей. Получив разрешение на прыжок, он подошел к сектору, поглубже вогнал нижний конец шеста в землю, ловко вскарабкался по нему и таким диковинным образом взял высоту 3.20.

Арбитры оторопели, а когда пришли в себя, то объяснили спортсмену-«новатору», что перед прыжком

полагается обязательно разбежаться. И что же? Фуни в ответ понимающе улыбнулся, согласно кивнув головой. Он отошел на несколько метров, неторопливо побежал и... остановившись в шаге от ямы, снова повторил свой номер, который, однако, все равно не прошел: прыжок не засчитали, а японца попросили покинуть сектор.

Но вернемся еще раз к Д. Уилеру, открывшему список мировых рекорсменов. Как нетрудно заметить, прыгнул он практически вдвое ниже, чем это удалось сделать мне. Получается, что на «удвоение» шестовикам потребовалось почти сто двадцать лет. Это значит, что высшее достижение подрастало со средней скоростью 2,5 сантиметра в год. Даже классическая медлительность черепахи для сравнения тут не годится.

Да и сравнивать уместно ли вообще? Потому что темпы роста результатов были очень неравномерны. Случалось, что рекорд по полтора десятилетия стоял, как неприступная крепость. А бывало, что вырастал за сезон на четверть метра.

Объяснение этому простое. Дело в том, что шестовик, так сказать, в исторической перспективе, как никто другой из легкоатлетов, зависит от свойства снаряда, которым он вооружен, от оснащённости сектора, в котором соревнуется. Вряд ли я или кто-то другой рискнул бы, например, камнем падать с шестиметровой высоты в жиденькую опилочную или песочную яму, так шею недолго свернуть. Поролоновая подушка почти метровой толщины — совсем другое дело: удобно и безопасно. Что касается самого шеста, то от его качества напрямую зависит техника прыжка, а значит, и высота, которой можно достичь.

«Первобытные» деревянные снаряды пошли на дрова сравнительно быстро и, видно, без особого сожаления со стороны прыгунов, хотя один из них — американец Уильям Хойт — успел в 1896 году в Афинах стать на «деревяшке» первым олимпийским чемпионом.

А наиболее пока продолжительной — около полу-

века — получилась «бамбуковая эра» в прыжках с шестом. Необыкновенная легкость и упругость — вот главные достоинства этих пустотелых трубчатых растений, приглянувшихся прыгунам. Они дали возможность резко увеличить скорость разбега, а скорость — самый надежный союзник высокого взлета. Именно на бамбуковом шесте американец Маркус Райт в 1912 году первым в мире преодолел четырехметровый рубеж. Современники особенно отмечали в этом прыгуне невысокого роста отличную гимнастическую подготовку.

Взросшая скорость разбега заставила подумать об оборудовании места для постановки шеста в упор. В 1924 году был узаконен правилами специальный ящик упора. Все это дало возможность повысить место захвата. Гораздо богаче стала терминология шестовиков, в которой появились такие понятия, как «вис», «замах», «отвал»...

Если вы хотите зрительно представить, как прыгали в те времена, возьмите обычный перочинный ножик и раскройте его таким образом, чтобы между лезвием и ручкой образовался угол в 75—80 градусов. Подобный стиль перехода планки так и назывался — способ «складного ножа». Атлет сильно сгибался в пояснице, словно в воздухе его внезапно настиг острый приступ радикулита, и «облизывал» телом планку, стараясь так извернуться, чтобы ее не задеть.

На смену «складному ножу» пришел способ покорения планки, названный позже «взлетом», или «отлетом дугой». Его по сей день в различных вариациях можно наблюдать на соревнованиях шестовиков. Вот суть такого прыжка: быстрый разбег венчается мощным толчком и свободным махом, позволяющим взлететь над планкой в буквальном смысле этого слова.

Но вернемся в «эру бамбука» — только теперь уже в 30-е годы, когда впервые громко заявили о себе советские шестовики. Бескомпромиссный, захватывающий спор Владимира Дьячкова, Гавриила Раевского и Нико-

лая Озолина... Позже действие свелось к дуэли Озолин — Раевский.

«...Два имени — Озолин и Раевский, — как два полюса, ограничивают в нашем сознании сказочный мир спорта со всеми его страстями и радостями, — писал в 1936 году на страницах «Комсомольской правды» Лев Кассиль. — Мы полюбили их за какую-то особую неукротимость духа, за красоту и радость, которую они нам подарили, за результаты, которые прославили спорт Отчизны.

В искусстве, в науке, в любом творческом деле нельзя торопить человека: ни словом, ни делом. И все же я закончу свою небольшую заметку выражением уверенности, что скоро они порадуют нас всех новыми рекордами. В это нельзя не верить. Они приучили нас к этому!»

Противоборство двух выдающихся шестовиков закончилось тем, что Озолин преодолел планку на высоте 4 метров 30 сантиметров, что превышало тогда официальный европейский рекорд норвежского прыгуна Чарлза Хоффа, владевшего до этого несколько лет кряду и высшим мировым достижением.

Любопытно и познавательно воспоминание Николая Георгиевича Озолина, которое я выписал из очерка о нем:

«Подготовка к рекорду начиналась с выбора шеста. Я обычно ездил под Батуми, там есть такая станция Чаква, где росли огромные рощи бамбука, и выискивал среди многих сортов китайский набак. Бамбук этого сорта имел форму сигары, гнулсЯ сильнее и легче. И во время одной из таких поездок я срезал 300 стволов бамбука. Затем из 300, привезенных в Москву, отобрал 50, из них — 20, из 20 — 4, а из четырех только один, который и стал рекордным. Но прежде чем начать, если хотите, эксплуатировать его, я обрабатывал ствол паром, выпрямлял его, покрывал лаком. Потом середину аккуратно обматывал батистом и раскрашивал цветной

эмалью. И получался не снаряд, а прямо сувенир. С таким шестом и прыгалось в охотку, и удавалось покорять рекордные высоты...»

Автор этих слов, как утверждают специалисты-современники, обладал эталонной техникой прыжка с шестом. Позже по учебникам профессора Озолина, ставшего ученым с мировым именем, овладевали наукой побеждать представители всех послевоенных поколений советских шестовиков.

...Ну а выше всех на бамбуке прыгнул американец Корнелиус Уормердам. Это его рекорд — 4 метра 77 сантиметров — простоял незыблемо полтора десятилетия. «Борьба мне всегда помогала, — признался однажды атлет, — и, возможно, я бы прыгнул выше, если бы мои соперники меня к этому вынудили».

Как ни хорош бамбук, но и он в конце концов получил у шестовиков отставку. Почему? Во-первых, потому, что растет далеко не в каждом лесу, а прыжки с шестом завоевывали все новые, в том числе и северные страны. Во-вторых, бамбук хрупок, для «тяжелых» спортсменов прыжки с шестом были делом почти недоступным. Наконец, в-третьих, это дерево просто капризно: срезав, его нужно было как можно быстрее обработать, ибо через несколько дней может быть поздно.

Словом, пришлось прыгунам дружно отказываться от бамбука. В пользу металла. Предпочтение отдали стальным и дюралюминиевым шестам — они были удобны, легки и долговечны.

Одной из наиболее колоритных фигур этого периода стал олимпийский чемпион 1952 и 1956 годов Роберт Ричардс из США. В историю прыжков с шестом он еще вошел под прозвищем «летающий пастор». Изучение богословия не мешало его вполне мирскому занятию — полетам над планкой. Правда, всевышний не помог Ричардсу хоть бы раз взлететь к мировому рекорду. Но тут уж бог ни при чем. Просто при всех своих неоспоримых достоинствах металлические шесты имели

один крупный изъян: в упругости значительно уступали бамбуковым.

В результате за всю «эру металла» — а продолжалась она только 15 лет — к высшему достижению общими усилиями прыгунов удалось прирастить всего 3 сантиметра. Лучшему прыжку в карьере олимпийского чемпиона Рима американца Дональда Брэгга — на 4 метра 80 сантиметров — суждено было подвести черту под коротеньким, всего в две строчки, списком «металлических» рекордов.

Если бамбук был вытеснен из обихода шестовиков, можно сказать, в одночасье, то с металлом получилось сложнее. Его приверженцы никак не желали сдаваться. Великим множеством скептических взглядов одарили греческого прыгуна Грэггориса Рубаниса, когда он соревновался на Олимпиаде в Мельбурне в 1956 году. Точнее, смотрели с пристрастием не на самого атлета, а на шест, который он держал в руках: тяжелый, неуклюжий на вид, но чрезвычайно гибкий.

Когда под тяжестью повисшего на нем атлета снаряд превращался в крутую дугу, слабонервные зрители испуганно ахали: сейчас сломается!.. А шест и не думал ломаться. Потому что был сделан из синтетического материала — нейлона. Как прыгун, Рубанис ничего не сотворил, показал довольно скромный даже по тем временам результат, однако в памяти следующих поколений шестовиков остался. Потому что был из категории первопроходцев, а их забывать негоже.

«Нейлоновый век», правда, у шестовиков не наступил. Однако направление поиска подходящего материала было задано верное, безошибочное. Прогресс науки обеспечил возможность постоянно совершенствовать шесты, пока не получили желаемое.

В 1960 году национальное первенство США выиграл А. Дуллей — человек, о котором мир шестовиков почти ничего не знал. Кроме одного: Дуллей победил с помощью шеста из стекловолокна, названного фибергласом.

сом. Производство таких снарядов освоила тогда маленькая фабрика на побережье Калифорнии, выпускавшая прежде рыболовные снасти.

Надо сказать, что фиберглас, который сегодня держат в руках все шестовики, удивительный по своим свойствам материал. Поговорка «в огне не горит, в воде не тонет» придумана словно о нем. Не все знают, например, что он выдерживает температуру 500 градусов. Что фиберглас мягче, чем шелк, и в десять раз гибче, чем нейлон. И вместе с тем шести, выполненные из этого чудо-материала, прочнее алюминиевых и даже стальных. Килограммового клубка волокна фибергласа толщиной в одну шестую человеческого волоса почти достаточно, чтобы опоясать земной шар по экватору.

«Скай-поул» («небесный шест»), «ката-поул» — уже в самих названиях марок шестов была словно упрятана энергия катапульты, способной подбросить атлета намного выше, чем на бамбуке или металле.

Началась «эра фибергласа» впечатляюще. Как только Международная любительская легкоатлетическая федерация (ИААФ) после горячих дебатов и споров дала свое «добро» на использование новых снарядов в официальных соревнованиях, рекордам стало неуютно на прежних высотах. В 1963 году американец Брайен Стернберг первым покоряет пятиметровую высоту. А всего за год мировой рекорд подрос на двадцать шесть сантиметров!

В ту пору заокеанские прыгуны по-прежнему доминировали на международной арене, сменяя друг друга в списке мировых рекордсменов. Джон Пеннел, Фрэд Ханзен, Роберт Сигрен, Пол Уилсон, снова Сигрен и опять Пеннел...

Безусловно, все они выдающиеся прыгуны своего времени. Однако бесспорным мне видится и то, что американцы на заре фибергласа были гораздо лучше, чем спортсмены других стран, «вооружены», и это давало им солидную фору перед зарубежными соперниками. Если

бы все обстояло не так, а иначе, то, убежден, куда более заметный след в истории легкой атлетики оставил бы замечательный советский шестовик Геннадий Блинецов, поднявший за годы выступлений потолок всесоюзного рекорда на 60 сантиметров!

Заслуженный мастер спорта, пятнадцатикратный рекордсмен страны, Блинецов первым из наших шестовиков бросил вызов «непобедимым» американцам и заставил плакать от отчаяния знаменитого Пеннела, когда выиграл у него поединок в матчевой встрече легкоатлетов СССР и США в 1965 году в Киеве.

Не было в истории прыжков с шестом события, которое бы вызвало столько горячих споров, породило такое количество разноречивых воззрений, как появление синтетических шестов. Одни в них поверили сразу и безоголдно. Другие осторожничали. «Я не мог использовать изгиб шеста. Он пугал меня», — признавался Пеннел. «В одной клетке с тигром дрессировщик, наверное, чувствует себя безопаснее, чем прыгун с фибергласовым шестом на большой высоте». От этих слов сегодня веет безобидной наивностью.

Нашлись тогда у фибергласа и более суровые обвинители. Они утверждали, что новый снаряд если и не «убьет» спортсмена вовсе, то сделает его своим рабом, пусть живым, во плоти, но истуканом, всецело и безропотно зависимым только от мощи, заложенной в «катапульту», и ее непредсказуемых прихотей. Обсуждались предложения либо запретить новые шесты совсем, либо рекорды, установленные с помощью металлических и фибергласовых шестов, регистрировать отдельно.

Спору нет, синтетические шесты в известной мере осложнили жизнь прыгунам. Николай Озолин, как вы помните, смело шел на рекорд, имея в своем арсенале один-единственный, специально подготовленный снаряд. Я же сегодня даже в рядовом соревновании привык дер-

жать под рукой с полдюжины шестов, различных по жесткости и ведущих себя непохоже на разных высотах, при разной погоде. И какой из них принесет удачу или, напротив, подведет, в каждом конкретном случае предвидеть невозможно.

«Шесты не делают прыгуна с шестом, прыгуны с шестом — это прежде всего люди», — утверждает известный американский тренер и ученый в области физиологии спорта, биохимии и биомеханики Ричард Ганзлен, к слову, один из создателей технологии производства фиброгласовых шестов. Говоря иными словами, как бы ни совершенны были шесты, сами по себе они еще ничего не гарантируют, пока не научишься правильно, разумно ими пользоваться.

Мой личный опыт перехода с металлического снаряда на стекловолоконистый вряд ли можно считать показательным, поскольку пришелся он на пору моего спортивного отрочества, когда любая перестройка гораздо менее болезненна, чем в зрелом возрасте. И все же: меняя «металл» на «фибру», за целый год тренировок я прибавил к своему лучшему результату всего лишь пять сантиметров.

Мне кажется, что, заполучив пластиковый шест, атлеты отнеслись к нему как дети к красивой суперсовременной игрушке. К энтузиазму, с которым многими была воспринята новинка, примешалась изрядная доля легкомыслия. С «игрушкой» стали обращаться как кому вздумается. Впрочем, думали практически все одинаково: тренеры и спортсмены старались как можно больше «выжать» из необыкновенной гибкости фиброгласа. Появились даже снаряды с предварительным изгибом — их называли «бапанами».

В результате классическую формулу прыжка с шестом — «техника, скорость, сила» — на какое-то время предали забвению. Все свелось к голой технике, а от этого уже папахивало не столько спортом, сколько трюк-качеством, цирком.

Тон в погоне за внешним эффектом задавали изобретатели фибергласа — американцы. Пророков они самонадеянно видели только в своем отечестве, и если уж сам Сигрен — олимпийский чемпион Мехико и многократный мировой рекордсмен — прыгает на уродливо изогнутом «банане», стало быть, это и есть истина в ее последней инстанции.

Торжествуя, упиваясь победами, американцы, как видно, не расслышали тревожных для них сигналов, которые все явственнее доносились с другой стороны Атлантики. Шестовики Старого Света возвратили упражнению его природную спортивность. Только поэтому, как мне кажется, впервые среди мировых рекордсменов последних лет значатся фамилии европейских прыгунов, не ставших особенно уповать на свойства снарядов, а постепенно вновь вдохнувших жизнь в старую добрую формулу — «техника, скорость, сила».

Отвечая однажды на вопрос о возможности «приоритета» шеста над прыгуном, Виталий Афанасьевич Петров сказал так:

— Шест всегда был и остается только инструментом, который помогает полнее раскрыться спортсмену. Конечно, само по себе появление новых, более современных снарядов может поднять средний уровень результатов, однако выдающиеся достижения всегда будут уделом лишь выдающихся атлетов. А свойства снаряда — это потом, это только подспорье...

Готов подписаться под этими словами, потому что убежден: прыжок с шестом не имеет ничего общего с цирковым эквилибром. Всю сумму достоинств этого упражнения могут дать только техника, скорость, сила. Только они, и ничто другое.

Вспоминаю в этой связи, как на заключительном банкете после турне советских легкоатлетов по США в феврале 1984 года к нам с Костей Волковым подошел Дональд Брэгг. В располневшем бородатом гиганте почти двухметрового роста нелегко узнавался триумфа-

тор олимпийского Рима. Однако это был он, последний из могикан, безвозвратно ушедший в историю «металлической эры» шеста.

— Вы даже не представляете, как я вам благодарен! — Брэгг дружески обнял нас. — Вы вернули прыжкам их изначальную суть. Это не просто будит во мне ностальгические чувства, но позволяет с оптимизмом смотреть в будущее нашего вида спорта. Слава богу, оно не за мастерами дешевых трюков, призванных тешить публику, а за настоящими атлетами.

А теперь посмотрите, как упорно, шаг за шагом одолевали люди, вооруженные нехитрым снарядом — шестом, пути земного тяготения, как поднимался выше и выше потолок мирового рекорда *:

1866	Д. Уилер	Великобритания	3.05
1868	Р. Митчелл	Великобритания	3.21
1873	Э. Вудборн	Великобритания	3.24
1876	Г. Гэскин	Великобритания	3.26
1876	Г. Гэскин	Великобритания	3.32
1876	Х. Кайн	Великобритания	3.37
1877	Х. Кейл	Великобритания	3.38
1879	Т. Рей	Великобритания	3.42
1882	Т. Рей	Великобритания	3.45
1885	Т. Рей	Великобритания	3.47
1886	Т. Рей	Великобритания	3.48
1887	Т. Рей	Великобритания	3.50
1887	Т. Рей	Великобритания	3.52
1888	Э. Стоун	Великобритания	3.53
1888	Т. Рей	Великобритания	3.56
1891	Р. Диккенсон	Великобритания	3.58
1898	Р. Клэпп	США	3.62
1903	Х. Чепмен	США	3.66

* Высшие достижения с 1866 по 1912 годы приводятся по таблице, составленной заслуженным тренером СССР В. Ягодиным. Остальные рекорды даются по справочнику «Легкая атлетика» (М., «Физкультура и спорт», 1983) и периодической печати.

1904	Ж. Пуансье	Франция	3.68
1904	Н. Доул	США	3.69
1905	Р. Гонде	Франция	3.74
1905	Р. Гонде	Франция	3.76
1906	Л. Сэмс	США	3.77
1906	Л. Сэмс	США	3.78
1907	У. Дрей	США	3.79
1908	А. Джильберт	США	3.80
1908	У. Дрей	США	3.82
1908	А. Джильберт	США	3.84
1908	У. Дрей	США	3.89
1908	П. Скотт	США	3.93
1908	Д. Бабкок	США	3.95
1910	П. Скотт	США	3.98
1912	М. Райт	США	4.02
1920	Ф. Фосс	США	4.09
1922	Ч. Хофф	Норвегия	4.12
1923	Ч. Хофф	Норвегия	4.21
1925	Ч. Хофф	Норвегия	4.23
1925	Ч. Хофф	Норвегия	4.25
1927	С. Кэрр	США	4.26
1928	Л. Барнс	США	4.30
1932	У. Грэбер	США	4.37
1935	К. Браун	США	4.39
1936	Д. Варофф	США	4.43
1937	У. Сефтон	США	4.45
1937	У. Сефтон	США	4.54
1937	Э. Медоус	США	4.54
1940	К. Уормердам	США	4.60
1941	К. Уормердам	США	4.72
1942	К. Уормердам	США	4.77
1957	Р. Гутовски	США	4.78
1960	Д. Брэгг	США	4.80
1961	Д. Дэвис	США	4.83
1962	Д. Юлсес	США	4.89
1962	Д. Торк	США	4.93
1962	П. Никула	Финляндия	4.94

1963	Б. Стернберг	США	5.00
1963	Б. Стернберг	США	5.08
1963	Д. Пеннел	США	5.13
1963	Д. Пеннел	США	5.20
1964	Ф. Ханзен	США	5.23
1964	Ф. Ханзен	США	5.28
1966	Р. Сигрен	США	5.32
1966	Д. Пеннел	США	5.34
1967	Р. Сигрен	США	5.36
1967	П. Уилсон	США	5.38
1968	Р. Сигрен	США	5.41
1969	Д. Пеннел	США	5.44
1970	В. Нордвиг	ГДР	5.45
1970	В. Нордвиг	ГДР	5.46
1970	Х. Папаниколау	Греция	5.49
1972	Ч. Изакссон	Швеция	5.51
1972	Ч. Изакссон	Швеция	5.54
1972	Ч. Изакссон	Швеция	5.55
1972	Р. Сигрен	США	5.63
1975	Д. Робертс	США	5.65
1976	Э. Белл	США	5.67
1976	Д. Робертс	США	5.70
1980	В. Козакевич	Польша	5.72
1980	Т. Виньерон	Франция	5.75
1980	Ф. Увийон	Франция	5.77
1980	В. Козакевич	Польша	5.78
1981	Т. Виньерон	Франция	5.80
1981	В. Поляков	СССР	5.81
1983	П. Кинон	Франция	5.82
1983	Т. Виньерон	Франция	5.83
1984	С. Бубка	СССР	5.85
1984	С. Бубка	СССР	5.88
1984	С. Бубка	СССР	5.90
1984	Т. Виньерон	Франция	5.91
1984	С. Бубка	СССР	5.94
1985	С. Бубка	СССР	6.00
1986	С. Бубка	СССР	6.01

13 ИЮЛЯ 1985 ГОДА

(Хроника того дня)

Несколько лет назад я записал в тренировочном дневнике: «Прыжки начинаются только в секторе, но не в мыслях о соревновании». На афоризм не потянет, но суть, полагаю, ясна: надо уметь отвлечься от дум о предстоящем старте. Беречь эмоции, не перегореть.

Легко сказать — отвлечься. Особенно теперь, когда настраиваешь себя на ЭТУ высоту. Нет, нет, я ее не боюсь. Если честно, то на тренировках штурмовал рубеж и повыше. Только тренировка — это совсем иное дело. Там мы, кстати, обходимся без планки. Прыгаем через резинку, натянутую между стойками. Это наша маленькая хитрость. Дело в том, что, когда шестовик задевает в полете жесткую и сравнительно тяжелую планку, он сразу сбивается с привычного ритма и прекращает прыжок, а значит, КПД тренировки снижается. С резинкой такого не происходит, хотя примериться к рекордной высоте можно и с ней. Но только примериться. На тренировке ведь в цене не результат, а рисунок прыжка, его четкость и чистота.

Я сказал, что не боюсь ЭТОЙ высоты. Не совсем так. Один раз было — испугался. Причем даже не на стадионе. Нас троих — Петрова, старшего брата и меня — пригласили однажды в город Краматорск. Это крупный

индустриальный центр в Донбассе, известный на всю страну. Там, в объединении «Новокраматорский машиностроительный завод имени В. И. Ленина» организован клуб любителей спорта «Олимпийское движение». Гостями этого клуба мы и стали.

Я люблю такие встречи. В них нет заданности, фальши заранее написанного сценария. Все просто и искренне. Когда вошли в зал заводского Дворца культуры и техники, сразу бросился в глаза серебрившийся от яркого света шест, установленный на сцене. (Нам потом показали гигантский токарный станок, на котором его вытачивали.) Лесенкой поднимались к макушке шеста маленькие трафареты с цифрами моих мировых рекордов: 5.85, 5.88, 5.90, 5.94... А на самом верху, почти упираясь в лепной потолок, стояла крупная, ярко-красная цифра 6. Задрал голову — и мурашки по телу пошли. Высоко все-таки, очень высоко...

Теперь я хорошо представляю, какие чувства должен был испытать французский шестовик Тьерри Виньерон, когда на зимнем чемпионате Европы 1984 года в Гётеборге пытался, если не ошибаюсь, первым в официальных соревнованиях штурмовать ЭТУ высоту. Я сидел дома у телевизора, режиссер несколько раз дал крупным планом лицо Виньерона — в его глазах было больше страха, чем решимости. Нет, ЭТУ высоту просто так, лихим наскоком, на ура не возьмешь. Кроме хорошо тренированных мышц, обязательно необходимы терпение и вера. И непременно немного везения.

Лично мне в этом сезоне пока не очень везет. Начал летние старты с «баранки» на

мемориале братьев Знаменских в Москве. Потом история повторилась в Чехословакии. И все из-за новых шестов.

Их подрядилась изготовить специально «под меня» американская фирма «Пейсер». Главное достоинство этих шестов — предельная по современным представлениям длина: 530 сантиметров. Вообще-то длина снаряда правилами не ограничена. Она определяется возможностями атлетов. И посягнуть на верхний предел нам пришлось потому, что все резервы подъема хвата на прежних снарядах были исчерпаны. Стив Чепель, представитель фирмы, доставивший мне шесты на зимний чемпионат Европы в Афины, развел руками: «Это все, что мы пока можем. Чтобы делать снаряды еще большей длины, нужно перестраивать печи, в которых они «выпекаются». И добавил с лукавой улыбкой: «Но если Сергей Бубка вырастет и из этих шестов, нам придется согласиться на перестройку. Игра стоит свеч».

Сверхмощные шесты таили в себе, однако, малоприятный сюрприз: центр тяжести почему-то оказался у них смещенным вперед. А это ломало разбег, рисунок прыжка. Нервов сожгли на тренировках уйму. Была даже мысль вернуться к старым снарядам, с ними можно было вполне, как говорится, безбедно прожить еще сезон. Ну а дальше? Нет, мы не хотели топтаться на месте. Только вперед. Вперед и выше.

Шесты начали слушаться во время второго старта в Чехословакии — на мемориале спортсмена-антифашиста Е. Рошицкого прыгнул на 5.80 с хорошим запасом. Окончательно упо-

коился в Бельгии, в Брюсселе: после 5.80 пошел на мировой рекорд — 5.95, но допустил небольшую техническую погрешность.

Вот и теперь, за два дня до выезда в Париж, прыгал дома на тренировке — и все получалось. «Будем считать, что ты к рекорду готов», — заключил тренер. Меня такой вывод устраивал, потому что Петров относительно моих возможностей почти никогда не ошибается. Результат вслух не назывался, но оба подумали об одной — ЭТОЙ высоте. Такой близкой — и такой далекой.

... — Сережа, уже приехали. Пора на выход.

Кто-то треплет меня по плечу. Я все-таки подремал в самолете, убаюканный ровным гулом моторов и своими мыслями. Это хорошо: сон — верный признак душевного равновесия, а оно мне сегодня ой как понадобится.

Париж встретил 30-градусной жарой и обилием трехцветных национальных флагов. Завтра, 14 июля, у французов праздник — День взятия Бастилии. И автобус, везший нашу команду из аэропорта, словно нырнул в красно-сине-белое море.

Флаги повсюду: на балконах домов, на столбах, будках регулировщиков и, разумеется, на Эйфелевой башне.

Для меня этот город пока счастливый. Летом прошлого года в рабочем пригороде французской столицы установил мировой рекорд, а нынче зимой в парижском зале Берси выиграл первые Всемирные легкоатлетические игры под крышей.

Как-то будет сегодня?

(Продолжение следует)

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС

Теперь это кажется странным, но было именно так: в легкой атлетике, с которой по популярности очень немногие спортивные дисциплины могут сравниться, до недавнего времени не разыгрывались звания чемпионов мира. Доводов находилось немало (нет, мол, в насыщенном международном календаре подходящего времени, велики и трудноодолимы организационные сложности и т. д.), однако чаще всего говорилось: легкоатлетические первенства планеты, проводись они регулярно, снизили бы интерес к Олимпиадам.

Понадобились десятилетия, чтобы пали наконец редуты предубеждений и здравый смысл взял верх. Справедливость восторжествовала на конгрессе ИАФФ в Пуэрто-Рико в 1978 году, делегаты которого проголосовали за чемпионаты мира.

Конгресс определил сроки первого всемирного бала королевы спорта — 7—14 августа 1983 года, назвал место его проведения — столица Финляндии, Олимпийский стадион. Тот самый стадион, где состоялся дебют советских атлетов на Играх. Об этом невольно задумывался каждый из нас, молодых спортсменов.

У меня дома хранится миниатюрная копия стадиона, свободно умещающаяся на ладони. Сработано искусно: можно разглядеть трибуны, беговые дорожки, опоясавшие зеленое поле, и, конечно, знаменитую башню Ярвинена, воздвигнутую в честь побед выдающегося финского копьеметателя. Мини-стадион — памятная настольная медаль, которую организаторы мирового первенства вручали атлетам, обновляющим рекорды арены.

...Жили мы в Отаниеми — там же, где в пятьдесят втором останавливались и наши олимпийцы. Комната № 263 в пятиэтажном северном корпусе легкоатлетической деревни теперь наша с Геной Авдеенко, прыгуном в высоту из Одессы. Мы ровесники, крепко сдружились еще в юниорской сборной. Как сказали бы специалисты,

у нас полная психологическая совместимость. Поэтому Петров и Борис Михайлович Робулец, тренер Гены, когда провожали нас в Хельсинки, в один голос наказывали поселиться вместе.

Между прочим, на чемпионат мира и меня, и Авдеенко взял под личную ответственность Тер-Ованесян, поскольку в главном отборочном старте, финале Спартакиады народов СССР, Гена тоже сплоховал: занял только шестое место.

Конечно, главный тренер рисковал. Конечно, он не был застрахован от ошибки. Но ведь не ошибается только тот, кто старается избежать ответственности, ограждает себя от любого риска. Игорь Арамович верил в нас — и не побоялся рискнуть.

Впрочем, не буду опережать события: у Авдеенко финал в предпоследний день чемпионата, а у меня и вовсе под занавес. Целая неделя до старта. Это много, очень много...

Геннадия Валюкевичу, опытному прыгуну тройным, и трех часов хватило, чтобы «перегореть». Вернулся со стадиона — лица на нем нет. А чем тут можешь? Какие слова в утешение найдешь?

Верные претенденты на успех приезжали вечером в деревню с низко опущенными головами. Проиграли... Чемпионат, словно строгий ревизор, проводил беспощадную переоценку легкоатлетических ценностей, перекраивал мировую табель о рангах и был непредсказуем.

Неожиданности, сюрпризы сыпались как из рога изобилия. Рекордсмен мира в толкании ядра Уве Бейер из ГДР остается за чертой призеров, а побеждает поляк Эдвард Саруль, о котором прежде никто не слышал. Другой польский атлет, Здислав Хоффман, переигрывает в секторе «самого» Уильяма Бэнкса из США, которому в тройном прыжке «золото» прочили практически безоговорочно. Наши копьеметательница Галина Савинкова и дискобол Юрий Думчев тоже приехали на чемпионат в звании мировых рекордсменов и тоже грустно смот-

рели издали на пьедестал, где торжествовали другие...

Пожалуй, только один спортсмен — чернокожий спринтер Карл Льюис — сполна оправдал связанные с ним надежды. Безусловно, американец был самой яркой фигурой на чемпионате мира. Он добыл три золотые медали — в беге на 100 метров, в прыжках в длину и эстафете 4×100 метров. О прыжках Льюиса писали тогда: «Разбег, когда кажется, что от ударов ног сотрясается земля, мягкое кошачье отталкивание и затем полет — четыре шага по воздуху, тело вытянутое, как лук, приземление не на спину, на ноги».

Все шло своим чередом. А мы с Авдеенко продолжали терпеливо ждать своего часа. На стадион не ездили, тренеры запретили. Они даже по телевизору соревнования смотреть не советовали, но это было бы уж слишком...

Коротать время помогали учебники, которые я прихватил из дому, поскольку сразу после чемпионата меня ожидали вступительные экзамены в Киевском институте физкультуры. Ну и, конечно, тренировки: они не прекращались ни на день.

После ужина, прихватив пакет с фруктами, мы с Авдеенко чаще всего отправлялись на берег находившегося неподалеку озера. Устраивались поудобнее на маленьком пирсе и подолгу смотрели на гладь воды, на чаек, лениво пролетающих над головами.

Тихий уголок этот, как вскоре выяснилось, привлек не только нас с Геней. Мой «товарищ по оружию» Володя Поляков и высотник Игорь Паклин где-то раздобыли здоровенный кусок пенопласта и соорудили нечто похожее на плот. В одессите Авдеенко немедленно проснулась морская душа: он попросился к ним в экипаж. А когда методом проб и ошибок, грозившим купанием в прохладной озерной воде, удостоверились, что плот выдержит и четверых, меня тоже постановили взять «на борт».

Вот так развлекались в тягуче-томительном ожидании главного.

13 августа было решающим днем у прыгунов в высоту. Финал. Квалификационный норматив накануне все наши — Авдеенко, Паклин и Середа — выполнили без особых проблем. Правда, если по рапжиру, по надеждам, возглававшимся на каждого из них до чемпионата, то Авдеенко и Середу следовало бы поменять местами.

Страшно хотелось вместе с Геной забраться в автобус и поехать на стадион, поболеть. С трудом удержался от искушения нарушить тренерский запрет. Вообще-то получалось довольно странно: чемпионат уже заканчивался, а я, находясь в Хельсинки, до сих пор «живьем» соревнований так и не видел.

Смотрел в тот вечер телевизор в столовой. Как раз время ужина было, когда события в прыжковом секторе достигли максимального накала.

На высоте 2.29 их осталось шестеро: Д. Мегенбург из ФРГ, американцы Д. Стоунз и Т. Пикок, мировой рекордсмен из Китая Чжу Дзяньхуа, двое наших — Паклин и Авдеенко. Гена взял этот рубеж с третьей попытки, установив личный рекорд.

Хотите верьте, хотите нет, только после того, как это случилось, я уже знал, кто станет чемпионом мира в прыжках в высоту. От волнения мурашки по спине пошли гулять. Чувствую, что завожусь, а это мне совсем ни к чему.

Вышел на улицу. Иду и рассуждаю так: соревнования продолжаются уже почти четыре часа, все устали, дело явно идет к развязке и следующая высота почти наверняка окажется последней. Победной. Для кого? Скорее всего для того, кто преодолеет ее раньше других. А Гена как раз прыгает по списку первым. У него просто нет времени на сомнения и нервотрепку. Перегореть не успеет.

По дороге домой заглянул в соседний корпус. Вижу, как на телевизионном экране Авдеенко какой-то немис-

лимый танец отплясывает. Дают замедленный повтор его прыжка: над высотой 2.32 Гена парит легко и красиво.

На соперников это подействовало ошеломляюще. Они явно сникли. Правда, Тим Пикок в третьем прыжке все-таки «перелез» через планку, однако это ничего не изменило. Потому что следующая высота — 2.34 ни ему, ни Авдеенко не покорилась, а по меньшему числу попыток перевес был на стороне советского прыгуна.

Вернулся я в нашу комнату, сел на кровать и думаю: вот сейчас он приедет сюда со стадиона, завалится счастливый и шумный, ребята — это уж как пить дать — придут поздравить. А у меня завтра старт. Любое, пусть даже радостное перевозбуждение может грустно аукнуться.

А посему... Пусть Гена сочтет меня распоследним эгоистом, только видеть его сейчас не хочу.

Вывал лист из тетрадки и фломастером написал Гене письмо. Длинным оно получилось, на целую страницу. Поздравил его, пожелал, чтобы, став чемпионом мира, носа не задирает, не зазнавался, а оставался таким, какой есть. В конце сделал приписку: «Постарайся не будить меня, ладно?»

Ночью — а спалось все-таки неважно — открыл глаза, включил ночник и вижу, что записка лежит нетронутая на аккуратно заправленной Гениной кровати.

И я все понял. Понял, какой он все же умница, мой Авдей. Успех не помешал ему трезво, психологически точно, может быть, не по годам зрело оценить ситуацию. Он сам, без посторонней подсказки не стал меня будоражить. Поступил как настоящий друг и большой спортсмен.

Этот эпизод потом журналисты с восторгом описывали. Но допустили одну неточность, впрочем, принципиального значения не имевшую. Писали, будто двухметровый Авдеенко, свернувшись калачиком, дремал в малюсенькой прихожей нашего номера. Это не совсем

так. Утром я его обнаружил в соседнем холле. Чемпион мира сладко спал, сидя в двух сдвинутых креслах. Судя по улыбке на лице, он видел хороший сон.

Уж кого-кого, а нас, шестовиков, продолжительностью соревнований трудно удивить. В день выступления на стадионе мы обычно появляемся едва ли не самыми первыми, а зачехляем свое «оружие» последними. Так бывает почти всегда, но то, что случилось на чемпионате мира, в рамки привычных представлений не укладывается.

Расскажу обо всем по порядку.

Квалификационный отбор в прыжках с шестом был назначен на пятницу, 12 августа. До этого дня небо над финской столицей радовало безупречной голубизной, и, хотя календарное лето торопливо отсчитывало свои последние деньки, солнышко еще светило ласково.

И вдруг в одно утро произошла полная смена природных декораций. Из низко нависших свинцовых туч зарядил дождь. По-осеннему холодный и нудный. Да еще резкий, порывистый ветер.

После разминки на запасном ядре пришли на главную арену Олимпийского стадиона. Его огромная бетонная чаша бурлила, словно проснувшийся вулкан. В стране Суоми легкую атлетику любят, наверное, не меньше, чем хоккей в Канаде. 80 тысяч зрителей на трибунах — и это в дождь!

Посмотрел я из тоннеля на это скопище народа, и, честно признаюсь, не по себе сделалось. Перед такой аудиторией выступать еще никогда не доводилось. Страшно, что там говорить.

Шестовиков много — 27 человек. В сборе практически вся мировая элита. Французы Т. Виньерон и П. Абада, американцы Б. Олсон и Д. Бэкингхэм, поляк Т. Слюсарский, болгарин А. Тарев, наши К. Волков и В. Поляков. За плечами у каждого из них опыт участия в крупней-

ших турнирах, победы в престижных соревнованиях. А что у меня? Меня-то наверняка никто здесь в расчет не принимает. И это дает основание немного успокоиться. Буду делать свое дело как умею — только и всего.

Жребий, слепо разделивший нас на два потока, принес разочарование: Волков и Поляков оказались в одной группе, я — в другой. Расклад для меня, новичка, неважный, но что поделаешь — жребий есть жребий.

Две параллельно бегущие по лужам дорожки разбега, две ямы с напитавшимися водой, как губки, поролоновыми подушками, два поворотных табло, предусмотрительно укрытые от «хлябей небесных» брезентовыми козырьками. Приглашают на старт...

К счастью, в соседнем секторе соревнования начались чуточку раньше, чем в нашем. Это дало возможность Волкову в «окнах» между своими прыжками взять меня под опеку.

Костя приехал на чемпионат фаворитом, бесспорным лидером сборной. Серебряный призер Московской Олимпиады, победитель Кубка мира-81, самый стабильный и яркий шестовик начала восьмидесятых годов. Он старше меня всего на три года, но в современном спорте такая дистанция отделяет порой зеленого новичка от ветерана.

Между прочим, мы с Костей могли быть земляками, если бы его отец — Юрий Николаевич Волков, в прошлом сильный прыгун, а теперь заслуженный тренер СССР — не переехал несколько лет назад из Донецка в Иркутск, где создал свою знаменитую школу шестовиков.

...Легко справившись с начальной высотой — 5.20, Волков немедленно поспешил ко мне:

— Скажи, какие стойки поставить, я все сделаю сам. Потом выведу тебя под зонтиком.

Сказано — сделано. 5.20 я тоже взял с первой попытки, а следующую высоту — 5.30, решил пропустить. Квалификационный норматив, дающий пропуск в финал,

был равен 5.50. Не бог весть как высоко, но дождь, дождь...

Постепенно он перешел в настоящий ливень. Руки скользят, клеол — специальная смола, которой мы густо мажем ладони, почти не держит. В нашем потоке испанский прыгун едва не разбился. С шестом не сладил, вылетел из ямы, ударился здорово. За носилками побежали, думали, понадобятся — к счастью, обошлось.

Бесследно, однако, этот инцидент все-таки не прошел. Он послужил сигналом к «бунту» в лагере шестовиков. Больше других возмущались, громче всех кричали Виньерон и Олсон. Хитрецы: оба сорвались на стартовых высотах и обвинили в этом, естественно, непогоду.

Вскоре соревнования действительно прекратили. Решили дальше судьбу не искушать, поскольку с каждой минутой предприятие становилось все более рискованным. Выше всех — на 5.40 успел прыгнуть сквозь стену льющейся с неба воды Волков, бойцовские качества которого меня всегда искренне восхищали. Удачные попытки на меньших высотах имели еще 16 человек. Десять остальных получили нулевые оценки.

За ночь даже не успели толком просушить одежду — и снова в автобус, снова на стадион. Организаторы принимают решение, которое трудно назвать соломоновым: начать все сначала. Получается, что опять все равны: и те, кто вчера в невероятно трудных условиях боролся до конца, как подобает настоящим атлетам, и те, кто от этой борьбы, по существу, уклонился, сдался.

Приглашают на разминку. Мы ни с места. Сидим в раздевалке, похожие на заговорщиков, и никакая сила не может нас выгнать под дождь, который опять зарядил с утра.

Судейская коллегия, видя такой неожиданный оборот, находится в явном смятении. Как быть? Дисквалифицировать всех за неподчинение? Глупо. Перенести

соревнования в зал, под крышу? Но ведь это летний чемпионат.

На экстренное заседание собирается технический комитет турнира. Часа полтора заседает техком, решает нашу судьбу. И вот наконец выносятся окончательный и беспрецедентный для соревнований такого уровня вердикт: квалификацию отменить вообще, вчерашние результаты аннулировать, а к финалу допустить всех, кто заявлен. А всех, как вы помните, двадцать семь...

Итак, 14 августа, воскресенье. Необычайная массовость финальных соревнований вынудила перенести их старт с предвечернего времени на утро.

Стадион еще практически пуст. Только военный оркестр в парадных одеждах браво марширует под собственную музыку на зеленом газоне: идет репетиция торжественного закрытия чемпионата.

«Матч состоится при любой погоде» — такую строчку, как рассказывают люди постарше, в былые времена набирали на футбольных афишах. Наши прыжки теперь тоже должны состояться при любой погоде: чемпионат финиширует, и откладывать, переносить спор шестовиков больше некуда. Все решится сегодня.

А погода, кстати, все-таки изменилась. Дождь угомонился. Солнце пробилось из-за туч. Сектор немного подсох. Зато теперь донимает резкий, порывистый ветер, поминутно меняющий направления. Словно затеял с прыгунами игру «Угадай-ка».

По такой погоде непросто сохранить тепло в мышцах, и поэтому я размялся с особым усердием. Потом сделал два «входа» с шестом и, как обычно, один пробный, совсем невысокий, прыжок. А лучше бы не делал. От волнения, наверное, прыжок получился таким беспомощным, что даже до планки не добрался, а когда приземлялся, выбил палец на руке.

Только этого не доставало! Палец покраснел, припух, начал болеть. Перед каждой попыткой мука: сустав вытянешь, под ногу положишь — такая вот «механотерапия».

Зачетные попытки начал с 5.40 — взял сразу. Этот же барьер преодолели еще 13 человек. Кто с первой, кто со второй, а кто и с третьей попытки. Нетрудно представить, какие временные промежутки отделяли для каждого один прыжок от другого. А все это нервы, нервы, нервы.

В том, что они не железные даже у фаворитов, бывалых турнирных бойцов, раньше других дал понять Виньерон: после 5.40 он сошел. К сожалению, не удалось выше прыгнуть и Полякову, который приехал в Хельсинки в ранге мирового рекордсмена. Характера, по-моему, Володе не хватило. Только характера.

Моя следующая высота — 5.50 поддалась легко, как на тренировке. 5.55 я пропускал, чтобы сразу пойти на 5.60.

Действовал вовсе не по наитию, нет, а в строгом соответствии с установкой, которую получил на последнем тренировочном сборе перед отъездом на чемпионат. 5.60 — это была моя программа-минимум. Старший тренер сборной по прыжкам с шестом Игорь Иванович Никонов прямо так и сказал:

— Прыгнешь эту высоту, и к тебе претензий не будет. Считай, что в Хельсинки ездил не туристом. А дальше распоряжайся, пожалуйста, попытками сам.

Костя Волков и сильнейший болгарский шестовик Атанас Тарев эти самые 5.60 лихо, с первых заходов прыгнули. У меня же вышла осечка.

Воспринял ее спокойно: с кем не бывает? Когда вышел на вторую попытку, ветер поднялся, прямо в лицо, буквально с дорожки норовит сдуть. Побежал, если только это можно бегом назвать... Духу хватило, чтобы «вход» сделать, ноги немного поднять, однако до планки не дотянулся:

Да-а-а... Кажется, угодил в перепплет. Все так хорошо началось и так скверно может закончиться.

Сию на краешке скамейки, настраиваюсь, весь будущий прыжок — от первых шагов разбега до приземления — в голове, как обычно, «прокручиваю». Вообще-то если все элементы упражнения делать правильно, технически грамотно, просто грамотно и не более того, 5.60 — не та высота, на которой даже я, дебютант, должен споткнуться. Все это так. Однако, кроме чисто прыжковых премудростей, очень многое значат конкретные, порой абсолютно непредсказуемые обстоятельства. Тот же ветер, к примеру. Или усталость — не столько физическая, сколько эмоциональная. И пусть послали меня сюда «обстреляться», турнирный опыт приобрести, пусть главная ставка делалась на других — это ведь не равнозначно полному отсутствию ответственности за выступление. Нет, конечно.

Поэтому я должен прыгнуть. Просто обязан! В собственных глазах окажусь мелким, ничтожным человеком, если не прыгну сейчас. Зря меня тогда на чемпионат мира взяли, напрасно не послушались тех, кто предостерегал, мол, зелен еще, сорвется. Лучше на дорожку упаду, разобьюсь, все кости переломаю, но оттолкнусь от шеста изо всех сил и ноги буду забирать как можно выше... Все равно прыгну!

И прыгнул. Первый раз в жизни кричал от радости в воздухе, а планка красно-белым пунктиром незыблемо перечерчивала небо над головой, когда я уже на матах лежал.

Между тем ряды наши заметно поредели. Вслед за Виньероном и Поляковым выбыли из игры Олсон, Абада, Бэкингхэм. 5.60 взяли только трое — Волков, Тарев и я. Правда, еще остался в секторе самый старший и опытный — олимпийский чемпион Монреаля поляк Тадеуш Слюсарский. Он эту высоту решил пропустить.

И вот какой расклад получался: если польский атлет не прыгнет следующую — 5.65, то я уже в «призах».

Слюсарский не выдерживает напряжения — сбивает планку.

До меня вдруг доходит, что домой теперь непременно вернусь с медалью. Неясно с какой, но — с медалью! Сознание, что задачу свою выполнил, что не стыдно будет людям в глаза посмотреть, действует расслабляюще. Чувствую это каждой мышцей, каждой клеточкой тела. А расслабляться еще нельзя. Рано.

Соревнования идут уже седьмой час. Даже слабейшие из марафонцев давно отмахали трусцой свои сорок два километра по улицам Хельсинки и вернулись на стадион. Только наш «марафон» еще не окончен, хотя финиш, судя по всему, близок.

Высота 5.70. У Волкова разладился разбег. Мои же волнения, похоже, остались на предыдущем рубеже, и этот преодолеваю без осечек. К тому же, признаюсь, немного улыбнулась удача: ветер сделал паузу, и я успел ею воспользоваться.

Потом Тарев трижды сбивает планку, и моя гарантированная уже «бронза» прямо на глазах переплавляется в «серебро». А может, и...

Нет, нет, гоню эту мысль подальше. Хоть и принято считать, что аппетит приходит во время еды.

Волков переносит вторую попытку на 5.75. Иного способа вернуть себе лидерство, а вместе с ним и шансы на победу для Кости просто не существует.

Он долго стоит у края дорожки — ветер мешают. Судорожно скачут цифры на счетчике времени. Истекают две минуты, отведенные регламентом на попытку, и судья безжалостно поднимает красный флажок, засчитывая попытку.

Теперь мой черед прыгать, однако идти на эту высоту не вижу никакого резона. Если Костя ее возьмет — а я почему-то почти убежден, что так оно и случится, — попрошу поставить 5.80.

У Волкова остался единственный шанс. Он снова застыл на старте, не решаясь начать разбег. Ждет,

когда хоть немного утихнет опять разыгравшийся ветер. Или, на худой конец, поменяет направление. Так, наверное, ловят удачу парусом в море. Но шест — не парус.

Костя в последний раз сбивает планку, закрывает лицо руками, и этот горький миг для него оборачивается вдруг мгновением моего неожиданного триумфа. Что поделаешь: это спорт.

Я — чемпион мира! Невероятно!

Безуспешно пытаюсь штурмовать 5.82 — на сантиметр выше мирового рекорда. Делаю это безотчетно, только по привычке не покидать сектор раньше, чем будет использована последняя возможность побороться с высотой, коль скоро соперники уже побеждены.

Дальше все как во сне.

Поднимаюсь на пьедестал, слушаю наш советский гимн, ощущая на груди холодок тяжелой медали...

Первый раз в жизни раздаю автографы, немного стесняясь своего почерка — он мне кажется «школьным»...

Сажусь в автобус, отправляющийся в Отаниеми, и... совершаю первую бестактность в звании чемпиона мира.

Часом позже приезжает со стадиона расстроенный Волков и устраивает мне небольшую выволочку. Не за то, что я у него выиграл, нет. Костя как раз из тех спортсменов, которые умеют с достоинством принять поражение. Дело тут совсем в другом. Оказывается, мое новое «положение» обязывало быть на пресс-конференции. Тем более что для журналистов, так и не дождавшихся меня в пресс-центре, я был «мистером Икс».

— Ладно уж, не переживай, — смягчился Костя, видя, что я искренне расстроился. — Я им о тебе все рассказал. Ты ведь, если честно, и сам не осознал, что произошло. Для этого время нужно.

Время... Теперь я его торопил с одной только мыслью: как можно быстрее вернуться домой, оказаться среди друзей, увидеть маму, бабушку, брата, тренера.

Когда приземлились в Донецком аэропорту, мои попутчики по московскому рейсу прилипли к иллюминаторам и никак не могли взять в толк, почему так много людей с цветами. Духовой оркестр, хлеб-соль, пионеры в красных пилотках... Для кого все это?

Я один в самолете догадывался, для кого, и испытывал чувство неловкости. Прав Волков: к этому тоже нужно привыкнуть.

Подали трап, открыли дверь, и первое, что я услышал, был мягкий, грудной голос Галины Алексеевны Петровой:

— Попросите, пожалуйста, чтобы Сережа Бубка первым выходил.

Бортпроводница, очевидно, сочла это за посягательство на святые правила Аэрофлота и сердито отпарировала:

— А кто он такой, этот ваш Сережа, что мы его должны раньше всех выпускать?

Кто такой? Как? Почему?

Воинственный натиск подобных вопросов, как мне казалось, значительно превышал сопротивление соперников там, на Олимпийском стадионе в Хельсинки.

«Почему все-таки победили они, самые молодые, а не те многоопытные, что считались главными претендентами на успех? — спрашивал по горячим следам чемпионата обозреватель «Советского спорта», имея в виду Авдеенко и меня. И тут же выстраивал свою версию: — Во-первых, над ними не довлел психологический груз: побед от них не ждали, посылали на чемпионат «обстрелять». Во-вторых, ребятам при их немалом уже мастерстве сопутствовала удача, звездный час наступил в самый нужный момент. В-третьих, очевидно, что пик их формы пришелся на чемпионат мира (характерная деталь: на спартакиаде оба не блистали), в то время как у многих, к сожалению, наших легкоатлетов этот самый пик уже позади».

Все вроде тут, как говорится, складно да ладно. Побед не ждали? Разумеется, нет. Звездный час? И с этим трудно спорить. Пик формы? Похоже, что так.

А теперь подытожим, и получится: счастливое стечение обстоятельств, редкостное везение, одним словом — случайность.

Да, именно так, игрой случая объясняли мой успех на чемпионате мира. Не скажу, что такая трактовка слишком уж меня угнетала, не давала покоя, лишала сна. Но чувство досады оставалось. Выходило ведь, что получил медаль, предназначенную для кого-то другого, что тот, другой, не вмешайся непогода, все поставил бы на свои места.

В двенадцатом номере журнала «Юность» за 1983 год, например, было прямо сказано, без обиняков:

«Если суммировать результаты соревнований за последние два года или только за последний сезон, то больше всех баллов наверняка набрал бы Константин Волков. На чемпионате мира в Хельсинки он занял второе место и первым поздравил своего более удачливого на сей раз товарища, которому хватило для победы столь будничной высоты». (Примерно через год я лично познакомился с автором этих строк, довольно известным спортивным журналистом. Он спросил, не затаил ли я обиду на него за оценку, оказавшуюся в итоге ошибочной. Я ответил, что нет, хотя «боролся» и с ним своими прыжками, своими рекордами.)

В общем, достаточно скромный — даже по тем временам — результат послужил главным основанием для недоверия к моей победе. А тут еще через пару недель после чемпионата масла в огонь подлили французские шестовики Пьер Кинон и Виньерон. Они по очереди, с интервалом в три дня, улучшали мировой рекорд и довели его до 5,83, подчеркнув этим лишний раз необязательность и «будничность» того, что произошло в столице Финляндии.

Наконец, по итогам года чемпион мира не попал даже

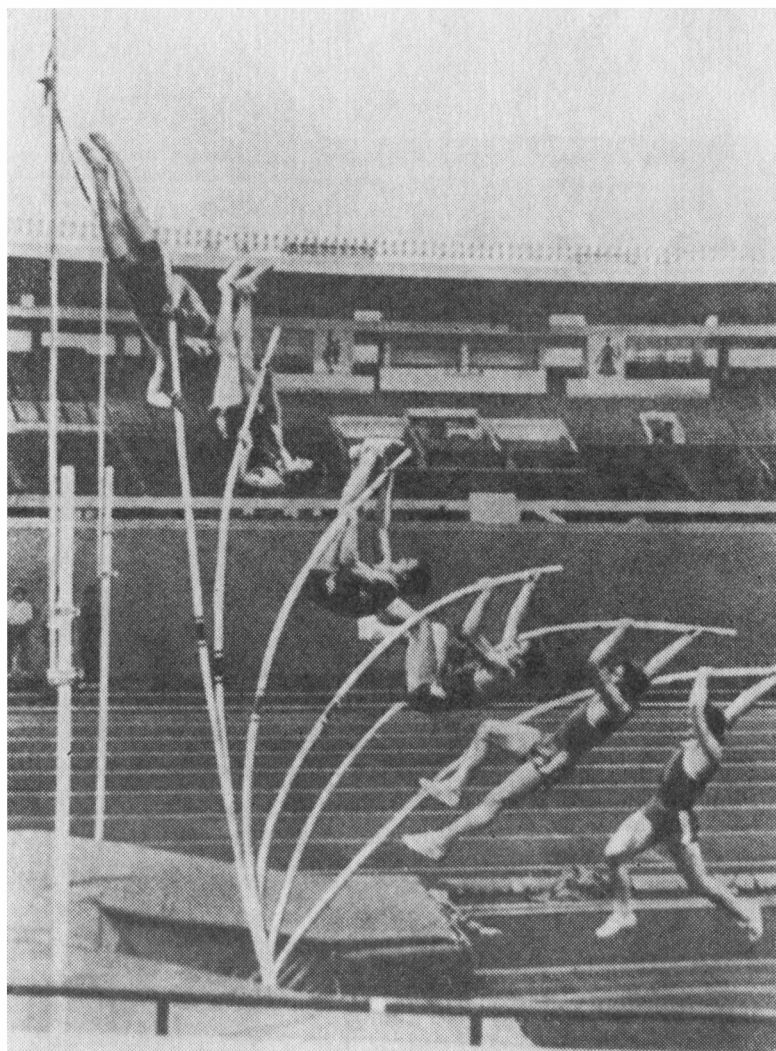
Париж. 13 июля 1985 года. Мгновение назад он был на «шестом небе».

Многим снилась эта высота. Для него она — реальность.

**Дорожку разбега к новым высотам они привыкли стелить вдвоем.
(С п р а в а — Виталий Петров.)**

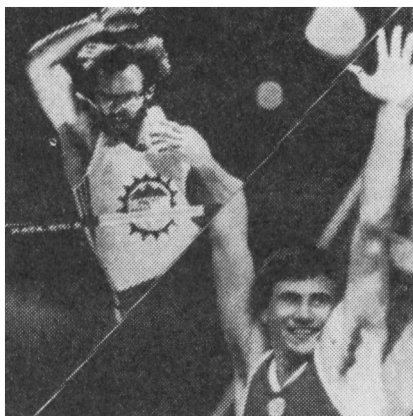

«Анатомия» прыжка.

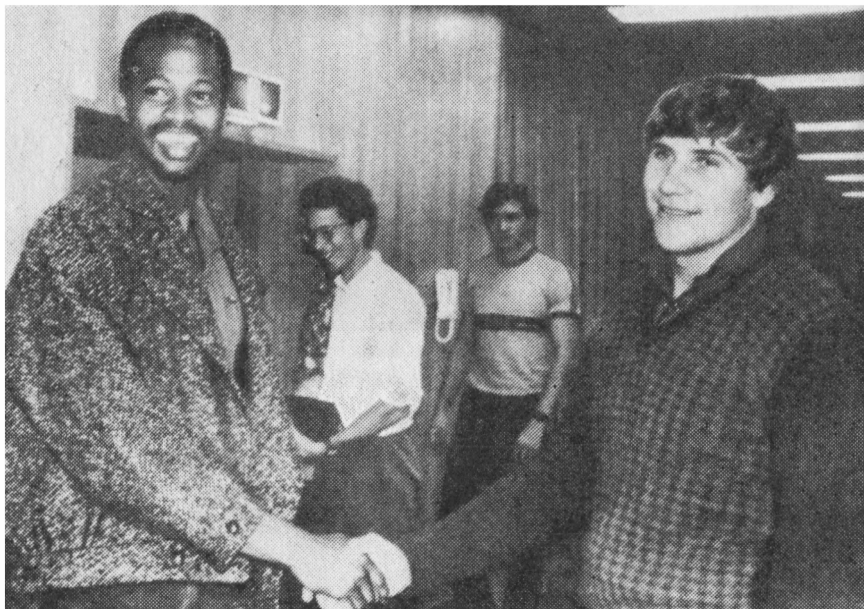

В привычном кругу: старший брат Василий и Сергей с женой.

Чемпионат Америки. Зима
1984 года. (Вверху —
Б. Олсон.)

Встреча с У. Бэнксом, знаменитым
американским прыгуном.

Константин Волков.

Родион Гатаулин.

Все победы — родом из детства.

◀ Смотреть, как готовятся к прыжку, всегда любопытно.

Автограф на память.

Самый счастливый день.

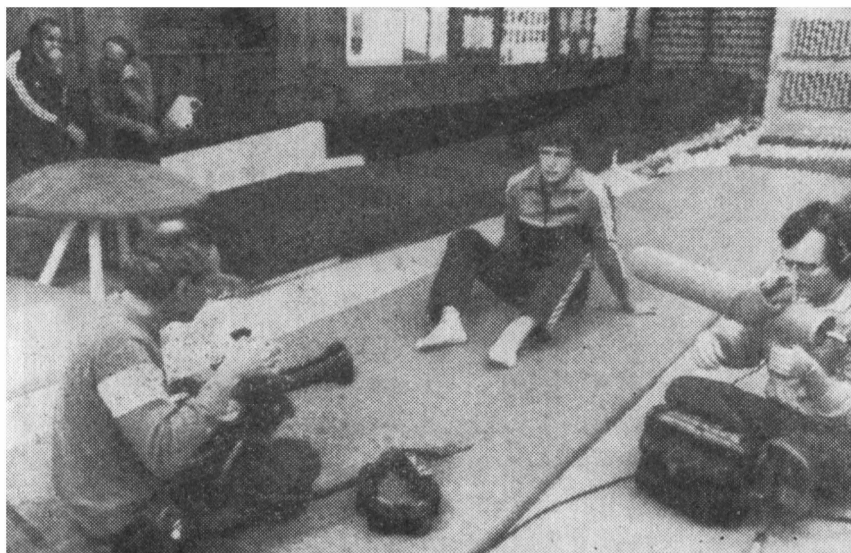

Рекордсмен и его наследник.

Кубок мира (Канберра). Встреча с австралийской молодежью.

Американская телекомпания «Дик Янг продакшнз» снимает фильм в Донецке.

Прием в кандида-
ты партии.

Факел доверяют
достойным.

Париж. Январь 1985 года. В. Петров, С. Бубка, И. Тер-Овanesян.

в десятку сильнейших шестовиков планеты. Нечасто такое бывает — что там говорить.

И остался я зимовать хоть и коронованным, но никем всерьез не признанным чемпионом. Предстояло только одно: удвоить, утроить усердие в тренировках и ждать новых стартов.

...После Хельсинки Виталий Афанасьевич счел возможным показать мне запись в своем дневнике, сделанную 3 июля, почти за полтора месяца до чемпионата мира. Всего одна строчка: «Теперь я верю, что рекорд мира будет советским — и надолго».

Тогда по-прежнему верил только он.

«ОХОТА» ЗА РЕКОРДАМИ

Этот турнир вы не найдете в спортивных календарях. Его результаты не интересуют газетчиков, и дотошные любители статистики не заносят их в свои распухшие кондуиты. Хотя если бы в легкой атлетике соревнования оценивались по специальной шкале сложности, как, скажем, в шахматах, то этот турнир мог бы претендовать на весьма высокий рейтинг.

Сами посудите: среди его участников — чемпионы страны разных лет, победители первенств Вооруженных Сил, Центрального совета ДСО профсоюзов...

Речь о соревновании, которое в предпоследний день уходящего года Петров устраивает для шестовиков нашей группы.

За высокими, до потолка, окнами манежа всюду свирепствует непогода, стылый ветер бросает в окна пригоршни снежной крупы или колючие капли дождя, а нам жарко, как летом. Жарко от борьбы с высотой и друг с другом, борьбы, в которой каждый обязан выложиться до конца, показать все, на что он в данный момент способен.

«Семейные старты», как мы в шутку называем эти

соревнования. Контрольная прикидка, где все на полном серьезе. И строгое, беспристрастное судейство — только по три попытки на высоту. И планка поднимается по заранее утвержденному регламенту. И протокол аккуратно ведется.

Разве что зрителей нет, да без пьедестала обходимся.

30 декабря 1983 года я впервые соревновался в этих наших смотринах в звании чемпиона мира. И впервые, кажется, выиграл. С результатом 5.65. Никогда раньше на этом этапе подготовки так высоко не взлетал.

Объяснялось это как никогда серьезной подготовкой к зимнему соревновательному периоду. Собственно, раньше для меня его словно и не существовало. Был «мертвый» сезон.

Теперь же мы стояли на пороге олимпийского года. Необходим был хороший, впечатляющий разбег. И он таким получился.

15 января 1984 года на международных соревнованиях в Вильнюсе, где разыгрывался Кубок литовской столицы, сделал первое в жизни удачное покушение на мировой рекорд — взял 5.81.

Через две недели в Милане, на матчевой встрече легкоатлетов СССР, Италии и Испании, прибавил к этому результату еще один сантиметр.

Азарт «охотника» за рекордами, не скрою, подогревался желанием поскорее доказать всем, кто не поверил, что победа на чемпионате мира в Хельсинки досталась мне вполне «законно», а не была игрой случая.

Меня включили в команду для участия в «Играх под крышей» — серии турниров, которые по традиции организует зимой Атлетический конгресс США.

Открытие Америки началось с долгого воздушного путешествия по маршруту Москва — Монреаль — Филадельфия — Атланта — Лос-Анджелес. Почти сутки в пути через океан и одиннадцать часовых поясов. Как ни странно, но усталости поначалу не чувствовал. Вероятно,

ее сглаживал высокий эмоциональный настрой: впервые предстояло выступать в стране, где прыжки с шестом считаются чуть ли не национальным видом и включены даже в программы физического воспитания школ, колледжей, университетов.

Уместно напомнить, что до Олимпийских игр в Мюнхене в 1972 году американские прыгуны вообще не знали поражений на международной арене. Их победное шествие, продолжавшееся почти 70 лет, сумел притормозить тогда В. Нордвиг, прыгун из ГДР. Еще через четыре года, в Монреале, новый удар по самолюбию заокеанских шестовиков нанес польский спортсмен Т. Слюсарский. Ну а в олимпийской Москве из-за нелепого бойкота Игр, предпринятого президентом Картером, американцы и вовсе лишились возможности постоять за свой пошатнувшийся авторитет в прыжковом секторе.

А они страстно желали этого. Старались использовать любую возможность. Разумеется, и эту — «Игры под крышей».

Четыре старта за две недели в разных городах Соединенных Штатов — нагрузка солидная. Поэтому я решил, что нужно сразу, без раскачки, пока не накопилась усталость, «брать быка за рога».

Первый старт — в турнире «Лос-Анджелес таймс».

Прилетели мы ночью, а утром 10 февраля пошли познакомиться с «Форумом» — залом, где предстояло выступать. Стоим с Костей Волковым, смотрим и не верим глазам: служители арены спешно ладят для шестовиков дорожку разбега из... фанерных щитов. У нас о таком покрытии только дурные воспоминания остались. А яма... Что это за яма? Маленькая, узкая. Чтобы в нее попасть, когда летишь с высоты, и не разбиться, нужно снайпером быть.

Спрашиваем у местных ребят, шестовиков: в чем дело? Они объясняют: «Форум» — частная собственность, его хозяевам просто жаль тратиться на современное оборудование, поэтому приходится мириться и

прыгать на таком старье. Жадность владельцев арены, по сути, вынуждает нас рисковать. Да и какое им дело до спортсменов вообще — лишь бы трибуны были полны».

Выбирать не приходится — надо прыгать. В конце концов все в равных условиях. Правда, для такой дорожки требуются тапочки с короткими шипами, каких мы, привыкшие к синтетическому покрытию, давно не держим. Выручила расторопность Тер-Ованесяна: Игорь Арамович сумел оперативно раздобыть где-то несколько пар нужных шиповок.

Билл Олсон, Эрл Белл, Дэн Рипли, Майкл Талли... Практически все сильнейшие американские прыгуны. Но главный соперник, конечно же, многократный чемпион США Олсон. Он горел естественным желанием реабилитироваться за провал на чемпионате мира. К тому же мечтал вернуть отобранный у него мировой рекорд для залов. Во всяком случае, Олсон накануне пообещал в газетах «побить Бубку любой ценой».

...Непривычная дорожка заставила нас с Костей осторожничать. Начали с 5.45. Олсон сразу пошел на 5.60, но взял эту высоту только с третьей попытки. Значит, тоже волнуется.

Наше с Волковым слово — 5.65. Ответ американца — 5.70. Дальше я прыгаю 5.75, а Волков, к сожалению, сходит.

Остаемся с Олсоном одни в секторе. После двух неудач на рубеже 5.75 американец переносит заключительную попытку на 5 сантиметров выше. Прыгает...

Планка долго пляшет на стойках. Словно задумалась: упасть — не упасть? Не упала.

Итак, 5.80 — повторение личного рекорда чемпиона США. Трибуны ликуют, скандируют его имя, поскольку уже не сомневаются в победе своего кумира. Не было еще в истории прыжков с шестом случая, чтобы такая высота покорилась в одних соревнованиях сразу двум атлетам. Спортсмен, взявший 5.80, гарантировал себе

успех, никогда не оказывался вторым — только первым.

— Давай, Сережа, настройся, главное — не торопись, делай все, как умеешь, — в негромком голосе Тер-Ованесяна спокойствие и уверенность, и я забываю, на какой головокружительной высоте установлена планка — 5.83!

Разбегаюсь... Есть! 15-тысячный «Форум» взрывается овациями. Кажется, трибуны сейчас обрушатся. Игорь Арамович, как видно, тоже поддавшись всеобщему азарту, старается перекричать толпу:

— Ставь пять восемьдесят пять! Ты сегодня все можешь!

Вообще-то есть соблазн поставить — прыжки явно «идут». Но в ответ кричу сквозь шум другое:

— Не надо, мы так опоздаем на самолет.

Дело, конечно, не в самолете, хотя рейс действительно через час. Просто впереди еще три старта, и расплескать себя сразу вряд ли будет разумно.

— Да ты, я вижу, стратег, — смеется Тер-Ованесян, легко соглашаясь с моими бесхитростными доводами.

Перелет из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк — через всю страну, с запада на восток — сами американцы называют «красный глаз». Легко понять, почему: вылетаешь, допустим, ночью, а когда через три часа оказываешься в Нью-Йорке, там уже день в полном разгаре. Вот и ходишь потом с красными от недосыпа глазами.

Однако на отдых у нас времени нет. В тот же день — новый турнир. Ладно хоть условия в зале, расположенном в предместье крупнейшего города США, получше, чем в лос-анджелесском «Форуме». На деревянную дорожку здесь наклеена резина, и с разбегом меньше проблем.

Не повезло Волкову: получил нулевую оценку на стартовой высоте 5.50. Я затратил на нее две попытки. Олсон, явно не отдохнувший еще от вчерашнего «нок-дауна», проявляет труднообъяснимую для прыгуна его

опыта и класса опрометчивость: идет сразу на 5.70 и получает «баранку».

Наконец мы с Беллом схлестнулись на этой высоте, и мне удалось выиграть у ветерана американской легкой атлетики по попыткам.

И снова в путь. Из Нью-Йорка в Кливленд. Акклиматизация, знакомая до сих пор только понаслышке, стала реальной, хорошо осязаемой. Голова тяжелая, как кувалда, в висках словно большой колокол упрятан. Сейчас бы расслабиться, отдохнуть как следует. Хоть выспаться толком. Увы... Нужно опять брать в руки шест, который как будто прибавил в весе.

В общем, в Кливленде, как ни старался, как ни заводил себя, ничего не вышло. Получил ноль.

Только после этого выдались наконец несколько свободных дней перед заключительным и главным стартом — открытым чемпионатом США. Впрочем, «свободных» — слишком сильно сказано. Потому что, когда Эрл Белл пригласил нас с Волковым погостить у него дома в штате Арканзас, представитель Атлетического конгресса сказал, как отрезал:

— Это невозможно. У мистера Бубки все время занято.

И для пушей убедительности показал бумагу, в которой все ближайшие дни были расписаны по часам и минутам: интервью для «Нью-Йорк таймс», интервью для «Вашингтон пост», интервью для телевидения... Длиннющий список. Откуда такой интерес к моей персоне?

Оказывается, чемпионату предшествует мощнейшая рекламная кампания, все заранее спланировано. С помощью прессы и телевидения разжигается ажиотаж, болельщики валом валят в «Медисон сквер гарден», впиваются в телеэкраны, а это огромные барыши. Для владельцев спортивной арены, для телевидения, которое по обыкновению щедро разбавляет репортажи рекламой автомобилей, супернадежных подтяжек или зубной

пасты, наконец, для Атлетического конгресса, который тоже своего не упустит.

И так все время, на каждом шагу — деньги, деньги, деньги... Во всей этой нескончаемой круговерти спортсмены остаются на последнем месте. Бессловесные пешки в игре большого бизнеса, законы которой им до конца могут быть и неведомы. Серьезно заблуждается тот, кто полагает, будто атлеты за океаном сплошь и рядом купаются в роскоши. Да, четырехкратный олимпийский чемпион Карл Льюис — миллионер. Но он исключение из общего правила. К нему, между прочим, сами американцы относятся не как к спортсмену, а как к дельцу. Подавляющее большинство же лишено поддержки (я уже не говорю о государственной, а хотя бы Атлетического союза), перебиваются крохами.

Врезалась в память фраза, сказанная шестовиком Джеффом Бэкингом, когда мы расставались:

— Завидую вам, у вас, говорят, к спортсменам относятся по-человечески...

Да, нас любят, Джефф. И мы отвечаем взаимностью. У нас с болельщиками, со всей страной — совсем другие отношения.

...Ну а тот чемпионат США я выиграл с результатом 5.64. Волков здесь был вторым, неутомимый Белл — третьим. Хотя, если честно, чемпионат Америки этот турнир можно считать с большой натяжкой: отказались выступать травмированные в предыдущих стартах Рипли, Талли и «сломавшийся» психологически Олсон.

Местная газета писала: «Два десятилетия назад мы аплодировали победам Валерия Брумеля и Игоря Тер-Ованесяна. Теперь Игорь вновь в США, он — главный тренер советской легкоатлетической сборной, и мы рукоплещем его питомцам. Чемпионат США их стараниями напоминал скорее первенство СССР с участием американских атлетов».

Три победы из четырех возможных, высшее мировое достижение, звание лучшего зарубежного спортсмена

зимнего легкоатлетического сезона Америки — с такими итогами не стыдно было возвращаться домой. Но самое главное заключалось не в личных «арифметических» достижениях, а в безоговорочном признании американцами превосходства советской школы прыжков с шестом. Только так воспринимал и расценивал восторженные отзывы прессы, сопровождавшие мои прыжки. Поэтому позволю себе привести еще несколько выдержек из газет и журналов.

«Лос-Анджелес таймс»: «Бубка — феноменальный прыгун, просто непостижимый. Он представитель нового, будущего поколения шестовиков. Говорят, что стометровку он пробегает за 10,2 секунды — сомневаться в этом не стоит. Советский спортсмен заставляет нас пересмотреть устоявшиеся представления о прыжках с шестом, самих возможностях человека. Если кому-то и посчастливится покорить в ближайшем будущем 6-метровую высоту, то Бубка — претендент номер один».

«Вашингтон пост»: «Сергей бежит с шестом так же быстро, как прыгуны в длину», — говорит Тер-Ованесян. Кроме того, по мнению специалистов, секреты его высоких прыжков — в более жестких и длинных шестах, которыми он пользуется, а также в том, что место его хвата на добрых 20 сантиметров выше, чем у любого другого атлета».

«Спорт иллюстрийтед»: «Прыжки у советского атлета так хороши, что у зала перехватывает дыхание». И не случайно Олсон утверждает: «В идеальных условиях этот парень может прыгнуть на 6 метров 10 сантиметров».

Стоит ли говорить, как мечтает каждый спортсмен хотя бы раз в жизни выступить на Олимпийских играх. Можно ставить рекорды, завоевывать громкие титулы, покорять воображение болельщиков «космическими» прыжками, но звание олимпийского чемпиона несрав-

нимо ни с чем. Самое желанное и самое почетное. Только оно — на всю жизнь. Только к нему никогда не прилипнет приставка «экс».

Естественно, что после успешной зимы-84 мы с Петровым ставили только одну цель — Лос-Анджелес, Олимпиада. Пик формы должен был прийти на 8 августа. Точно на день финала у шестовиков.

В мае приехали в Чехословакию на тренировочный сбор. Проходил он в шахтерской Остраве, похожей на наши донбасские города. К тому же как раз зацвели черешни, и их аромат, помноженный на гостеприимство хозяев, создавал полное впечатление, что никуда не уезжал, что находишься дома.

8 мая вечером мы сидели у телевизора и узнали, что Национальный олимпийский комитет СССР принял решение о невозможности участия советских спортсменов в Лос-анджелесских играх. Решение вынужденное, трудное, но единственно правильное.

«Известно, — говорилось в заявлении НОК СССР, — что с первых дней подготовки к нынешней Олимпиаде американская администрация взяла курс на использование Игр в своих политических целях. В стране разжигаются шовинистические настроения, нагнетается антисоветская истерия. При прямом попустительстве американских властей активизировались различного рода экстремистские организации и группировки, открыто ставящие своей целью создание «невыносимых» условий для пребывания делегации СССР, выступлений советских спортсменов. Готовятся враждебные СССР политические демонстрации, в адрес НОК СССР, советских спортсменов и официальных лиц раздаются неприкрытые угрозы физической расправы. Главарей антисоветских, антисоциалистических организаций принимают представители администрации США, их деятельность широко рекламируется средствами массовой информации».

Твердая, непреклонная позиция НОК СССР нашла понимание и поддержку у всех, кому не на словах, а на

деле дороги идеалы олимпизма. От участия в Играх «по-американски» отказались атлеты ГДР, Польши, Чехословакии, Венгрии, Кубы, Вьетнама — и ряда других стран.

Газета «Комсомольская правда» открыла в те сложные для олимпийского движения дни на своих страницах «Трибуну спортсмена», с которой выступили многие знаменитые олимпийцы.

«...О каких высоких спортивных результатах, о какой честной дружеской борьбе на спортивных аренах говорить, если, кроме выстрела из стартового пистолета, спортсмена в любой момент ожидает смертоносный выстрел с трибун?! — справедливо спрашивал со страниц «Комсомолки» олимпийский чемпион Владимир Васин. И отвечал: — Поверьте прошедшему испытание тремя Олимпиадами: в такой обстановке стартовать и добиваться высоких результатов абсолютно невозможно».

Другой наш прославленный олимпиец, Николай Балбошин, писал: «Мы не боимся угроз. Мой тренер и учитель Анатолий Иванович Парфенов прошел всю Великую Отечественную войну, за храбрость и мужество удостоен ордена Ленина, многих боевых наград. А мужество в спорте, которым всегда славились советские атлеты, сродни мужеству тех, кто защищал Родину от врагов. Уверен, что мы бы не дрогнули, столкнувшись и с трудностями, от спорта далекими, но позволю себе вопрос: кому нужны Олимпийские игры, превращенные чуть ли не в полигон для подрывных действий?»

Словом, у нас, советских спортсменов, как и у всех здравомыслящих людей, не было и тени сомнения в обоснованности решения НОК СССР. Зато возникло другое: желание в этот непростой момент дать достойную отповедь недругам, идеологическим диверсиям. Ведь многие радиоголоса и газеты на Западе пустили по миру вздорные слухи, будто советские спортсмены отказались ехать в Лос-Анджелес только потому, что боятся

там проиграть, а вопросы безопасности, нарушения Олимпийской хартии, мол, тут ни при чем.

Это была, конечно, заведомая ложь. И опровергнуть ее, отместить для меня означало только одно: выступить, высоко прыгать. Как можно выше!

Уже в первом старте — 23 мая в Острове — мог стать рекордсменом мира. Выиграв соревнования «Золотая шиповка» с результатом 5.65, попросил поднять планку на 5.84, на сантиметр выше рекорда Виньерона.

Осуществить задуманное помешал, с одной стороны, сильный ливень (тогда многие газеты обошел снимок: стою на старте, дождь — стеной, а финский прыгун Тимо Куусисто, славный парень, держит надо мной зонтик), а с другой — мною была допущена «профессиональная» ошибка: перед прыжком далеко вперед продвинул стойки. Потому-то и не дотягивал до планки, набирал «потолок» высоты перед ней.

Вечером Виталий Афанасьевич сердито выговаривал:

— Мальчишка! Собственными руками отодвинул рекорд.

Я тоже был удручен, но не только из-за промаха. В Острове выступал и Вася. Ему ливень вообще перечеркнул весь сезон. Брат во время разбега поскользнулся, сильно травмировал колено и на несколько месяцев вышел из строя.

А мои прыжки в Острове публике и специалистам все-таки понравились. На стадионе прозвучало такое необычное объявление:

— Уважаемые болельщики! Если вы хотите стать свидетелями мирового рекорда в прыжках с шестом, приезжайте через три дня в Братиславу, где состоится турнир на призы телевидения и объединения «Словнафт».

В сотый, наверное, раз выбираю из кучи снимков этот, сделанный и подаренный мне на память фотокорреспондентом братиславской «Правды» Павлом Мелушем 26 мая 1984 года. Очень похоже на искусно сработанный фототрюк, однако это не трюк. Это — прыжок!

Завис в полуметре над планкой, а от нее до земли еще ровно 5 метров 85 сантиметров. Мировой рекорд. Первый в жизни.

На какой же фактически высоте я оказался тогда? Возможно, когда-нибудь высоту наших прыжков с абсолютной точностью будет фиксировать не металлическая, а какая-нибудь, скажем, лазерная «планка». Возможно...

А тогда, в Братиславе, приземистый заборчик из рекламных щитов, отделявших сектор от первых трибун, был в мгновение ока смят зрителями. Они окружили меня плотным кольцом, обнимали, поздравляли. Такого искреннего всплеска эмоций никогда прежде не видел.

Оказавшись в центре людского водоворота, я с трудом отыскал глазами Петрова. Он сидел, словно вросший в скамейку. Закрыв руками лицо...

Свершилась его мечта. Наша мечта. Десять лет мы шли к ней. Десять лет — и миг торжества над высотой, еще вчера никому не подвластной.

Мгновение — из тех, что наполняют нашу жизнь в спорте самым высоким и значительным смыслом. Ради них и живем.

Наступление на рекорд началось...

Через неделю, 2 июня, в рабочем пригороде Парижа Сен-Дени проводились соревнования, посвященные 80-летию газеты французских коммунистов «Юманите», участвовать в которых пригласили нас, советских спортсменов. Для хозяев этот турнир имел особое значение: они использовали его для отбора команды на Олимпиаду-84.

Самый именитый из французских шестовиков, Виньерон, оказался, однако, далек от своей лучшей формы (или просто «темнил») — прыгнул только на 5.60, уступив право побороться за первенство Полякову и мне.

Мы оба дружно добрались до мирового рекорда — 5.86 и столь же дружно сбили по разу планку на такой

высоте. Володя сделал это потом дважды, а я перенес пару оставшихся попыток на 5.87. И заключительный прыжок оказался удачным!

Высоту потом перемерили и внесли поправку: оказалось, что не 5.87, а 5.88 было на планке. Один сантиметр в нашем деле — величина, конечно, несерьезная, но рекорд есть рекорд, и тут уж поступиться аптекарской точностью нельзя.

С каждым новым стартом я чувствовал себя все уверенней. Появились легкость, раскрепощенность. На тренировках не прыгал — летал, оставляя между планкой и телом солидные «куски» покоренного пространства.

Третий мировой рекорд установил 13 июля в Лондоне. Серия прыжков удалась довольно редкая: 5.50 — 5.70 — 5.90 — и все с первых попыток. Возник соблазн еще десять сантиметров прибавить и... Организаторы соревнований погасили мой пыл. Оказалось, что стойки в секторе стадиона «Кристалл Пэлис» на такую высоту просто не рассчитаны. (Никто не мог, конечно, тогда знать, что покорится она мне ровно через год, день в день.)

В общем, все ладилось в то необыкновенное лето, все случалось, все шло хорошо.

Но в блаженстве абсолютного благополучия частенько таится и некая парадоксальная обманчивость, и не зря бывалые люди иногда замечают: если слишком уж хорошо — тоже нехорошо. Нет, совсем не зря так говорят.

Неудачу на соревнованиях «Олимпийского дня» в Берлине 20 июля, когда шест беспомощно «плыл» в руках и не позволил взять даже начального скромного рубежа, можно было объяснить несчастным случаем: за пять дней до старта имел неосторожность искупаться в слишком холодном бассейне, простыл и не успел восстановиться. А вот с поражением 17 августа в легкоатлетическом турнире «Дружбы-84» в Москве все обстояло гораздо сложнее.

Спортивная форма подозрений не вызывала, готовился очень ответственно, потому что цену главному старту сезона знал. И тем не менее проиграл.

Французы утверждают, что хорошие мысли подчас приходят только на лестнице, слишком поздно, чтобы можно было что-то изменить. Вот и меня они посетили тогда, когда стоял в Лужниках на ступеньке пьедестала почета, и это ничуть не радовало: ступенька была с цифрой 2. На первую, как и положено, пригласили победителя — Волкова. В тот день он оказался и сильнее и мудрее меня.

Почему так случилось? Не пытаюсь оправдываться, что просто бессмысленно, я старался это понять. И приходил к выводу, что самонадеянно пренебрег психологической подготовкой к важнейшему старту. Слишком много эмоций растратил впустую.

Накануне турнира выдержал осаду газетчиков, кинохроники, телевидения, не дававших прохода, а отказывать в таких случаях не умею... Самое главное, что нужно было сделать, это не приезжать на сбор в Подольск, готовиться дома в привычной, спокойной обстановке. Между прочим, все мировые рекорды я до сих пор устанавливал после тренировок в Донецке.

Ну да что было толку теперь рассуждать. Оставалось только ждать шанса, чтобы доказать случайность моего поражения на «Дружбе».

И такой шанс представился скоро: 31 августа, Рим, крупный международный турнир «Голден гала».

Итальянская печать окрестила эти соревнования «парадом звезд», и спортивный мир ждал их с подчеркнутым интересом, даже с нетерпением. Дело в том, что на дорожках и в секторах римского «Стадио олимпико» впервые сошлись лицом к лицу многие чемпионы Олимпиады-84 и спортсмены ряда легкоатлетических держав, которые из-за антиолимпийских действий американских организаторов Игр не смогли выступить в Лос-Анджелесе. И в целом ряде дисциплин новенькие олимпийские меда-

ли. заокеанской чеканки сразу же подверглись безжалостной «девальвации», на глазах утрачивали свой блеск.

Турнир «Голден гала» все поставил на свои места.

В нашем секторе олимпийский чемпион П. Кинон, победивший на Играх с результатом 5.75, предпочел не выступать, хотя я, не буду скрывать, ждал этой встречи. Зато снова был Т. Виньерон, получивший в Лос-Анджелесе «бронзу».

Французская школа прыжков с шестом — это отточенная техника, широкая амплитуда движений, высокая, как мы говорим, летность. Виньерон, по-моему, наиболее яркий представитель этого направления. Но тогда в Риме он, кажется, превзошел самого себя.

...После 5 метров 50 сантиметров мы с Тьерри ушли в решительный отрыв от остальных соперников и, лидируя попеременно, достигли «потолочных» высот.

Виньерон прыгнул на 5.91, обновил мировой рекорд, а у меня для ответа остались две попытки.

Я лежал на аккуратном газоне, метрах в двадцати от сектора, где фотокорреспонденты облепили Виньерона. Лежал лицом вниз, ощущая горячими щеками постриженную колкую траву, старался расслабиться, настроиться на прыжок.

Стадион гудел, никак не мог успокоиться после удачи француза. Рядом работала кинокамера. Оператор нацелил на меня объектив. Если сейчас не прыгну, то может получиться интересно: ликующий Виньерон и поверженный Бубка.

Только напрасно он сейчас изводит пленку. Я прыгну.

Медленно поднялся с земли. Уже ночь, жаркая римская ночь, воздух густой, так что кажется — даже лучи стадионных прожекторов пробивают его с трудом.

Заказал для прыжка 5.92, однако мой соперник протестовал: раз вдвоем еще прыгаем, говорит, то должны по три сантиметра прибавлять. Стало быть, 5.94.

Согласно киваю головой: 5.94 так 5.94. При наших высотах принципиальной разницы нет.

Начал представлять, каким будет мой прыжок. Выйду на старт, чуть-чуть постою, успокоюсь, потом разбежусь — злой и стремительный, шест выбросит меня туда — вверх, а планка останется далеко внизу и даже не дрогнет, и когда я упаду на маты, на стадионе еще мгновение будет тихо, а потом трибуны охнут и по ним прокатится шквал.

Будет именно так, убеждал я себя, крепко сжимая шест.

Все. Судья поднял белый флажок. Разбег... Шест выстрелил меня в небо, все движения выполнил точно и уже в воздухе понял: есть! Есть мировой рекорд!

Когда упал на маты, стадион еще мгновение безмолвствовал, словно осмысляя увиденное, а потом очнулся... И снова застрекотали кинокамеры. А на траве, всеми покинутый, сидел Виньерон.

Я был экс-рекордсменом пять минут. Он был пять минут рекордсменом.

Француз подошел к судьям, и на табло загорелись новые цифры: 5.97. Выходит, наша игра продолжается. Предыдущую высоту пропустил он, эту — пропускаю я. Твердо решил: как бы Виньерон ни прыгнул, пойду на шесть метров. Впервые в жизни пойду.

Но в спор с решимостью вступило разлившееся по телу спокойствие: все-таки я не верил, что Виньерон способен на второй подряд рекорд. Поэтому позволил себе вопреки неписаному правилу последить, как он будет прыгать. Обычно за полетами соперников не наблюдаю, это только вред.

Нет, весь запас сил Виньерон израсходовал, прыжки его на 5.97 совсем вялые.

Ну а что я? Есть ли у меня самого еще силы?

Настраивался на прыжок, стараясь не думать, на какой высоте установлена планка. Прыжок и прыжок — обычное дело. И все-таки волновался.

...Когда снова разбежался, послал тело вверх, понял, как же трудно прыгать после рекорда. На миг потерял в воздухе ориентировку и почувствовал, что сейчас упаду не на маты, а мимо, на дорожку. Впился пальцами в фиберглас, обжег руки и, к счастью, сумел приземлиться на краешек ямы.

Подбежал врач, осмотрел руки, смазал какими-то мазями. Взволнованы судьи: буду ли прыгать дальше, смогу ли? Буду, смогу. Во второй попытке сбиваюсь с разбега. А третья — хорошая, хоть и неудачная. Над планкой прошел впритирочку, она задрожала и полетела вслед вниз.

Сел на траву, вытер пот полотенцем и только теперь почувствовал полную меру усталости, накопившейся за вечер. Взяли в кольцо репортеры. А сквозь толпу, вижу, протискивается, усердно помогая себе локтями и коленками, какой-то мужчина: жестикулирует так, как это умеют делать только итальянцы и... зачем-то протягивает мне целлофановый мешочек с орехами.

После минутного замешательства до меня доходит, в чем дело. Вчера был на приеме у Примо Небиоло, президента Международной любительской легкой атлетической федерации. Был вместе с Тamarой Быковой, а от итальянцев — Пьетро Меннеа и Сара Симеони. Там в баре мы Тamarой съели все арахисовые орешки. Бармен спросил: почему только орешки? Мы объяснили: мол, нам, прыгунам, полезно. Действительно полезно — для гибкости. Бармен удивился и пообещал: если вы, сеньор Бубка, завтра установите мировой рекорд, вас будет ожидать сюрприз.

И вот теперь бармен, прорвав все кордоны, протянул мне пакетик с орешками, говорил что-то веселое, улыбался.

...Домой, наконец-то снова домой!

Ту-154 ложится в крутой предпосадочный вираж. Прозрачные блюда иллюминаторов ловят солнечные

лучи — они прошивают салон насквозь. Внизу — рыжие шапки терриконов, копры угольных шахт, часток кол заводских труб. Кому как, а мне индустриальный донецкий пейзаж по душе. Есть в нем какое-то неповторимое величие, основательность, надежность.

Встречает меня все семейство Петровых. Две очаровательные хохотушки — Наташа и Леночка, и без того смуглокожие, за лето так загорели, что не узнать. Обе родились и как-то незаметно выросли на глазах, и мы с Васей относимся к ним как к младшим сестренкам.

Пока едем в машине, я рассказываю подробности римского поединка с Виньероном. Представительницы слабого пола ахают, переживают — особенно Галина Алексеевна.

Потом Петров деловито сообщает: «Прыгаем послезавтра». Признаться, прилива энтузиазма от этих слов я не испытал.

Сезон-84, в сущности, для меня уже позади, 15 стартов, один ответственнее другого. Куда уж больше? Двенадцать раз покушался на мировые достижения — в зале или на воздухе. Семь попыток были удачными. К личному рекорду прибавили 22 сантиметра, к мировому — 11. Только проигрыш «Дружбы» подобен ложке дегтя... Но тут уж ничего не попишешь — сам виноват.

— Я готов, Виталий Афанасьевич, — вслух говорю Петрову. — Послезавтра так послезавтра.

Существовало несколько достойных внимания причин, по которым я считал себя обязанным, несмотря ни на что, выступить на чемпионате СССР.

Ну, во-первых, чемпионат страны есть чемпионат страны, и жаль, что, оказываясь подчас где-то на задворках спортивного календаря, он не собирает всех сильнейших. В шесте, например, выиграть всесоюзное первенство ничуть не легче, чем европейский, а то и мировой чемпионат.

Во-вторых, турнир проводился в Донецке, и земляки

имели куда больше прав на меня, чем поклонники легкой атлетики в Лондоне, Париже или Риме, волею судеб видевшие в минувшем сезоне мои лучшие прыжки.

Была, наконец, и третья, совсем уж личного свойства причина, в силу которой нужно было выступать, и выступать хорошо.

Буквально за день до состязаний в донецком Дворце торжественных событий появилось заявление, под которым стояли две подписи — Лилина и моя.

С Лилей Тютюник (теперь она носит мою фамилию) познакомился на стадионе «Локомотив», где она, мастер спорта по художественной гимнастике, работает тренером ДЮСШ. Мои таинственные исчезновения (свидания) на первых порах серьезно озадачили Петровых. Был спортсмен как спортсмен, поклонялся шесту как божеству — и на тебе, загулял... Пришлось открыться, успокоить их, познакомить с Лилей. Теперь могу точно сказать: влюбленному человеку легче спорить с высотой.

...Итак, обновленный к чемпионату донецкий стадион «Локомотив». Знакомый сектор у Северной трибуны, где столько пота на тренировках пролито. Трибуна заполнена почти до отказа, как на футболе. Тысяч десять-двенадцать народу, не меньше. Шестовикам, по-моему, вообще грех жаловаться на невнимание публики. На любых соревнованиях чем выше поднимается планка, тем «гуще» становится в районе сектора.

Страшно волнуюсь. Пожалуй, как никогда. Почти до озноба. Оказывается, от волнения можно замерзнуть даже в теплый день. Зимой за океаном видел аршинный заголовок в газете: «Бубка — человек без нервов!» Если бы так...

Сильнейших в секторе нет. Ни Волкова, ни Крупского, ни Полякова. Я уже говорил, что в принципе соревнуюсь прежде всего с высотой, не слишком реагируя на соперников. И все-таки конкуренция есть конкуренция, она создает необходимый боевой настрой, а это,

в свою очередь, помогает снять излишнее нервное напряжение.

Никто на стадионе, кроме, разумеется, тренера, не знает, что выступать собираюсь без своего привычного оружия. Случился казус: летел из Рима, и «боевые» шесты застряли на полпути в Москве. Лежат где-нибудь спокойненько в багажном отделении Шереметьевского аэропорта, понапрасну загромождая проход.

Через несколько дней по тому же маршруту из Италии проследует брат. Он доставит «пропажу» в Донецк. Но прыгать-то мне сегодня. И лежащий сейчас возле дорожки красно-сине-белый, похожий на гигантский карандаш чехол, на котором начертана моя фамилия, не более чем камуфляж. Потому что внутри — тренировочные, меньшей, чем нужно, жесткости шесты, на скорую руку подобранные Петровым.

Ладно, никого это не волнует, и меня не должно особенно беспокоить. Все равно начну соревноваться с 5.60. Наверное, высоковато, но не начинать же с 5.50 — просто боюсь этой загадочной высоты, не чувствую ее, хоть плачь. А 5.60 — совсем другое дело. По нынешним временам это норматив мастера спорта международного класса.

Справляюсь с начальной высотой без проблем. Сажусь отдыхать, краем глаза слежу, что происходит в секторе: болею за Шквиру. Аркадий сегодня, похоже, в ударе. Берет с третьей попытки все те же 5.60, делит «бронзу» чемпионата с иркутянином Павлом Богатыревым и становится четвертым в нашей группе «международником». Молодец, Аркаша! Столько лет шел к цели, временами казавшейся недостижимой, и все-таки своего добился.

На пять сантиметров больше просит поставить 18-летний Родион Гатаулин из Ташкента. К этому парню нужно присмотреться: он нацелился на трехлетней давности юниорский мировой рекорд Виньерона (5.61). И четко, что называется, без вопросов берет свои 5.65.

Ну а я пойду сразу на 5.80, когда в секторе, видимо, уже никого не останется.

Мы, шестовики, делаем свое дело неспешно, соревнуемся подолгу. Это как многосерийный фильм с завязкой, развитием действия, кульминацией и развязкой. Если ты объективно сильнее соперников, то на твою долю останется только кульминация и развязка. До этого сюжет раскручивается без тебя, и необходимо лишь одно: не перегореть в томительном ожидании.

...Снова стою на старте. Погожий сентябрьский вечер как-то незаметно набросил на стадион свое фиолетово-черное покрывало. Бегуны и метатели, как водится, уже закончили выступления, уложившись в отведенный временной регламент. Я остался один.

Где-то там, на трибуне, Лиля. Еще не знаю, что мама тоже здесь, на стадионе, приехала из Ворошиловграда, чтобы не по телевизору, а воочию увидеть — первый раз в жизни, — как побеждает высоту ее сын.

Возле дорожки разбега стоит Шквира с обрывком бинта. Кусочек белой марли лучше любого флюгера подсказывает силу и направление малейшего дуновения ветерка. С шестом наперевес начинаю разбег, нарастающая скорость. И вдруг...

Уже возле самого «корыта» (так мы называем ящик упора) меня настигает крик нетерпеливого болельщика, воспитанного скорее всего на футбольно-боксерских зрелищах: «Серега-а-а, дава-а-а-ай!»

Лежу на матах, планка — рядом. «Человек без нервов». Какая чушь! Успокаиваю себя: есть ведь еще две попытки. Что такое 5.80? Пройденный этап.

Опять начинаю разбег, но чувствую, что не попаду в место отталкивания. Сворачиваю с дорожки к соседней яме для «чистых» высотников. Бросаю шест на маты. Ложусь лицом вниз. Сейчас соберусь, сейчас... «Человек без нервов». Смешно.

Все-таки высота покоряется. Хоть своих не подвел, стал чемпионом страны. Забыв об усталости, вхожу

в раж: заказываю 5.95 — на сантиметр выше мирового рекорда, установленного несколько дней назад в Риме.

Кстати, если прыгну, могу стать обладателем еще одного достижения. Еще никому из легкоатлетов не удавалось пять раз за сезон бить мировые рекорды в одной дисциплине.

Тщательно вымеряется высота, невиданная до сих пор для наших стадионов. Мне уже ничто не мешает. Кроме... шеста. Он все-таки мягковат для таких полетов. Хотя два прыжка из трех получаются почти безупречными, но планка все-таки падает.

Вот все и кончилось, и я вдруг понимаю, как же хочу пить. Кажется, все бы отдал за глоток обыкновенной воды из-под крана. Но попробуй доберись до него, если несметная толпа мальчишек выстроилась в очередь за автографом...

Потом церемония награждения. Счастливый, сошел с пьедестала и вижу: мама робко стоит в стадионном тоннеле. В руках держит капроновую сумку. Взял ее — тяжелая.

— Сынок, — говорит мама, — я тут тебе арбуз из дома привезла. Подумала: пить-то, наверное, захочется после этих прыжков.

Разрезать арбуз прямо на стадионе я все-таки постеснялся. Мы съели его все вместе в квартире Петровых.

13 ИЮЛЯ 1985 ГОДА

(Хроника того дня)

...Времени едва хватило на то, чтобы разместиться в гостинице, принять душ, перекусить. И — на стадион.

Соревнуемся мы сегодня на небольшом, уютном стадиончике, который носит имя Жана Буэна — знаменитого французского стайера, серебряного призера Олимпиады 1912 года в Стокгольме в беге на 5000 метров, погибшего в первую мировую войну.

Начало соревнований у шестовиков в 15.00. В стартовом протоколе двенадцать фамилий. Легко нахожу знакомые: американец Билл Олсон, восходящая звезда Франции Филипп Колле, наш Саша Крупский. А где Виньерон? Где Кинон?

Ах, вот они! Не в секторе, правда, а на трибуне. Сидят рядом, о чем-то рассуждают, кажется, спорят. Понятно: решили дружно этот старт пропустить. Берегут силы для Ниццы, где мы уже непременно встретимся через три дня. Но если они рассчитывают, что я здесь измотаю себя прыжками, то они заблуждаются. Сегодня этого не будет ни при каких обстоятельствах.

На разминке, чтобы почувствовать незнакомый сектор, делаю пробный прыжок на высоте 5.50. Сбиваю, как обычно, планку и зачехляю шест. Можете спросить: что значит это «как обычно»? Привычка у меня такая: нароч-

но убрать планку рукой в пробном прыжке. Нечто вроде приметы: пусть лучше сейчас упадет, чем потом, в зачетной попытке.

Сегодня я твердо решил: как бы высоко ни прыгнули соперники, начну соревноваться с той высоты, которая для них окажется последней. Установят мировой рекорд? Значит, начну с мирового рекорда.

Рискованно, конечно, но об ЭТОЙ высоте невозможно мечтать, добровольно лишая себя права на риск. К тому же он вполне обоснован. На всякий случай подхожу к Сергею Павловичу Сидоренко, руководителю нашей делегации в этой поездке: так, мол, и так, возражений не будет? Он отвечает с улыбкой: «И не думаю сковывать инициативу чемпиону мира. Делай, как задумал. Считаю, что выступишь сегодня с произвольной программой».

Говорят, что хуже нет, чем ждать и догонять. Насчет догонять — согласен. А вот ждать...

Для нас, шестовиков, это нормальное, привычное состояние. На чемпионате мира в Хельсинки пришлось провести в секторе восемь часов подряд, а для победы хватило всего шести прыжков. Сегодня, конечно, такого не предвидится, но все равно времени более чем достаточно.

Нужно как следует размяться. Подготовить каждую мышцу, каждую связку к работе. Где-то читал, что для совершения одного шага, самого обычного шага — по тротуару, лестничному маршу или лесной тропинке — включаются в работу 104 мышцы.

Солнце уже печет не так, как в полдень, но духота все равно донимает. Ничего. К жаре можно привыкнуть. К чему никогда не при-

терпишься в секторе, так это к дождю и ветру. Мокрый шест — слишком плохая опора.

Нет, так дело дальше не пойдет. Опять я о шесте. Необходимо срочно, сейчас же дать мыслям другой ход. А вот и сама судьба посылает мне человека, встреча с которым в этом поможет.

Крепкое рукопожатие Мишеля Жази. Выдающийся французский легкоатлет блистал на беговых дорожках, когда меня еще на свете не было. А познакомились мы в прошлом году в Монако, куда я вместе с Петровым ездил по приглашению федерации спортивных журналистов Франции, организовавшей благотворительный вечер, весь сбор от которого предназначался для детских приютов и домов инвалидов. Точнее, даже не вечер, а «ночь спорта в Монте-Карло», как называли ее газеты.

Были Мишель Жази, Ульрика Мейфарт, сборная Франции по футболу во главе с Мишелем Идальго, конечно, французские шестовики... Ждали из США Карла Льюиса. Напрасно. Потому что благотворительность и Льюис, зарабатывающий в год по миллиону долларов, — понятия абсолютно несовместимые. Четырехкратный олимпийский чемпион Лос-Анджелеса известен не только делячеством, но и экстравагантностью: он командировал вместо себя в Монте-Карло отца, 53-летнего Джима Льюиса. А сам почтил участников встречи телефонным звонком из Чикаго.

Мы по очереди выходили на сцену, рассказывали о себе, отвечали на вопросы ведущего. Все это сопровождалось показом специально подобранных кадров кинохроники, где каждый из атлетов переживал свои звездные

мгновения. Под аплодисменты зала шла на экране наша римская баталия с Виньероном, когда в течение нескольких минут дважды рушился мировой рекорд и последнее слово было все-таки за мной.

...Пора глянуть, что сегодня в секторе происходит. Похоже, дела идут к развязке. Олсон выходит на старт: у него последняя попытка на высоте 5.70. Разбегается и... под сочувственный вздох трибун падает на поролон вместе с планкой. Честно говоря, это можно было предвидеть. Олсон в каком-то смысле шестовик уникальный, возможно, единственный в своем роде: летом на стадионе он прыгает намного слабее, чем зимой, под крышей. Сами американцы называют его «человеком залов». В чем тут дело, судить не берусь. Может, Билла устраивает, что зимой конкуренция все же поменьше и побеждать проще, может, существуют какие-то другие причины, например, коммерческого толка. Но факт остается фактом: летом Олсон совсем не страшен.

Крупский взял «свои» 5.70. С первой попытки. Но по тому, с каким трудом они ему дались, видно, что выше ему сегодня не прыгнуть. Кстати, Саша тоже своеобразный спортсмен. Не ошибусь, если назову его одним из самых стабильных шестовиков в мире. Иркутянин почти никогда не получает «баранок».

Сегодня он по попыткам выигрывает у Колле. Стадион горячо болеет за соотечественника, скандирует его имя. Такая поддержка, конечно, имеет значение. Только при одном обязательном условии: если у спортсмена, кроме желания, остались еще и силы. У молодого француза, увы, их уже нет.

(Окончание следует)

СЕЗОН НЕСПОКОЙНОГО СОЛНЦА

Сразу после свадьбы мы с Лилей уехали в Сочи, вдогонку за летом. Собирались на месяц. Но ровно через две недели — звонок из Донецка, подкрепленный часом позже срочной телеграммой: «Возвращайтесь как можно быстрее».

Нет-нет, ничего особенного не приключилось. Соревнований никаких не предвиделось. Мне предстояло, оказывается, сниматься в кино.

Приближался 1985 год, объявленный ООН Годом молодежи, и американская телевизионная компания «Дик Янг продакшнз» по заказу этой международной организации работала над фильмом о проблемах молодежи мира, избрав одним из героев спортсмена — меня. Сроки съемок в Донецке согласованы, изменить, перенести уже ничего нельзя. Пришлось нам с Лилей досрочно упаковывать чемодан.

Замысел создателей фильма был интересный. Благородные идеи дружбы и солидарности должны были объединить на экране юношей и девушек разных государств. Дик Янг являлся одновременно продюсером, режиссером и оператором, его молодой ассистент — Билл Макенлли.

Невысокий, подвижный Янг свое дело знал хорошо. В поисках интересного ракурса он карабкался с тяжелой кинокамерой в руках на осветительную башню стадиона, со змеиной проворностью заползал под сетку батута, проседавшую почти до земли от моих прыжков и пируэтов, с профессиональным бесстрашием ложился на маты в прыжковой яме, и я падал рядом с ним, взяв высоту.

Мне тоже крепко досталось за те дни, что ходил в «кинозвездах». Однажды пришлось прыгать с шестом пять часов без перерыва! Порой съемка превращалась в тренировочное занятие с очень солидными нагрузками,

которые «дозировал» по собственному усмотрению Янг, и при этом был беспощаден. То, что именуется «бременем славы», обрело для меня в те дни совсем не иносказательный смысл.

Гостей, разумеется, интересовали не только тренировки. Они много снимали дома, на улицах города. И искренне сожалели, что не будет на пленке нашей с Лилей свадьбы, дату которой с планами «Дик Янг продакшнз», конечно же, никто не согласовывал.

Пришлось хоть как-то восполнить этот пробел дружеской вечеринкой, прошедшей под веселый смех друзей и стрекот кинокамеры.

— У нас в Америке просто немыслимы такие сердечные отношения между людьми, которые только что познакомились, — признался Янг. — Не представляю, чтобы мой соотечественник Карл Льюис, кичащийся своим «величием» на каждом шагу, пригласил нас за свой стол вот так, запросто. Вы, русские, словно из другого теста. Ваша открытость и доброта поразительны.

Когда гости уехали, я рассчитывал наконец зачехлить шест, на какое-то время спрятать его подальше. Такое желание приходит всегда, когда здорово устаешь, когда выматываешься до предела.

Начать новый тренировочный штурм мы с Виталием Афанасьевичем решили только в декабре, а зимой 1985 года вообще не выступать. Взять тайм-аут.

Жизнь, однако, внесла существенные коррективы в задуманное. Грядущий январь был месяцем Первых Всемирных легкоатлетических игр, которые готовился принять Париж. Руководители управления легкой атлетики Спорткомитета СССР предложили мне там выступить. Подчеркиваю: предложили, но не настаивали, потому что были посвящены в мои первоначальные планы и относились к ним с пониманием.

Пришлось гораздо раньше, чем намечали, снова взяться за шест. Петров предложил щадящий режим: обойтись без закладки фундамента — общефизической

подготовки, выступать на старой базе, а начать сразу со специальных упражнений.

Старой базы хватило ровно на месяц — потом наступил затяжной и тяжелый спад. Так был плох, что в предновогоднем «семейном турнире» получил нулевую оценку. Петров реагировал на это спокойно, без эмоций, я же страшно злился. Через несколько дней, 5 января, попробовал «отыграться» на розыгрыше зимнего Кубка Донецкой области. Со скрипом все-таки взял 5.70. Это уже кое-что.

— Не страдай понапрасну, — говорил тренер, — сейчас на большее никто не способен. Все в трудном положении.

Утверждать так у него, конечно, основания были. Ибо никогда еще сильнеешие легкоатлеты не открывали сезон так рано, как зимой 85-го. Всемирные игры в зале парижского района Берси в этом смысле несли на себе печать эксперимента, пробы. Хотя вряд ли это обстоятельство настраивало на слишком уж благодушный лад атлетов из десятков стран.

Накануне старта крупнейшая французская спортивная газета «Экип» опубликовала перекрестное интервью со мной и Виньероном, задав нам несколько одинаковых вопросов. Получилось нечто вроде словесной «дуэли», предварившей нашу очередную дуэль в секторе.

«Экип»: Как вы оцениваете своего соперника? Что больше всего впечатляет в нем и что... разочаровывает?

Бубка: Виньерон — один из лучших шестовиков мира. Это он доказывает в течение нескольких лет. Вместе с тем, терпя неудачи, он всякий раз находит силы возобновить борьбу и снова идти на штурм рекордов. Это свидетельствует о силе характера. Что касается отрицательных качеств, то здесь следует говорить о нестабильности его результатов.

Виньерон: Больше всего в Бубке меня впечатляет мощь, порой просто исключительная. Затем — его бойцовские качества, постоянство в соревнованиях. Отрица-

тельное качество: этот юноша мне кажется слишком замкнутым, что в нашем маленьком мире шестовиков сразу бросается в глаза. Это немного разочаровывает.

«Экип»: Кем вы считаете своего соперника: рекордсменом, способным блеснуть высоким результатом в каком-то одном турнире, или чемпионом, умеющим стабильно соревноваться все время?

Бубка: Я склоняюсь к тому, что Виньерон принадлежит всего-таки к категории рекордсменов. Он продемонстрировал это наиболее ярко в конце прошлогоднего сезона в Риме, когда отнял у меня, правда, только на несколько минут, мировой рекорд. Его умение бороться за победу с полной концентрацией сил — признак атлета высшего класса.

Виньерон: Бубка — двойная звезда. Он и чемпион, и рекордсмен. Его великолепные достижения общеизвестны. Правда, его победа в 1983 году на чемпионате мира в Хельсинки была настолько сенсационной, что ему еще предстоит утверждать свой престиж в состязаниях подобного уровня, где очень многое решает психологическая устойчивость.

«Экип»: Что вы думаете об Олимпиаде-84 без советских атлетов? Каково ее значение?

Бубка: Приходится сожалеть, что результаты Олимпийских игр в Лос-Анджелесе не были достойными состязаний такого ранга. Без участия многих сильнейших атлетов олимпийские медали попросту девальвировались. Нам удалось в течение сезона превзойти — и порой значительно — многие достижения чемпионов Лос-Анджелеса. Это, пожалуй, и есть ответ на вопрос.

Виньерон: Кто знает, каким бы был финал Олимпиады у шестовиков, если бы участвовали советские прыгуны... Бубка был бы фаворитом — это уж точно, однако никто, в том числе и он, не застрахован от неудач. Во всяком случае, историю не переделаешь, и лично для меня бронзовая медаль Олимпиады в Лос-Анджелесе полноценна, как и любая другая награда.

«Экип»: Кто первым преодолеет 6-метровую высоту в прыжках с шестом, и когда это может случиться?

Бубка: Трудно сказать. Чтобы достичь такой высоты, нужно воспользоваться идеальным совпадением множества факторов, иногда непредсказуемых. Пожалуй, можно сделать только такой прогноз: судя по сегодняшним результатам, по существующему раскладу сил, это будет почти наверняка либо советский, либо французский шестовик, но кто именно — гадать не берусь.

Виньерон: Вряд ли кто-то сумеет точно ответить на этот вопрос. Среди реальных претендентов на покорение 6-метровой высоты вижу Бубку, Кинона, себя. Скажу только, что советские спортсмены, не выступавшие на Олимпиаде, наверняка приложат все силы, чтобы тут быть первыми.

«Экип»: Кто будет вашим главным соперником в ближайшие годы и почему?

Бубка: Думаю, борьбу за первенство по силам вести атлетам только двух стран: Франции и Советского Союза. Другие школы — в частности, американская, польская — отстали, хотя их возрождение всегда возможно.

Виньерон: Мой главный соперник — я сам. Важно уметь сражаться против самого себя, чтобы подняться выше. Это не ново, однако мне по-прежнему не всегда удается в соревнованиях «взорваться», выложиться до конца. Так, как это получается у основных конкурентов — Бубки и Кинона.

«Экип»: Как вы подготовились к старту в Берси?

Бубка: Моя подготовка проходила по плану, рассчитанному на лето. Поэтому Берси рассматриваю лишь как промежуточный этап, контрольный, как проверку сил. К тому же по дороге в Париж я простудился и чувствую себя очень неважно.

Виньерон: Эти Всемирные игры как никогда рано открывают сезон, и моя спортивная форма сейчас составляет не более 75 процентов от оптимальной на данное время.

«Экип»: Какие соревнования этой зимы для вас важнее: игры в Берси или чемпионат Европы в Афинах?

Бубка: Полагаю, что все-таки чемпионат в Афинах. По крайней мере у меня еще есть время нормально к нему подготовиться. Теперь же, перед Берси, я еще ни разу не стартовал, если не считать небольшой турнир без какой-либо конкуренции в Донецке 5 января. В общем, Всемирные легкоатлетические игры — мой дебют в наступившем году.

Виньерон: Несомненно, что чемпионат Европы важнее. В Берси, я этого не скрываю, собираюсь выступить только ради французской публики, поблагодарить ее за традиционное внимание к шестовикам. Поэтому если я проиграю, то хочу, чтобы все знали, что сейчас нахожусь в стадии «притирки», и не делали далеко идущих выводов.

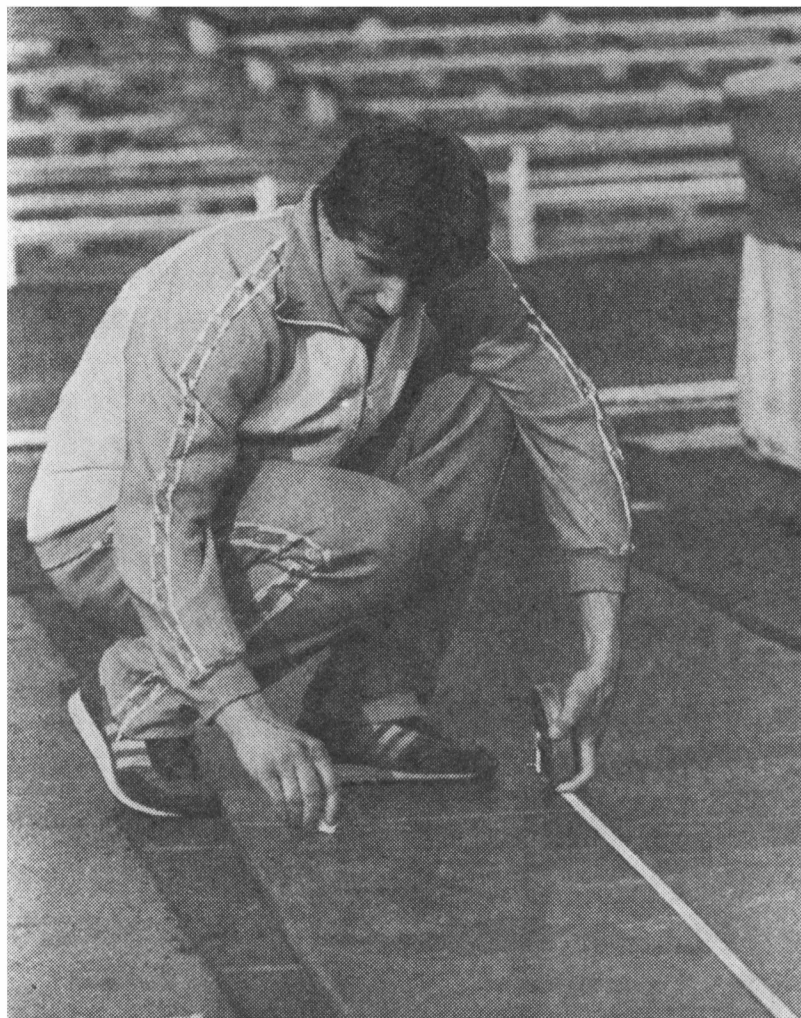
«Экип»: С какой высоты вы начнете и до какой надеетесь дойти?

Бубка: Поскольку я приболел, думаю начать достаточно низко — 5.40 — 5.50. Остальное будет зависеть от самочувствия.

Виньерон: Пока не знаю, поскольку буду ориентироваться по тактике, которую изберут соперники. Это решается только на месте, только в секторе. В конце концов 5.70 — 5.75 я должен достичь, но за большее не ручаюсь».

Когда спортсмен жалуется газетчику на свои хвори, то его легко упрекнуть в желании либо наперед оправдаться за возможное поражение, либо в стремлении усыпить бдительность соперников. К подобным уловкам мы действительно подчас прибегаем. Но тогда, перед Всемирными играми, я был абсолютно искренен, жалуясь на болезнь.

Жесточайший грипп настиг меня еще в Москве. И немудрено: когда уезжал из Донецка, там дождик

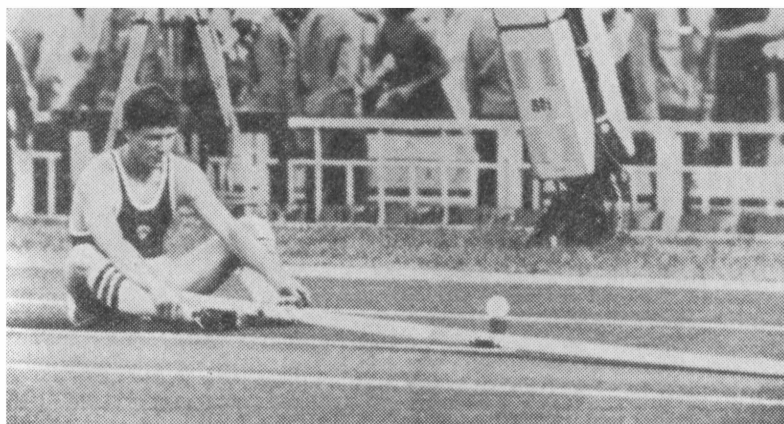
Не ошибиться бы с разбегом...

Разбег.

Прыжок.

Усталость.

Вместе с Геннадием Авдеенко.

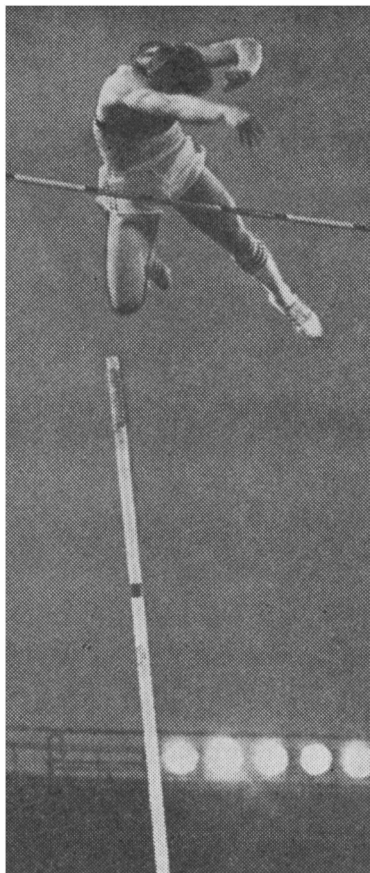
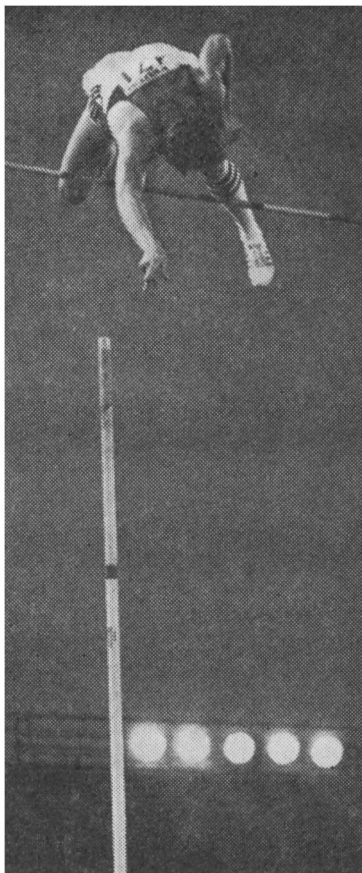

Петров и его «команда».

Между братьями секретов нет. ►

Лужники. Игры доброй воли.

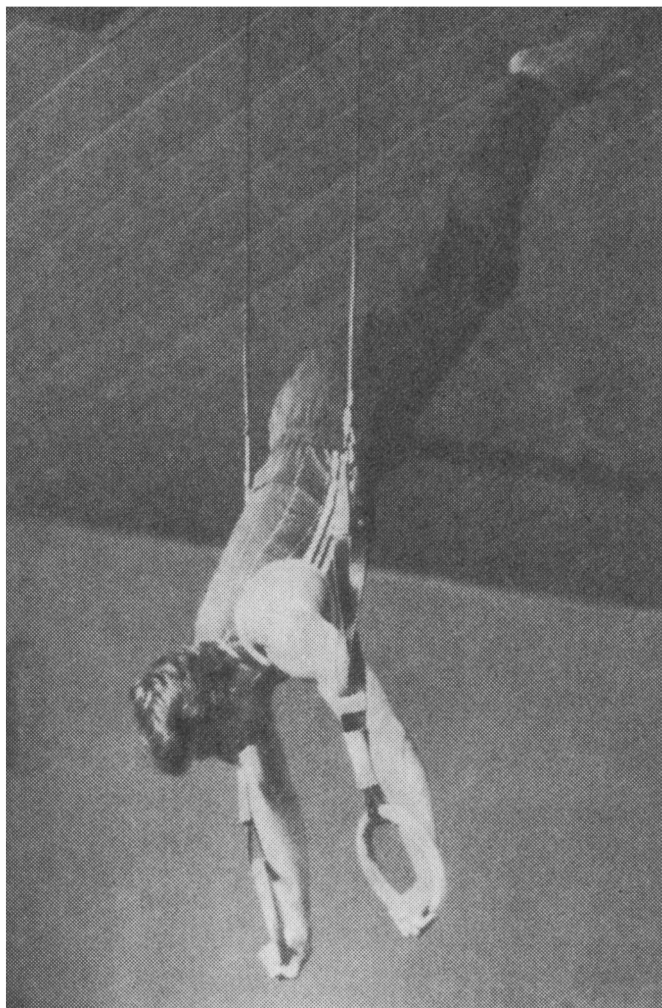

Есть рекорд!

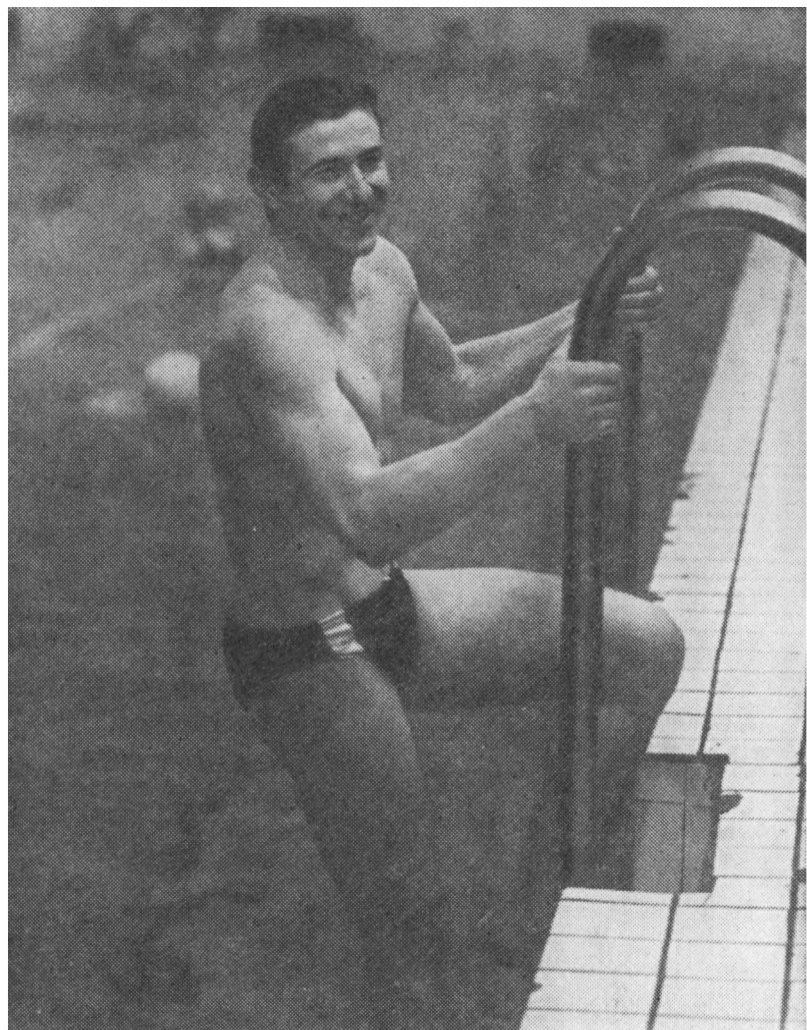

Все «полеты» начинаются на земле.

Гимнастика — прыжкам подспорье.

Отдых — тоже тренировка.

На лесной трассе.

Высоковато...

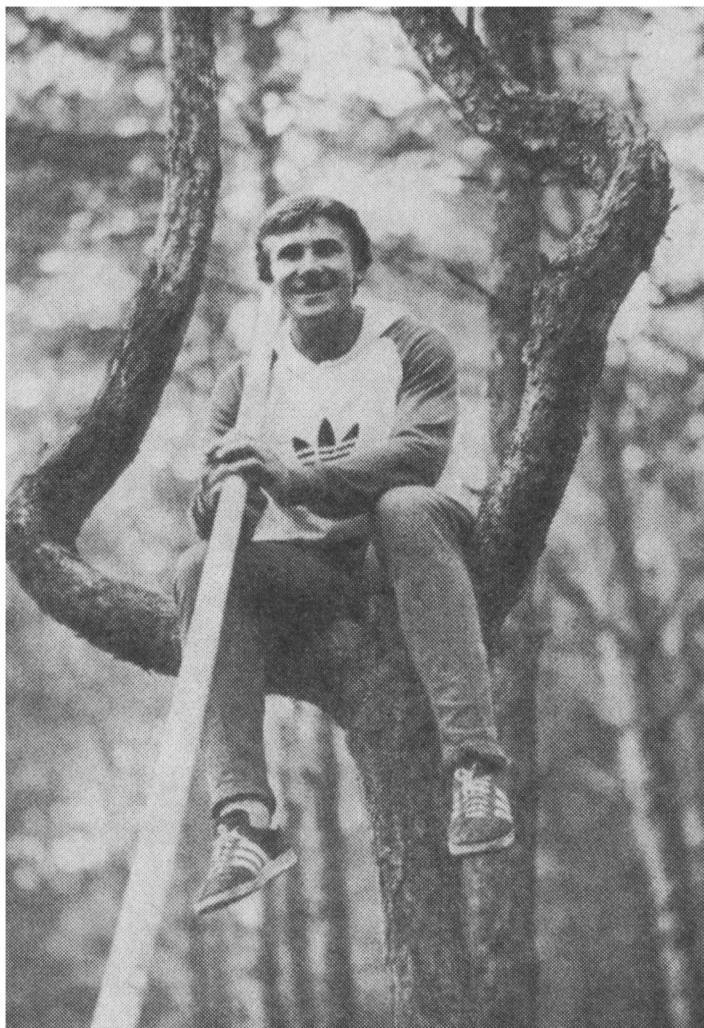
На приступі

Разговор по душам.

Награду вручает президент МОК Хуан Антонио Самаранч.

С шестом можно забраться куда угодно!

(в январе у нас такое бывает) всю поливал, а столица встретила свирепым 25-градусным морозом!

Капризы погоды обошлись мне дорого. Нос, горло, бронхи — все словно пробками было заложено. Жар донимает, температура под сорок... В гостиничном лифте так худо стало, что на несколько секунд сознание потерял. Незнакомые попутчики вывели из кабины, кто-то за нашатырем побежал...

В Париж прилетели вечером 15 января. Врач сборной команды Олег Николаевич Ипатенко распорядился изолировать меня, как «разносчика инфекции», в отдельном номере. Горло смазывал по десять раз на день, грудь и спину обклеил перцовым лейкопластырем и вслух сокрушался, что не может прибегнуть к сильнодействующим антибиотикам, поскольку они пагубно воздействуют на мышцы. А я ведь все-таки не лечиться в Париж приехал — прыгать.

Желание выступать обязательно, несмотря ни на что, обострялось присутствием в команде старшего брата. Я хорошо представлял, как тяжело будет Васе сражаться в одиночку с французскими шестовиками, которые в родных стенах, что бы там ни говорил Виньерон, наверняка уступать без боя не собирались.

За час до начала соревнований 19 января еще раз измерил температуру. Ничего утешительного: 38,5.

Сами соревнования запомнились плохо. Подбирал разбег, разгонялся, прыгал — все как в тумане. Один из корреспондентов вручил мне на следующий день итоговый протокол состязаний шестовиков, извлеченный из недр компьютерной техники фирмы «Сейко». Нежно-салатного цвета листок сохранился, и, глядя на «крестики-нолики» против фамилий спортсменов, обозначающие покоренные и невзятые высоты, теперь восстанавливаю как по шпаргалке подробности «битвы при Берси».

...В паре с Виньероном французы заявили своего ветерана — 30-летнего Патрика Абаду. Они затеяли против нас с Васей тактическую игру — на опережение.

Брат начал со скромных 5.30, я с 5.40, а оба хозяина соревнований взяли по 5.50 и вышли сразу вперед.

Для Абады, впрочем, на этом все и закончилось: он несколько переоценил свои возможности, заказал 5.65 и после трех неудачных прыжков покинул сектор.

Василий еще раз проверил себя на высоте 5.50, а потом мы вместе взяли еще по 5.60 — он с первой, а я только с третьей попытки. Тяжело, очень тяжело соревноваться в таком «разобранном» состоянии. Каких-то сорок метров разбега казались бесконечно длинными.

Виньерону в тот вечер поначалу просто везло: планку на высоте 5.70 он задел, но успел, находясь в воздухе, придержать ее рукой (правилами такой трюк не оговорен никак), и она, подожав, осталась на стойках. Мы с Васей, сделав по одной неудачной попытке на этом же рубеже, перенесли оставшиеся прыжки на следующую высоту — 5.75. Ничего не поделаешь: когда прогрываешь, приходится рисковать.

Тут брат сошел, хоть и прыгал очень неплохо, а мне 5.75 покорились сразу и на удивление легко. Теперь уже Виньерон оказался в роли догоняющего. Он поставил 5.80, а я решил: будь что будет, но эту высоту пропущу.

И ничего не было — француз трижды сбил планку.

Так и стояли на пьедестале: я — на первой ступеньке, Виньерон — на второй, Вася — на третьей.

Все хорошо, что хорошо кончается. Только так следовало оценивать случившееся в зале Берси. Петров склонялся к тому, чтобы судьбу больше не искушать и до конца зимы дать мне «вольную» от соревнований. Руководители сборной поначалу вроде бы с ним согласились, но потом передумали. И я поехал в Афины.

Думал, если честно признаться, что победить на чемпионате Европы особого труда не составит, поскольку и физическое состояние, и настроение были уже совсем не те, что месяц назад. Форму набрал хорошую. Вернулось

привычное ощущение жажды борьбы с высотой. На тренировках впритирочку, лишь слегка касаясь, проходил над резинкой на высоте 5.90. Опыт подсказывал: рубеж, к которому пристрелялся удачно в тренировочных прыжках, должен покориться в ближайшем старте.

Но вопреки ожиданиям все сложилось непросто.

Поскольку по регламенту зимних турниров квалификационный отбор не проводится, а силы участников слишком уж неравны, то дело затянулось на восемь часов. В конце концов мне удалось лишь по меньшему числу затраченных попыток опередить Сашу Крупского на высоте 5.70, оказавшейся победной. Болгарин Тарев и Бубка-старший взяли по 5.60, однако Васе на сей раз места на пьедестале не хватило: уступил он сопернику по попыткам.

А что Виньерон, объявивший, как помните, афинский чемпионат своим основным зимним стартом? Французский шестовик за неделю до этого, как сообщала печать, первенствовал в чемпионате своей страны с высоким для зимы результатом 5.75.

Раз на раз не приходится, в Афинах Тьерри стал жертвой некоторой самонадеянности: заказал для начала больше всех — 5.60 и получил ноль. Бывает.

Если бы чемпионаты, турниры, матчевые встречи, в которых нам приходится участвовать, оставляли после себя только цифры достигнутых результатов, то дело, которому мы посвящаем лучшие годы жизни, утратило бы половину своей притягательности и даже, если хотите, половину смысла.

Для нас, советских атлетов, это не так. Потому что где бы ты ни выступал, всегда ощущаешь себя частицей великой страны, ее полномочным представителем. И это замечательное чувство как-то по-особому неожиданно довелось испытать именно после афинского чемпионата Европы в марте 1985 года.

Скоротечный, всего на два дня, турнир, промелькнул как миг. Однако группа советских легкоатлетов, в которой я оказался вместе с Натальей Лисовской, Галиной Чистяковой, Сергеем Лаевским, Александром Евгеньевым, другими нашими известными мастерами, возвращалась домой не сразу.

Мы остались на земле Древней Эллады еще на несколько дней по просьбе руководства Коммунистической партии Греции. Остались не досужими экскурсантами, бродящими толпами и в одиночку по священным развалинам афинского Парфенона, а «красными агитаторами», как дружески окрестили нас греческие товарищи.

Пирей, Салоники, остров Крит... Мы разъехались по стране для встреч с рабочими, крестьянами, студенческой молодежью. Выступали на митингах, организованных коммунистами в преддверии муниципальных выборов, участвовали в дискуссиях, отвечали на вопросы.

Но было и другое. Подчас диву давались, когда сталкивались с нарочито искаженными, навязанными западными средствами информации представлениями о нашей стране, нашем образе жизни. Помню, как на металлургическом предприятии в Салониках мне задали вопрос, смысл которого как-то не сразу и дошел до сознания. Грек-переводчик терпеливо повторил довольно длинную фразу еще раз:

— Пользуется ли в Советском Союзе чемпион мира скидкой при оплате аренды стадиона, на котором тренируется, и во что ему обходится содержание тренера?

Я ответил, естественно, что советская система физического воспитания практически не делает разницы между чемпионом мира и миллионами рядовых физкультурников, что стадионы, бассейны, спортивные залы, манежи, корты государство предоставляет нам бесплатно, оплачивая и труд наших спортивных наставников. Судя по реакции слушателей, по недоверию, которое читалось на многих лицах, эти простые и очевидные ис-

тины превращались в открытия для людей, живущих в отличном от нашего мире.

Вспоминаю, как в Монте-Карло, столице княжества Монако, нам с Петровым показывали только что отстроенный стадион. Сопровождавший гид не скупился на восторженные эпитеты и превосходные степени: «уникальный», «лучший в Европе», «стадион будущего».

Стадион действительно на загляденье — что правда, то правда. По форме похож на гигантских размеров стакан, ловко поставленный на земельном пятачке, отвоеванном с колоссальным трудом у моря. Внутри «стакана» на разных этажах оказались упрятыми велотрек, теннисные корты, игровые залы, сауны, даже магазины. А верхний ярус занимает футбольный «стадион в стадионе» с трибунами на 25 тысяч зрителей.

Нам даже любезно предложили сыграть здесь в футбол в одной команде с самим наследным принцем Монако Альбертом. 28-летний наследник престола в трусах и майке носился по изумрудному газону, как мальчишка, и, надо отдать ему должное, демонстрировал неплохой дриблинг и удары по воротам. Правда, защитники противоборствующей команды обходились с ним предельно бережно.

Наконец наигрался вдоволь принц со свитой — и опустела арена. Замер чудо-стадион. Он ведь на тех, кого мы привычно зовем рядовыми физкультурниками, совсем не рассчитан. Голубая кровь плюс солидный счет в банке — единственно приемлемая здесь арендная плата.

С подобным явлением пришлось столкнуться еще раз на другом конце земли, в Стране восходящего солнца. Осенью 1985 года после матчевой встречи легкоатлетов СССР, США и Японии нашу и американскую команды, продолжавших подготовку к соревнованиям на Кубок мира, поселили на несколько дней в аэробическом центре близ Токио.

Уютные коттеджи в тихой бамбуковой роще, аккумуля-

ратно расчерченной терренкурами опилочных дорожек для оздоровительного бега и ходьбы, тренажеры на любой вкус, бассейн, корты, кафе, кинозал... Не беда, если с вами только цивильный костюм: спортивную форму, обувь, инвентарь можно взять напрокат. Словом, спортивный рай,

Но опять же — рай для избранных.

Посудите сами. Чтобы зарезервировать за собой право в течение года в любое время наезжать сюда, необходимо внести гарантийную сумму, равную годовой заработной плате квалифицированного рабочего. Впрочем, необязательно становиться завсегдатаем центра — только тогда придется выкладывать за разовое пребывание здесь по 250—300 долларов в день.

И неудивительно, что мы были вообще первыми спортсменами, оказавшимися в аэробическом центре. Причем заподозрить в альтруизме, бескорыстии его хозяев довольно сложно: звезды мирового спорта — разве плохая реклама?

Когда-то спортивные сезоны, следующие сразу за олимпийскими, считались годами «спокойного солнца». Слыли они привычно проходными, ничем не примечательными.

Сезон-85, по-моему, подверг решительному пересмотру традиционные представления о главных и второстепенных сезонах. В легкой атлетике это уж точно. Нужны доказательства? Ими стали более двадцати поправок, внесенных в таблицу мировых рекордов. Отличились копьеметательница из ГДР Петра Фельке, ее соотечественник толкатель ядра Ульф Теммельманн, наш высотник Игорь Паклин, прыгун тройным американец Уильям Бэнкс, бегуны — англичанин Стив Крэм, марокканец Саид Ауонта...

На редкость насыщенным, динамичным получился легкоатлетический календарь 1985 года. Пример горно-

лыжников, прыгунов с трамплина, саночников, представителей ряда других зимних дисциплин показался руководителям ИААФ достойным подражания, и они впервые учредили для нас «Гран-при» — «Большой приз».

Такая награда не может попасть в случайные руки, поскольку присуждается по суммарному итогу выступлений в большой серии турниров. Всего их 16, но соревноваться во всех одному атлету практически невозможно. Да и нет в том нужды: в зачет идут только пять лучших результатов плюс выступление в заключительном финальном соревновании. Победа на отдельном этапе приносит 9 очков, второе место — 7, третье — 6 и т. д. В финале очки удваиваются, а мировой рекорд оценивается еще шестью премиальными баллами. Таким образом, чтобы рассчитывать на конечный успех, необходимо выступать очень стабильно, без срывов.

Мне удалось выиграть первый «Гран-при» и оставить ближайшего преследователя — француза Пьера Кинона — на почтительном расстоянии в семь очков.

Любая победа всегда желанна и радостна уже сама по себе. Но эта, одержанная в споре с олимпийским чемпионом Лос-Анджелеса, имела принципиальное значение.

Наши турнирные пути-дороги пересекались не очень часто. А после Олимпиады-84 мне показалось, что Кинон и не очень-то ищет встречи со мной.

Кинон — интересный и сильный шестовик. Быть может, в его прыжках нет того изящества и красоты, как у Виньерона, зато налицо мощь, уверенность в себе, умение вести борьбу, не сдаваться ни при каких обстоятельствах. Маловероятно, что кому-то еще удастся когда-нибудь выиграть Олимпиаду так, как это сделал Кинон.

В первой попытке на стадионе Лос-Анджелеса он сбил планку на смешной высоте — 5.45. Вторую перенес на 5.65 — и опять неудача... Оказавшись в критическом положении, он просит для последнего, третьего прыжка

поднять планку еще на 15 сантиметров — и преодолевает ее! Тактикой назвать это всерьез невозможно — скорее риск на грани авантюры. Но тем не менее француз стал олимпийским чемпионом с достойным результатом, а заодно и стал автором этого острого сюжета.

Возможно, Кинону хотелось еще походить в непобежденных, но наш мир шестовиков достаточно тесен, чтобы бесконечно долго уклоняться от очных дуэлей. Из трех поединков с Киноном, состоявшихся в послеолимпийском году, память легко выбирает самый захватывающий — 16 июля в Ницце, на одном из этапов розыгрыша «Гранпри».

Я выходил на старт в этом средиземноморском курортном городе, еще не остыв от выступления тремя днями раньше в Париже. Первый в истории спорта удачный прыжок на шесть метров — достаточно серьезный повод для всплеска эмоций, за которым, как правило, следует спад. Как непросто войти в привычный ритм, я понял в Ницце, когда разладился вдруг разбег и через планку на высоте 5.65 с огромным трудом удалось «перелезть» со второго захода.

Кинон тоже взял эту высоту. Я заказал 5.75 — и сразу одолел ее. Француз просит поставить 5.80, справляется с ней и становится лидером. Два моих прыжка на 5.85, кроме разочарования, ничего не приносят...

Никак не могу точно «поймать» место отталкивания. Взлетаю и буквально натыкаюсь на планку — слишком тесно мне в воздухе. Третья попытка. Опять чувствую неудобства, опять задеваю планку на взлете, но все-таки огибаю ее, дрожащую. Падаю на маты. Рейка мучительно долго, словно испытывая терпение, вибрирует с металлическим звоном на стойках и... замирает! Разве я не имею права хоть на толику спортивного счастья!

Признаться, мне показалось, что все на этом должно и закончиться. Однако Кинон настроен иначе и делает новый выпад: с третьей попытки преодолевает высоту 5.90 — личный рекорд. Теперь, наверное, его обуревают

мысли о близкой победе: широко улыбается, шлет воздушные поцелуи ликующей публике.

Моя следующая высота — 5.95. Еще немного подкорректировал разбег. Взял шест помягче, побежал легко, даже весело — будь что будет. И... улыбки на лице соперника как не бывало. Потому что нет у него теперь иного пути к победе, кроме как идти на 6 метров. А на это у него ни сил, ни решимости уже не было.

И опять пресс-конференции, интервью, встреча на телевидении... Признаюсь, что поначалу, когда на меня обрушилась лавина этого внимания, я оробел. Обычно говорил тихим голосом, что называется мямлил. Потом стал потверже, даже заранее готовился, прикидывая, какие вопросы услышу. Выработывал свою тактику взаимоотношений с журналистами. И все-таки понял, что с западными газетчиками подчас просто невозможно говорить о чем-то всерьез — они все переинчат, так интерпретируют твои слова, что хочется набрать в рот воды и молчать на протяжении всей своей спортивной жизни.

Знаете, как объяснила одна вашингтонская газета мои победы над заокеанскими прыгунами? Весь секрет, оказывается, в том, что «Бубка ест каждый день густой красный суп — на Украине он называется «борщ». Этот «борщ» Бубка варит по собственному рецепту. Главное достоинство «борща» в том, что он красного цвета».

В другом городе Америки, Кливленде, нас с прыгун-ном-высотником Игорем Паклиным, будущим рекордсменом мира, битый час пытал вопросам корреспондент местной газеты. Спрашивал о тренировках, увлечениях, учебе... А на завтра мы прочли такие слова «откровения», что и в голову не могло прийти. Сообщалось, например, что мы возим с собой по миру чемодан с продуктами, поскольку чуть ли не обжорством страдаем...

Ладно еще, когда фантазия иных журналистов огра-

ничивается таким вот «гастрономическим» уровнем. Посмеялись — и забыли.

Случаются, однако, более серьезные «атаки», преследующие совершенно определенные цели: попытаться дискредитировать, запятнать атлета в глазах спортивного мира, вывести его из равновесия накануне ответственных стартов.

Никак не ожидал, что недостойную возню такого толка вокруг моего имени затеет в преддверии соревнований на Кубок Европы-85 солидная и влиятельная французская «Экип». Та самая «Экип», которая не раз публиковала серьезные и объективные материалы о ведущих прыгунах с шестом, в том числе и обо мне. И вдруг разродилась «сенсацией».

Суть ее заключалась в «таинственном исчезновении Сергея Бубки». После выступления в Ницце со мной якобы «что-то произошло», будто бы у меня возникли «разногласия с Федерацией легкой атлетики СССР», и «можно даже сомневаться, будет ли знаменитый шестовик участвовать на московском Кубке Европы». Заканчивалась публикация почти на патетической ноте: «Возникает чувство тревоги: продолжит ли чемпион и рекордсмен нынешний сезон? И вообще, каково будущее спортсмена?»

Испытывал чувство особой досады оттого, что ложь была сфабрикована во Франции. Ведь именно на стадионах этой страны мне довелось испытать радость многих больших побед. Именно жителям французской столицы посчастливилось воочию наблюдать за первым прыжком человека на шестиметровую высоту, и в память об этом событии у меня хранится Большая Золотая медаль Парижа.

Могу догадываться, что поводом для рождения газетной «утки» послужило прежде всего мое отсутствие на проходившем в первых числах августа в Ленинграде чемпионате СССР (где, к слову сказать, победил в прыжках с шестом мой брат Василий). Почему я про-

пустил этот престижный турнир, поймет любой непредубежденный человек.

С начала сезона мне довелось участвовать уже в десятке ответственных стартов. И в каждом из них выкладывался до конца, иначе, по-моему, не имеет смысла вообще появляться в секторе. Трижды в течение одной недели штурмовал шестиметровый рубеж. Ясно, что это потребовало колоссальных физических и нервных затрат. А я ведь не робот, не супермен. Чувство свинцовой усталости мне так же знакомо, как всем. Поэтому и был запланирован месячный перерыв в выступлениях. И сделано это было, разумеется, с ведома и согласия Всесоюзной федерации легкой атлетики.

Обо всем этом я рассказал в интервью «Советскому спорту», которое было опубликовано 9 августа с целью положить конец слухам и домыслам насчет моего «таинственного исчезновения».

Через несколько дней, уже в Лужниках, ко мне подошла невысокая худенькая женщина. Представилась: Регула Шмидт, постоянный корреспондент «Экип» в Москве.

— Пришла извиниться за своих коллег, — смущаясь, сказала она, — что поделаешь, если их иногда заносит на поворотах...

Бал, который давала «королева спорта» в Москве 17—18 августа 1985 года, наверняка надолго запомнится и его участникам, и зрителям. Их за два дня на трибунах Главной спортивной арены Центрального стадиона имени В. И. Ленина побывало более ста тысяч. Такое случалось последний раз только во время Олимпиады-80. Кто не испытал на себе, то вряд ли представит, как бывает тягостно видеть вокруг себя пустые, безразличные трибуны и, напротив, как ободряюще действует дружеское внимание, поддержка публики.

Финал Кубка Европы был одним из кульминацион-

ных моментов сезона, и я готовился к нему очень тщательно. Впрочем, какой-либо иной подход к такому состязанию исключается уже самим его регламентом. Здесь соревнуются не отдельные атлеты, а сборные команды сильнейших легкоатлетических держав. Кто бы ты ни был — рекордсмен мира или дебютант сборной, а личные амбиции надо упрятать подальше, задвинуть на дальний план. Главное — принести максимальную пользу команде, за которую в каждом виде выступает только один спортсмен — как говорится, без страховки. Сорвался, проиграл там, где все ждали победы, — и восполнить нанесенный команде урон будет некому. Ну а что уж говорить мне, капитану мужской сборной СССР? С капитана, лидера спрос особый.

Обе советские команды — и мужская, и женская — выступали в Лужниках уверенно. Пять всесоюзных рекордов было установлено за два дня.

Подробно рассказывать о борьбе в секторе для прыжков с шестом особого резона нет, так как не получилось и самой борьбы. Моего прыжка на 5.80 оказалось вполне достаточно, чтобы сделать максимально возможный взнос очков в командную копилку. Один сугубо личный нюанс в сугубо командных соревнованиях Кубка Европы все-таки существовал. Дело в том, что лужниковский сектор до сих пор был для меня несчастливым, словно заколдованным, приносил одни огорчения: проиграл здесь финал VIII летней Спартакиады народов СССР, турнир «Дружба-84», мемориал братьев Знаменских...

И теперь, покидая арену под аплодисменты объективной и доброжелательной публики, я загадал, что так должно быть и впредь.

Сбудется ли? Поживем — увидим.

Да, такого «безразмерного» сезона в легкой атлетике, какой выдался в 1985 году, что-то больше не при-

помню. Стартовал он ранней весной, в январе (Всемирные игры под крышей в Париже), а до финиша добежал только глухой осенью, в октябре, когда состоялись финальные соревнования на Кубок мира. Строго говоря, это была даже не осень, а новая весна, потому что турнир принимала Канберра, столица Австралии, где времена года, по нашим понятиям, «вверх ногами».

Сборная СССР прибыла сюда из Японии. Там, в Токио, двумя неделями раньше мы выиграли традиционную матчевую встречу у сборной США с убедительным счетом — 221:164. Правда, на сей раз матч формально был тройственный: в нем участвовали и хозяева, японские спортсмены. Но именно формально, потому что вмешаться в борьбу легкоатлетических «гигантов», как называют команды СССР и США, японцам оказалось явно не под силу. Шестовиков в секторе было шестеро. Но опять соревновались мы долго и с приключениями, обычными для такого занятия в дождливую погоду. Дождь висел пеленой над стадионом, который тем не менее был заполнен зрителями почти до отказа. Трибуны напоминали ярмарку знаменитых японских зонтиков самых разнообразных моделей, форм и расцветок. Я выиграл, остановившись на «скучной» по нынешним временам высоте 5.70, но что поделаешь — дождь...

И теперь предстоял последний старт года — в Канберре.

О Канберре говорят: тихая столица. Для нас это впечатление особенно усиливал резкий контраст с Токио. После невообразимой толчеи, многолюдья, спешки, бесконечных автомобильных пробок на токийских улицах, где собственные ноги не только не уступают, а зачастую обгоняют колеса, Канберра показалась спокойным провинциальным городком.

Географическая оторванность Австралии от остального «безумного мира» наложила отпечаток на ее жителей: они подчеркнута неторопливы, степенны, даже

чуточку флегматичны. Никто никуда не торопится, пребывая в полной убежденности, что успеет все равно.

Символом Кубка мира, его талисманом стал, разумеется, кенгуру. Точнее, забавный кенгуренок Коберра, весело смотревший из магазинных витрин, с афишных стендов, разноцветных маек, солнцезащитных шапочек, телевизионных экранов.

Легкая атлетика в Австралии традиционно популярна, хотя со времен Рона Кларка, знаменитого стайера шестидесятых годов, бывшего рекордсмена мира, атлеты этой страны ничем не блещут. Тем не менее тысячи зрителей заполнили стадион института спорта Канберры.

Наши команды — женская и мужская — сделали дубль, правда, лишь «серебряный», уступив американским атлетам и спортсменам ГДР, которые вели целенаправленную подготовку именно к Кубку мира, тогда как для большинства советских мастеров «час пик» уже остался позади.

Меня, правда, спад спортивной формы как-то обошел стороной: прыгнул на 5.85, опередив ближайшего соперника — им снова был Колле — сразу на четверть метра.

ВЫ МНЕ ПИСАЛИ...

...Я заметил его еще в самом начале тренировки, когда выходил из стадионного тоннеля на беговую дорожку. Одинокий зритель в пустынном кратере трибун как-то сразу бросается в глаза.

Он сидел высоко, примерно в районе тридцатого ряда, откуда вся арена как на ладони. Кто это, пытался угадать я, отмеряя разминочные круги по кирпично-красному овалу? Начинаящий шестовик? Болельщик из категории фанатов? Или просто удравший с лекции студент, не знающий куда себя деть?

Через два часа терпеливого ожидания, когда тренировка закончилась, он подошел и представился сам —

Володя. Действительно студент, но не прогульщик. Учится в Киевском политехническом институте, шеста в руках никогда не держал и вообще, если честно, к спорту равнодушен. Даже автограф рекордсмена мира ему не нужен.

А нужен ему мой совет. Вот на денек отпросился в своем деканате, ночь ехал в поезде, чтобы в тот же день сразу отправиться назад — и все исключительно ради одного: трудно ему в 22 года живется при росте всего 156 сантиметров, и он убежден, что только я один способен ему помочь. Каким образом? Оказывается, в одной солидной газете сообщалось, что Бубка тоже долго не рос, а потом сразу вымахал благодаря какой-то особой системе упражнений, которую сам для себя придумал.

Я вынужден был разочаровать Володю: никакой системы не существует, это не более чем досужая выдумка, и если по справедливости, то ее безответственный автор должен бы оплатить разорительный для студенческого кармана вояж.

Вспоминаю этот курьезный и немного грустный эпизод, когда получаю очередное письмо с просьбой поделиться какими-нибудь «секретами», которых у меня на поверку не оказывается. Пишут мне много. Пока бываешь в отъезде — на соревнованиях, тренировочных сборах, экзаменационной сессии в институте, — дома скапливаются солидные кипы писем. Как правило, через редакции молодежных и спортивных изданий, спорткомитеты или какими-то иными кружными путями они в конце концов попадают точно по назначению. Известный каждому школьнику чеховский герой, написавший однажды милому дедушке «на деревню» и наверняка оставшийся без ответа, мог бы позавидовать, увидев на моем столе послания, проштемпелеванные закордонными почтовыми ведомствами, с таким вот сверхкратким адресом: «СССР, Бубке». Удивительное дело: доходят!

Самые распространенные и бесхитростные просьбы,

упрятанные в разноцветных конвертах, — это просьбы прислать автограф. Деликатно освобождая меня от дополнительных хлопот, предусмотрительный болельщик прилагает обычно к письму чистую почтовую открытку с обратным адресом. Тут все до простого просто: расписываешься — и открытка ныряет в синий почтовый ящик, отправляясь в обратный путь.

Но есть письма, авторов которых не устраивает в качестве ответной реакции только легкий росчерк пера. Они ждут от меня большего. Подробно рассказывают о себе, своих спортивных увлечениях, победах и неудачах, порой делятся сокровенным, просят совета, задают вопросы.

Ответить всем моим корреспондентам персонально — задача абсолютно нереальная. Для этого мне пришлось бы надолго забросить тренировки. Поэтому я решил; насколько это удастся, удовлетворить любознательность многих авторов писем сейчас, на этих страницах. Естественно, что выбрал вопросы из числа повторяющихся в различных интерпретациях особенно часто.

«Что мне делать? Никак не могу найти общего языка со своим тренером, хотя вроде не вчера познакомились: второй год уже вместе. Я, поверьте, очень стараюсь ему угодить, однако он вечно недоволен, бесконечно попрекает, что медленно «расту», и это вынуждает меня постоянно носить в душе обиду, смятение, какой-то внутренний разлад!»

«...Расскажите, пожалуйста, по какому принципу строятся ваши взаимоотношения с тренером. Насколько строг он к вам? Случаются ли между вами размолвки, ссоры?»

Главный принцип людей, однажды заключивших добровольный союз на совместное творчество в спорте, может быть только один — взаимное доверие. Если этого нет (хотя пусть, как говорится, в наличии многое

другое: опыт, глубокие знания, одержимость в работе, с одной стороны, и отличные природные данные, готовность «пахать» на тренировках до седьмого пота — с другой) — нужно расстаться. И чем скорее, тем лучше.

Расскажу об одном печальном и вместе с тем поучительном случае, который произошел на моих глазах с одним моим другом.

Он занимается в нашей тренировочной группе, хотя ни разу в жизни не брал в руки шест. И никогда не возьмет, потому что у него другая спортивная специальность — прыжки в длину. Взять под опеку Сережу Лапко — речь идет о нем — уговорил Петрова я.

Возможно, что кто-то из дотошных любителей легкой атлетики помнит это имя. В начале 80-х годов Лапко ходил в подающих надежды, прыгал в длину за восьмиметровую отметку. Родом он из небольшого донбасского городка, где и начал заниматься спортом. Специалистам не мог не приглянуться рослый, сильный, хорошо координированный парень, и он получил приглашение в Донецк тренироваться у одного опытного и даже титулованного наставника. Казалось, что Сергея ждет большое и безоблачное спортивное будущее. Увы, так только казалось...

Когда мы познакомились с ним на одном из тренировочных сборов, Лапко рядом с другими атлетами вполне мог сойти за инвалида. Травмы одна за другой преследовали его с чудовищной неотвратимостью. Только подлечит спину — «летит» голеностоп, едва избавится с помощью врачей от мучительных болей в позвоночнике — из строя выходит колено... И так без конца и без края.

Главным виновником всех этих злоключений парня был вовсе не бесстрастный рок, а, к сожалению, тренер. Человек с гипертрофированным самомнением, не признающий добрых советов со стороны, он в погоне за скороспелым, сиюминутным успехом вынуждал спортсмена работать на износ. Форсируя подготовку во имя

его величества результата, тренер как раз и пренебрег принципом доверия к своему ученику, к его возможностям раскрыться сполна не к «заданному» сроку, а когда придет время.

Он торопился именно потому, что не верил в атлета и в конце концов сам лишился его доверия. Дело дошло до логического завершения — разрыва отношений. Правда, слишком позднего, о чем теперь остается только пожалеть. Вот Сергей и попросился к нам в группу, его привлекла прежде всего атмосфера добросердечности, не лишенная, впрочем, требовательности.

Когда мы познакомились с Петровым, мне было всего 10 лет, ему — 28. Ребенок, послушный и податливый, как пластилин, и взрослый, сложившийся уже человек с собственными взглядами на жизнь.

Я смотрел на него во все глаза, жадно ловил каждое слово. «Тренер сказал», «тренер велел», «тренер считает». Все это становилось законом. Повелительность воспринималась как должное, как само собой разумеющееся.

Мы были словно два сообщающихся сосуда, какие рисуют в учебниках по физике: все, чем обогащался он как спортивный педагог, должно было как можно быстрее «переливаться» в меня. Конечно, тогда я над этим не задумывался, и подобные сравнения в голову не приходили. Просто с доверчивостью, свойственной «нежному» возрасту, шагал по ступенькам спортивной и человеческой зрелости, которые освещались тренерскими знаниями, его интуицией, житейским опытом.

Но такая идиллия не могла продолжаться бесконечно. И Петров это отчетливо понимал. Я вырослел, и если бы он упорно продолжал видеть перед собой только исполнительного мальчика, со временем плохо пришлось бы нам обоим. Необходимо было перейти на другую волну взаимоотношений. Требовался качественно новый уровень доверия.

Момент такого перехода Петров в конце концов выбрал наиболее подходящий: мою неожиданную для всех (но только не для тренера) победу на первом чемпионате мира в 1983 году.

Вернувшись из Хельсинки домой и вновь оказавшись в тренировочном зале со всей нашей группой, я сразу уловил какую-то перемену. Подчеркнутое внимание на занятиях к другим ребятам и столь же подчеркнутое (так, по крайней мере, казалось) безразличие ко мне. Что это он? Решил меня приструнить, считает, что меня гордыня обуяла? Вскоре Виталий Афанасьевич все объяснил. Отношения, основанные на покорном, «слепом» послушании с моей стороны, больше его не устраивают. Нет-нет, порога требовательности Петров снижать не собирался. Но мне теперь предлагалось решать все спортивные проблемы с большей долей самостоятельности. Этот педагогический ход я воспринял поначалу с обидой. Еще бы! До сих пор шел, как шагают в затылок друг другу по глубокому снегу, след в след, легко и спокойно, а теперь предстояло самому торить целину. Ради чего?

Я здорово горячился, пытаюсь убедить Виталия Афанасьевича, что ничего, в сущности, не изменилось и ничего между нами не стоит ломать. Ну, выиграл чемпионат мира, а мог ведь и не выиграть. Вон все кругом только и твердят: повезло, выпала счастливая карта. А если б не выпала, тогда что?

— Но дело тут, пойми, не только в свалившемся на тебя чемпионстве, — говорил Петров. — Как шестовик ты способен на многое, и я убежден, что не заблуждаюсь. Только работать теперь будем иначе, и возврат к старому исключен. Ты стал совсем взрослым — это я вижу. И не боюсь уронить свой авторитет, признаваясь, что в чем-то ты уже обгоняешь тренера. Теперь мне нужно стараться, чтобы от тебя не отстать. Я постараюсь, а ты мне в этом поможешь. Чем? Более строгим, нежели раньше, отношением к нашему общему делу.

Помолчав с минутку, Виталий Афанасьевич улыбнулся и весело закончил:

— Как говорят на собраниях, так и запишем? Или найдутся другие мнения?

Других мнений не было.

Теперь о наших размолвках и ссорах. Конечно, без них не обходится. Мы ведь не роботы, настроенные на одну общую программу, — живые люди. Петров человек с повышенной возбудимостью, легкоранимый, даже чуточку мнительный. Я в этом смысле более «толстокожий», хотя тоже могу иногда «заводиться» с пол-оборота. Что-то ему пришлось не по вкусу, или что-то мне не понравилось — такое бывает. Злимся друг на друга по нескольку дней, играем в молчанку, а потом интерес к делу побеждает, опять приходит полное согласие.

«Мне 15 лет. Очень люблю легкую атлетику. Занимался, правда, без особых успехов, всем понемногу: прыжками в длину, бегом, метанием. Теперь, не без вашего влияния, хочу попробовать прыжки с шестом. Как полагаете, не поздно?»

«Моего сына-восьмиклассника отчислили из прыжковой секции как «неперспективного». Честно говоря, совсем не укладывается в сознании это понятие, отнесенное к человеку, еще не имеющему паспорта. А что вы думаете по этому поводу?»

Думаю, что «возрастной» вопрос — один из наиболее спорных и болезненных, имеет множество различных аспектов. Омоложение на наших глазах обретает прямо-таки тотальный характер, порой превращаясь, к сожалению, в самоцель.

Конечно, когда здорового, бреющегося по утрам верзилу пытаются выдать за члена детского клуба «Золотая шайба» или «Кожаный мяч», — это возмутительно. Когда тренер сознательно идет на подлог, «омолаживая» своего питомца путем исправлений в докумен-

тах; — это преступно и заслуживает сурового наказания. И наказывают — дисквалификациями, отлучением от спорта, газетными фельетонами.

Однако вот ведь какой парадокс: в погоне все за тем же «омоложением» чиновники от спорта подчас придумывают разного рода возрастные цензы там, где они излишни, а порой, на мой взгляд, просто нелепы. Могу привести десятки примеров, но ограничусь одним, показательным в полной мере.

Экс-рекордсмен мира в прыжках в высоту киевлянин Рудольф Поварницын, имея в активе результат экстра-класса — 2 метра 40 сантиметров, был лишен возможности выступить за команду своего города в легкоатлетическом турнире IX Спартакиады Украины. Оказывается, в 23 года он был для этого слишком «стар». И не он, повторяю, один...

Между прочим, легендарный Владимир Куц впервые надел беговые тапочки и вышел на дорожку именно в возрасте 23 лет. И принадлежит к числу считанных в мире атлетов, застывших теперь в победных усилиях перед взорами потомков в бронзе памятников.

Ладно еще легкая атлетика, гимнастика, плавание... Омоложение этих спортивных дисциплин, что называется, куда ни шло. Но 16-летний рекордсмен мира по тяжелой атлетике, на мой взгляд, явление аномальное. Как ни совершенна методика тренировок, природу все равно не обманешь.

Понимаю, что безвозвратно канули в Лету времена, когда Николай Георгиевич Озолин выигрывал звание чемпиона страны по прыжкам с шестом на пороге своего 45-летия. Сегодня это похоже на сказку, легенду, миф.

Но сегодня из секции восьмиклассника выставляют. А нужно ли так? Не через край ли это?

Рано или поздно — универсального рецепта на все случаи жизни нет и быть не может. Мне известно, например, что В. Трофименко начал прыгать с шестом только в 17-летнем возрасте. И оказалось, что не поздно:

он стал чемпионом Европы-78 в Праге. Другая знаменитость семидесятых годов — шведский прыгун Ч. Изакссон впервые появился в секторе 16-летним, а до этого под началом мамы-тренера занимался спортивной гимнастикой. Изакссон тоже успел немало: трижды бил мировые рекорды и, к слову сказать, был первым шестовиком, покорившим рубеж 5,50 метра.

В общем, очень многое зависит от индивидуальных качеств спортсмена. И не только чисто физических, дарованных природой или развитых тренировочной работой. Я имею также в виду и такие качества, необходимые каждому человеку, как умение трезво, объективно оценивать собственные возможности, реально видеть свою перспективу. Если она четко просматривается, если веришь в себя — надо непременно дерзать наперекор любым обстоятельствам. Ибо только так, в преодолении, можно чего-то достичь.

«...Занимаюсь прыжками с шестом давно. Особых высот не достиг, хотя мастерский норматив выполнил. Было бы очень интересно сравнить содержание моих тренировок с вашими. Расскажите о структуре, цикличности ваших занятий, как дозируются нагрузки...»

Подобных вопросов в моей почте особенно много, и я постараюсь ответить подробнее.

С чего начать? Наверное, с того, что жизнь шестовика, как, впрочем, любого спортсмена разделена на два периода: подготовительный и соревновательный. Первый сравним с закладкой фундамента строящегося здания — он должен быть прочным и надежным. Поэтому вполне естественно, что основное внимание уделяется здесь общефизической подготовке: на нее уходит примерно 60 процентов всего тренировочного времени. Еще 30 процентов отводятся специальной подготовке, а оставшиеся десять — технической, или, проще говоря, собственно прыжкам с шестом.

В скоростно-силовых видах спорта, каким является и наш, чаще всего придерживаются недельного тренировочного цикла. Три дня работы — день отдыха, потом еще два дня тренировок — и снова отдых. Такой режим, как считают его сторонники, наиболее полно соответствует естественным человеческим биоритмам. Организм-де настоятельно нуждается в разрядке после трех дней напряженной работы, а потом на исходе недели, в воскресенье. Как будто все логично. Однако...

Работая с нами много лет, Виталий Афанасьевич Петров пришел к выводу: накопленная за три первых дня цикла усталость при современных нагрузках, увы, сохраняется и после дня отдыха, в результате два последующих тренировочных дня проходят почти впустую, ничего не дают. И наш тренер предложил вместо недельного иной цикл — четырехдневный. Его преимущество особенно наглядно проявляется в разгар сезона, когда за короткий срок, в промежутках между соревнованиями, удастся, как по спирали, наращивать функциональные возможности организма и одновременно полностью восстанавливаться к следующему старту.

Вот примерное содержание такого цикла в соревновательном периоде.

Первый день. Разминочный бег — 1200 метров отрезками. Гимнастические упражнения на растягивание мышц — и снова бег: прыжками, с высоким подниманием бедра, захлестом голени — тут чем больше вариантов, тем лучше, тем интереснее работать. Подготовленным таким образом можно перейти к штанге. Вес снаряда — 80 килограммов. Делаю с ним прыжки на стопах, полуприседы с выпрыгиванием, тяги из-за головы — три серии по шесть раз. После упражнений для брюшного пресса и мышц спины необходимо, как мы говорим, забегать всю эту нагрузку: четыре отрезка по сто метров.

Суть первого дня цикла заключается в том, чтобы тонизировать каждую мышцу, подготовить ее к безотказной технической работе на завтра.

Второй день начинается интенсивной утренней разминкой и завершается технической тренировкой вечером. С короткого разбега — 4—6 шагов — я делаю сначала с десяток «входов» на прямом шесте, который держу за середину. Так отрабатываются отдельные детали упражнения. Ну а потом — прыжки с полной выкладкой. Полтора-два десятка попыток на высотах, близких к рекордным. На это уходит часа три, потому что главный упор в нашей работе Петров делает не на количество прыжков, а их качество, отточенность.

После шеста снова беговая работа: отрезки по 100 или 200 метров на время.

Третий день. Утром два с половиной часа проводим в гимнастическом зале. Присмотревшись внимательно к нашим прыжкам, особенно на телеповторах, легко заметить очень много общего с движениями гимнаста, скажем, на перекладине или кольцах...

Вот уже несколько лет с нами по просьбе Петрова специально занимается заслуженный тренер Украинской ССР, специалист по спортивной гимнастике Александр Петрович Соломахин.

Что касается вечерней тренировки, то она включает беговые и прыжковые упражнения, занятия со штангой, хотя и в меньшем объеме, нежели в первый, ударный день цикла. И опять все заканчивается бегом на короткое — 100—200 метров — отрезки.

Наконец, четвертый день — самый простой и, не скрою, самый желанный: массаж, парная, бассейн. Накопившуюся усталость снимает как рукой.

Должен сказать, что нагрузки соревновательного периода, о котором шла речь до сих пор, не идут ни в какое сравнение с тем объемом тренировочной работы, который приходится выполнять в подготовительном периоде: с октября по декабрь и с марта по май. Вот уж когда достается!

Приходишь, бывает, вечером домой, друзья звонят, в кино предлагают сходить, в гости зовут — какое там...

Сил хватает только до ванной комнаты добраться да потом до постели. В спорте давно не новичок, но до сих пор, если честно признаться, в такие дни мысли в голову лезут, не бросить ли все это и жить как нормальные люди. Особенно трудно бывает вначале — недели три, пока втянешься после отдыха в тренировочный ритм, пока мышцы вновь привыкнут к работе. Потом становится легче. И даже чувство удовлетворения приходит от сознания того, что не поддался минутной слабости, не спасовал.

Кажется, Ромен Роллан говорил, что в искусстве пельзя победить навсегда, в искусстве надо побеждать каждый день. Так и в спорте: если хочешь чего-то стоить — умей прежде всего побеждать самого себя. Побеждать ежедневно, без праздников и выходных.

Итак, из чего же состоит примерный тренировочный цикл в подготовительном периоде?

Первый день. Утреннее занятие начинается с бега на время. Три отрезка по 1000 метров с пятиминутным отдыхом, который на самом деле вовсе не отдых, а интенсивное разогревание различных групп мышц. При этом необходимо выполнять одно тренерское условие: каждый следующий километр преодолевать на 30 секунд быстрее, чем предыдущий. Потом идут специальные упражнения: махи и прыжки на барьерах, прыжки в шаге, на одной или двух ногах, с подтягиванием коленей и т. д. — всего 300—400 повторов. Завершают утреннюю программу пять стометровок с шестом в руках.

Вечером после получаса зазорной игры в футбол или баскетбол берусь за гриф штанги. Если суммировать «вес» упражнений, выполненных со снарядом за одно занятие, то получится 3—4 тонны. Венчают дело, как правило, две-три пробежки по 150—200 метров.

Второй день. После обычной разминки — специальные и беговые упражнения, а также силовая гимнастика. Она включает такие упражнения, как перево-

рот в упор на канате с привязанным к поясу отягощением — 5—10-килограммовым блином от штанги.

Вечером, после прыжковой работы, со стадиона сразу же ухожу. Необходимо еще побегать с шестом, на конце которого закреплен килограммовый груз. Суть испытания в том, чтобы сохранить нормальный ритм и рисунок разбега, преодолевая тягу шеста вперед.

Третий день цикла по объему и содержанию может быть равнозначен первому. А четвертый — отдых, восстановительные мероприятия.

Нагрузки, повторяю, очень высокие, выматывают до предела. Однако принцип «умри, но сделай» Петрову неведом. Улавливая самочувствие каждого своего ученика, он не возводит в догму, в абсолют объемы тренировочной работы.

«Много раз видел ваши прыжки по телевизору, на кинограммах, но все нюансы техники уловить до конца никак не удастся. Буду очень признателен, если придете на помощь собрату-шестовику, у которого техника как раз и «хромает»...»

Что ж, давайте займемся «анатомией» прыжка: остановимся на каждом элементе в отдельности, не забывая, однако, что речь идет о целом упражнении, удивительно гармоничном, на мой взгляд, в котором нет главного или второстепенного — важна каждая деталь.

1. Держание шеста. Основной критерий тут простой — должно быть удобно. Как, например, определить оптимальную для вас ширину захвата на шесте? Очень просто: нужно сделать на перекладине мах-перелет, и расстояние между кистями станет ответом на вопрос. Если вам удобно висеть так на турнике, то столь же удобно — не сомневайтесь, проверено — будете чувствовать себя и с шестом. При таком захвате в момент исходного положения, в начале разбега, правая рука расположена у правого бедра и чуть касается его, а левая

кисть находится на уровне груди на расстоянии 10 сантиметров от туловища. Свободное, раскрепощенное держание шеста дает возможность тренеру строго контролировать осанку прыгуна с самого начала разбега.

2. Разбег и постановка шеста. Это единый, неделимый элемент, и ни в коем случае не нужно думать, что постановка шеста начинается непосредственно перед ящиком упора. Это будет серьезной ошибкой.

Длина разбега зависит от того, как быстро прыгун может набрать максимальную скорость. Мне, например, для этого требуется, как правило, 20 беговых шагов — или 40—42 метра. Важно, чтобы при достижении наивысшей скорости длина шагов была постоянной, а сам разбег — равноускоренным. Весь его ритм у меня подчинен плавности — набора скорости и опускания шеста.

Если в начале разбега шест, находясь в вертикальном положении, давит своим весом в основном только на правую руку, то по ходу разбега основная тяжесть постепенно перемещается на левую. Когда снаряд наконец принимает горизонтальное положение, синхронная работа обеих рук обеспечивает мягкий посыл снаряда в ящик для упора — без рывков, без «лихорадки», то есть без потерь мощности.

Создается впечатление, будто я не делаю вовсе перевода шеста в упор, а как бы сразу «вбегаю» в отталкивание. В том и секрет. Упростив один из сложнейших элементов — перевод шеста, мы с тренером избежали некоторых потерь скорости, что дало возможность сделать отталкивание более быстрым и мощным. «Шестовик рождается на последних метрах разбега, — считает Петров. — Кто не поймет этого, тот никогда не станет прыгуном высокого класса».

Могу добавить из собственных ощущений: если последние шаги выполняются правильно, то прыжок неизменно получается удачным.

3. Постановка шеста в упор. Ключевой момент в пере-

ходе от разбега к собственно прыжку — «поиск» места отталкивания, которое должно находиться строго под хватом левой руки. У меня этот хват равен 4 метрам 25 сантиметрам, что соответствует расстоянию от задней стенки ящика упора до места постановки толчковой ноги.

4. Отталкивание. Наиболее типичная ошибка, которую на этой «взрывной» стадии прыжка совершают не только начинающие, но и зрелые атлеты, — это стремление как можно сильнее загнуть шест. Ни в коем случае не нужно это делать! Иначе прыжок получится нединамичным, затухающим по ритму. Если все предшествующие элементы упражнения выполнены грамотно, технически безупречно, то и шест сам в руках сработает как положено, без дополнительного усилия.

5. Взмах-переворот. Самая скоротечная и, видимо, самая зрелищная часть прыжка. Напоминает цирковой номер — эквилибр на перше. Вис на шесте, мах, группировка, разгибание, подтягивание, отжимание — и на все это уходит у меня чуть больше секунды. Точнее, 1,20—1,25 секунды. Силовая и гимнастическая подготовка обретают здесь решающее значение. Энергия разгибающегося шеста, помноженная на скорость взлета и силу мышц спортсмена, возносит его над планкой...

6. Переход планки и приземление. Успех заключительного этапа, а стало быть, и всего прыжка в значительной мере зависит от того, насколько шестовик «чувствует» планку, даже не видя ее, насколько точно ощущает свое положение по отношению к ней. Это чувство полета гарантирует правильную работу ног и рук в воздухе. Приземление в поролоновую яму никакого труда, по-моему, не составляет. Нужно только позаботиться о группировке в воздухе с таким расчетом, чтобы падение пришлось на спину. Особые затруднения случаются, когда сбитая планка падает на маты раньше прыгуна. Нужно избегать падения на нее: это чревато травмами.

«...Спортивный режим для меня — как пытка. То — нельзя, это — исключено... А я, между прочим, курю — конечно, тайком от тренера. И ничего: прыгаю, даже призы иногда беру».

Что тут сказать?.. Французский шестовик Виньерон тоже курит. И не «между прочим», а между попытками в соревнованиях. Дымит прямо в секторе, не стесняясь ни тренера, ни соперников, ни нацеленных на него телекамер. Я как-то не выдержал, спросил у Тьерри: «Зачем тебе это нужно?» Он пожал плечами: «Привычка. Нервы успокаивает».

Сколько сантиметров отнимает у талантливого прыгуна дань вредной привычке, судить не берусь. Но в том, что отнимает, убежден.

Нет, я не собираюсь сейчас абстрактно рассуждать о вреде курения или, того хуже, хмельных застолий для спортсмена: тут настолько все очевидно, что любое «исключение» способно лишь подтвердить правило. Самому мне вкус табака или водки неведом — и ничего, «ущербным» себя не чувствую.

Но в одном целиком и полностью согласен с автором письма: спортивный режим действительно вещь беспощадная, за любые отклонения рано или поздно, но мстит очень сурово. Можно, видимо, прыгать и с сигаретой в зубах. Только как высоко и как долго — вот ведь вопрос...

Расскажу еще одну поучительную, взятую из жизни историю.

В ворошиловградском манеже «Динамо», где для меня все начиналось когда-то, в одно время с нами нередко тренировались юные бегуны, спринтеры. Среди них выделялся шустрый, заводной, с веселым характером паренек Витя Б. Легкость, с которой он оставлял за спиной на финише других, зачастую старших по возрасту, ребят, свидетельствовала о незаурядных способ-

постях. Его называли «вторым Борзовым», ему многое прочили на беговой дорожке. А потом...

«Вериги» режима вдруг почудились широкой натуре Виктора слишком тесными и не слишком обязательными. Круг своих знакомых он поспешил расширить исключительно за счет юных бездельников, «прожигателей» жизни. Нежелание держать себя в рамках обернулось распушенностью, а она — неблагоприятным поступком. Дисквалификация, вывод из сборной.

Потом, к счастью, как будто опомнился, взялся за ум, вернулся на дорожку. Однако, пока боролся с соблазнами, собственными слабостями, сколько времени было даром упущено. И растраченного по пустякам не вернешь.

Да, большой спорт требует от человека порой полного самоотречения, каждодневного умения между соблазнительным, размягчающим волю «хочу» и жестким, неуступчивым «надо» делать выбор только в пользу последнего — надо! И это, в чем я искренне убежден, вполне разумная и справедливая плата за счастливую возможность взглянуть на мир с высоты пьедестала почета. Взглянуть и убедиться: как он прекрасен, когда наполнен радостью преодоления!

«...Вы меня не знаете, но я тоже увлекаюсь прыжками с шестом и хочу, чтобы когда-нибудь вы обо мне прочли в газетах или услышали по телевизору. Какие качества нужны человеку, который твердо решил стать чемпионом? Обязательно ответьте, я очень надеюсь и жду...»

Согласитесь, что первое «чемпионское» качество, именуемое честолюбием, в авторе этого письма, написанного аккуратным ученическим почерком и без ошибок, явно проглядывается. И это уже хорошо. Все остальное может прийти со временем. Что именно?

Тут я, пожалуй, прибегну к авторитетному мнению Ричарда Ганзлена — видного американского тренера и ученого, о котором уже упоминалось в этой книге. Ганзлен сформулировал полтора десятка важнейших «правил поведения» спортсмена, неукоснительно выполняя которые, по-моему, просто невозможно не стать чемпионом. Он их так и назвал «Как быть чемпионом». Адресованы рекомендации в первую очередь шестовикам, однако, читая их, легко убеждаешься, что они полезны для всех.

Вот они:

1. Постоянно отличайся уверенностью в себе, но не будь человеком, который не любит других спортсменов.

2. Постоянно помогай своим соперникам. В конце концов вы сможете стать друзьями.

3. Учись, учись, учись!

4. Спрашивай любого, с кем встречаешься, о его технике, как он тренируется.

5. Соревнуйся так часто, как возможно. Это необходимо для приобретения опыта.

6. Не позволяй себе думать о втором месте. Ты пришел, чтобы победить.

7. Установи для себя конкретную цель, если думаешь, что она реальна. Для человека, который верит, нет невозможного.

8. Будь решительным независимо от состояния спортивной формы, снаряжения и условий соревнований.

9. Ответственность за неудачи всегда бери на себя. Изучай каждую ошибку гораздо внимательнее, чем успех. Если победил, ничего не изучай.

10. На соревнованиях постоянно следи за своими эмоциями. Они могут разрушить координацию и ритмический стереотип.

11. Постоянно оставайся самокритичным, объективным, открытым человеком.

12. Не надо пить и курить. Настоящий чемпион никогда не будет этого делать. Пусть курят другие.

13. Обсуждая с тренером актуальные для вас темы, положись на него, и это поможет вам разрешить трудности.

14. Изучай физиологию тренировки, психологию соперников, постоянно экспериментировуй.

15. Когда тебе уже ничего не может помочь, попроси, чтобы хороший спортсмен помог в рекордном прыжке. Используй все свои силы.

«Слышал, что иногда во время соревнований или тренировок у прыгунов ломаются шесты. Наверное, это очень опасно и страшно...»

По-моему, страхи на сей счет сильно преувеличены. Вот в одном спортивном журнале попала на глаза такая строчка: «Некоторые после падений боятся взять в руки шест».

Что тут скажешь? Не доводилось мне встречать прыгуна, который бы навсегда покинул стадион только потому, что у него сломался шест. Меня самого снаряд тоже подводил несколько раз, однако, поверьте, уже на следующий день об этом как-то забывалось.

Надо быть предельно внимательным, внутренне собранным, психологически готовым к любым сюрпризам, которые могут таиться в борьбе с высотой, — это неписанные правила нашей «игры». Мы знаем, на что идем. Кроме того, надежной защитой от «нештатных», как говорят летчики, ситуаций прыгуну служит его акробатическая подготовка, без которой он вообще не посмеет появиться в секторе. В частности, когда ломается упругий фибергласовый шест, атлет, продолжая начатое движение в воздухе, делает сальто в группировке и приземляется. Только и всего.

«Каждое утро делаю зарядку, отмеряю по аллеям парка в любую погоду «свои» пять километров, но среди сослуживцев считаюсь человеком от спорта далеким:

«болеть» на стадион не хожу. Когда передают футбол, не говоря уже о легкой атлетике или каких-нибудь лыжных гонках, выключаю телевизор без особого сожаления. Физкультура действительно служит благородным целям оздоровления людей, повышения их творческой активности, но спорт... Никак не могу понять природу ажиотажа, которым сопровождаются рекорды, в том числе и ваши. Ну, допустим, вы прыгнете еще на 5 или 10 сантиметров выше — и что? Неужели это так важно для человечества?»

Подобный вопрос однажды был задан моему знаменитому земляку, дважды Герою Социалистического Труда шахтеру Ивану Ивановичу Стрельченко. И ответил он на него со страниц «Советского спорта», по-моему, замечательно:

«Считаю, что физкультура и спорт взаимосвязаны, как корни и крона одного дерева, — сказал Стрельченко. — Физкультура просто так, для здоровья, не связанная со спортом, по-моему, может дать человеку лишь половину того, что ему необходимо. Я имею в виду ценности по-настоящему социальные: благородство, уважение к сопернику, умение подчинить себя достижению поставленной цели, которые дает спорт.

Что же касается спортивных рекордов, то они мне видятся явлениями одного ряда с высшими трудовыми достижениями. В любой сфере человеческой деятельности первым идет самый сильный и дерзкий — он торит и озаряет примером дорогу другим. Вспомните, как за легендарным Алексеем Стахановым, шахтерским рекордсменом в тридцатые годы, пошли миллионы. Потому что для них его рекорд, если хотите, стал приглашением к подвигу.

Так и в спорте. Уважаю атлетов, которые годами упорных тренировок оплачивают право быть сильнее, быстрее, выше всех...»

Рекорд как приглашение к подвигу... Выразительное

определение! В нем слышится тяга людей к постижению беспредельности своих возможностей, а разве не в этом заключена суть совершенства?

Конечно, для человечества неважно, прыгнет Бубка еще на 5—10 сантиметров выше или не прыгнет. Но чтобы кто-нибудь прыгнул, покорил очередную высоту — важно.

Потому что погасить нашу устремленность к рекордам было бы равнозначно попытке остановить пытлившую мысль, которая стремится проникнуть все дальше, в глубь еще неизведанного, непознанного.

«В спортивной жизни такое встречается, согласитесь, нечасто: одним из главных ваших конкурентов в секторе стал родной брат. Знаю, что Василий по возрасту старше и тем не менее всегда вам проигрывает. Любопытно, как он к этому относится, не ревнует ли к достижениям младшего брата, не завидует ли громким титулам? Расскажите, как строятся ваши взаимоотношения, когда соревнуетесь вместе...»

Ревнует? Завидует? Лучше, конечно, спросить об этом у Васи, но я заранее, без риска ошибиться, знаю его ответ: нет! Он слишком самолюбив, чтобы кому бы то ни было завидовать. Мне кажется, впрочем, что тут мы с ним абсолютно одинаковы, как и положено братьям.

Вместе нам выступать легче, чем поодиночке: смотрим разбеги, подмечаем технические погрешности (со стороны они виднее)...

Словом, помогаем, поддерживаем друг друга. И в то же время остаемся соперниками, оба сражаемся за победу до конца, оба не любим уступать. Как говорится, прыжки — вместе, но медали — врозь.

Насчет того, что Вася «всегда проигрывает», — заблуждение. Он, например, победил меня на открытом зимнем чемпионате Великобритании в 1985 году, а через

несколько месяцев в Праге едва не отнял у меня мировой рекорд. Планка на высоте 5.95 после прыжка Василия долго вибрировала на стойках и все-таки упала... По итогам того сезона у него был второй результат в стране (5.85), титул чемпиона Советского Союза, и недооценивать такого соперника с моей стороны было бы просто глупо.

«Вы многого достигли в спорте. Но интересно было бы узнать, насколько видны с покоренных вами вершин насущные проблемы массового физкультурного движения. Что больше всего вас волнует, беспокоит, тревожит (если, конечно, волнует вообще)?»

Стараюсь исходить из простого и ясного убеждения: на какие бы высокие пьедесталы ни возносила нас судьба, мы всегда обязаны помнить об истоках. Они ведь почти у всех одинаковые: площадка во дворе под окнами школы, а то и вовсе пустырь с двумя потрепанными портфелями вместо футбольных ворот.

Замечаю теперь, что пустырей в городах становится все меньше и меньше — они идут под застройку. Однако и спортивных площадок для детворы не очень-то прибавляется. Это огорчает. Дом без крыши у строителей никто не примет, а микрорайон, не обустроенный простейшими спортооружениями, — такое встречается сплошь и рядом.

Судьба дворового, детского спорта в значительной мере зависит от комсомольской инициативы, заинтересованности, энтузиазма. Одними только ДЮСШ задачу физического воспитания подрастающего поколения не решить. Необходимы подростковые клубы по месту жительства, построенные на молодежных субботниках и воскресниках волейбольные площадки, теннисные корты, хоккейные «коробки».

На словах вроде бы все с этим согласны, но когда доходит до дела... Ведь как бывает порой? Объявляется,

скажем, в городе или области комсомольская трехлетка строительства простейших спортивных объектов. Объявляется громко, во всеуслышание. А приходит пора подвести итоги — стыдливо молчат. Потому что выясняется: почти все задуманное так и осталось на бумаге.

Подобные расхождения между словом и делом в комсомоле необходимо решительно изживать. В конце концов воспитание молодежи закаленной, физически крепкой, готовой к самопожертвованному труду на благо Отчизны и, если потребуется, к ее защите с оружием в руках, — все это вовсе не благие пожелания, а одно из требований Устава ВЛКСМ.

Нехватка добротной спортивной формы, обуви, инвентаря — тоже серьезный тормоз на пути массового спорта. Причем дефицит кроссовок, нарядных костюмов, маек возмущает не только тем, что искусственно сдерживает рост рядов физкультурников. Он еще порождает невольно у некоторой части молодежи психологию вещиизма, нелепого поклонения перед футболкой «с чужого плеча», шиповкой «с чужой ноги». Клеймо «made in...», тиснутое там, где ему и положено быть, — на подошве, способно, к сожалению, оставить подчас отпечаток и в юной, незрелой душе. Об этом тоже не следует забывать, размышляя о насущных проблемах массового спорта.

«Своими рекордами вы в какой-то степени разучили нас удивляться. И все же утверждение, содержащееся в одном интервью, будто ваш «потолок» находится на высотах 6.20—6.30, выглядит, простите, сомнительным. Может, здесь что-то напутали? Неужели вы так говорили?»

Говорил и не боюсь повторить: если дальше все пойдет, как мы с Петровым задумали, то вполне можно достичь таких рубежей. Исходим из простой логики: чем выше поднимается человек в любой сфере деятельности, тем более широкие горизонты перед ним открываются.

Сидя на дереве, не увидишь того, что можно заметить с пожарной каланчи, но она, в свою очередь, не даст такого обзора, как Останкинская телебашня.

Так и с познанием своих возможностей. Чем выше поднимаешься, тем глубже их постигаешь.

Главная трудность заключается в том, чтобы сполна реализовать имеющиеся резервы. Это удастся не всем и далеко не всегда. Скажем, прыгун-высотник В. Яценко, мелькнувший несколько лет назад на спортивном небосклоне ярчайшим метеором, был «заряжен», по моему глубокому убеждению, на результат порядка 2 метров 45 сантиметров, однако ему помешали травмы. Что-то не позволило раскрыться до конца и недюжинному таланту шестовика В. Трофименко... К сожалению, такое в спорте не редкость, и обезопасить себя от невзгод не может никто. Но верить в свою мечту — нужно.

На что конкретно рассчитываем мы с тренером, приходясь к высотам, которые сегодня кому-то кажутся «сомнительными»? На дальнейшее повышение хвата (до 5.20 м—5.25 м), совершенствование техники прыжка, повышение уровня гимнастической подготовки. Ну и, конечно, надеемся, что удача тоже от нас не отвернется; будет нашим союзником. Без веры в удачу нам никак невозможно.

«Одна швейцарская газета летом 1985 года восторженно писала, что прыжком на 6 метров «Бубка открыл занавес в новое столетие». Людям свойственно мечтать, заглядывать в будущее. Каким оно видится вам в легкой атлетике и, в частности, в прыжках с шестом?»

Итак, что век грядущий нам готовит?

Реальность подчас опережает самую смелую фантазию. Бросок копья Уве Хона на 104 метра 80 сантиметров заставляет утяжелить снаряд или, по крайней мере, сместить у него центр тяжести с таким расчетом, чтобы

копьеметатели могли соревноваться на стадионах, а не ушли на безлюдные пустыри.

Нечто похожее происходит и у «молотобойцев». Когда-то, добиваясь высокой «летности» своего тяжелого шара, они добавили в сплав вольфрам, а в 1980 году... укоротили ручку снаряда, преследуя прямо противоположную цель: уменьшить дальность броска, которая становилась небезопасной для зрителей. Но это мало помогло. Метатели все вернули на круги своя. Наверное, теперь этот снаряд утяжелят.

Как я уже говорил, рост результатов у шестовиков всегда находился в прямой зависимости от их «вооруженности», свойств и физических характеристик шестов. Скажем, сравнивать возможности фибергласа и передавшего ему эстафету металла — примерно то же самое, что сопоставлять современный скоростной автомобиль с конной тягой.

Не люблю прогнозировать, однако почти уверен: шестов из принципиально новых материалов к началу следующего столетия в нашем арсенале не предвидится. Модификации существующих, конечно, неизбежны, вполне вероятно потеря в весе шеста, но это все. Остальное будет зависеть от самих спортсменов и тренеров. И только исходя из этого, можно предсказывать «погоду на завтра» в прыжках с шестом.

В последнее время это пытаются делать многие. Так, например, расчеты советских ученых, основанные на методах математической статистики, «гарантируют» лучшему шестовику 1990 года прыжок на 6.08. Как говорится, ни больше ни меньше. Математики любят точность.

Чуточку оптимистичнее выглядят обнародованные в 1984 году выкладки специалистов Всесоюзного научно-исследовательского института физической культуры: результат 6 метров 10 сантиметров, как они предполагают, будет зафиксирован уже в олимпийском сезоне 1988 года.

На фоне этих, хотя и несколько разноречивых, однако вполне, как мне кажется, правдоподобных прогнозов сенсационно воспринимаются утверждения итальянского легкоатлетического журнала, опубликованные летом 1985 года. С обязательной по нынешним временам ссылкой на компьютер сообщалось буквально следующее: «Мировой рекорд в прыжках с шестом запоздал как в отношении своего логического развития в карьере Бубки, так и в отношении самого себя». К исходу 1985 года, продолжал настаивать журнал, прыгуны имели все возможности достичь 6 метров 13 сантиметров, однако с учетом якобы допущенного ранее отставания авторов сверхсмелого прогноза «устроил бы» и прыжок на 6 метров 07 сантиметров.

6.08... 6.10... 6.13... Кто больше?

Ближе всех к истине, по-моему, оказался профессор Кентуккского университета (США) Эрнст Йокль, который предпочел не оперировать рискованными абсолютными цифрами роста результатов. Еще в 1974 году он пришел к выводу, что наиболее полное использование спортсменами своего потенциала могло бы дать улучшение рекордов в легкой атлетике до 2000 года на 15 и более процентов.

Что касается шестовиков, то мы, похоже, действительно пока укладываемся в график профессора Йокля: рекорд мира вырос более чем на 6 процентов, и еще, как говорится, не вечер.

Какие же факторы способны обеспечить дальнейший рост результатов в нашем виде спорта? Где спрятаны резервные возможности прыгунов?

Прежде всего необходимы дальнейший подъем хвата на шесте, а также увеличение разности между собственным весом прыгуна и жесткостью снаряда. А это, в свою очередь, предъявляет повышенные требования к скоростной и силовой подготовке прыгуна. Наш вид спорта по природе своей синтетический, и получается, что находится в жесткой зависимости от прогресса «состав-

ляющих» его дисциплин. В первую очередь от спринта. Ведь вертикально взлетать, полагаясь лишь на взрывную силу мышц, человек никогда не научится. Ему обязательно нужен разбег.

Помните хрестоматийную формулу прыжка с шестом — «техника, скорость, сила»? Скорость в ней — коренное звено. Шестовикам предстоит упорно искать резервы ее повышения. В конечном счете это и есть самый прямой и надежный путь к манящим вершинам завтрашнего дня.

Думаю, что результаты олимпийцев 2000 года будут находиться в пределах 6.20—6.30. При условии, что среди них не появится спортсмен-уникум.

Каким он мне представляется, идеал шестовика будущего? Личностью, которую без всяких натяжек можно назвать гармонично развитой. С острым, пытливым, если хотите, инженерным умом, способным выдающийся результат сначала смоделировать, просчитать, исходя из реальной оценки собственных возможностей. А они у него замечательные! Стометровку бежит, как Борзов, прыгает в длину, как Бимон, штангу в два собственных веса вырывает играючи, тренеры по гимнастике искренне убеждены, что быть ему непременно украшением помоста, если вдруг «изменит» шесту.

А он сфокусирует, словно в увеличительном стекле, все свои лучшие качества и выдаст такие прыжки, покажет такие полеты!...

Первые чемпионы и рекордсмены грядущего века, между прочим, уже живут где-то рядом с нами, наверное, ходят сейчас в детский сад. Пройдет еще несколько лет — и, сами того не подозревая, они начнут восхождение к своим пьедесталам. Прогресс в спорте неудержим и бесконечен.

13 ИЮЛЯ 1985 ГОДА

(Хроника того дня)

...Итак, теперь мой выход. Соперники установили начальный ориентир — 5.70. Еще и двух лет не минуло с тех пор, как именно эта высота принесла мне звание лучшего шестовика планеты. И вот теперь этот, некогда победный пик лишь начальная точка отсчета.

Привычно ощущаю, как колыхается в такт разбегу шест, как тело послушно ввинчивается в воздух и где-то там, далеко внизу, остается неподвижной полосатая планка.

— Вот с таким куском взял! — кто-то из наших разводит руками с щедростью рыбака.

Подходят судья и переводчик:

— Какую следующую высоту поставить?

— Пять девяносто шесть, — отвечаю.

Вообще-то 5.95 — тоже выше рекорда мира, но я уже трижды неудачно соревновался на такой высоте, какая-то она заколдованная, и больше искушать судьбу не хочу.

«Стоп! — говорю себе, натягивая костюм. — Что-то ты, братец, мелочным стал. Сантиметрики считаешь, хотя ЭТА высота — вот она, рядом. Может, испугался? Нет. Тогда чего ты тянешь? Прыгай! Прыгай сейчас, пока еще полон сил и азарта».

Направляюсь решительным шагом к тенту, под которым спрятались судьи. Поднимаю вверх, растопырив, вымазанную в липком

клеоле ладонь правой руки и рядом — большой палец левой. Жест, понятный без перевода.

Когда на поворотном табло появились цифры 6.00, поймал во взглядах соперников, уже выбывших из игры, но не успевших покинуть сектор, изумление вперемешку с недоверием. Саша Крупский потом рассказывал, что стоявший неподалеку Олсон сказал: «Если Бубка сейчас прыгнет, я уйду играть в гольф».

В книжках иногда представляют дело так, что человек в момент испытания, требующего наивысшего напряжения физических и духовных сил, непременно ударяется в воспоминания. Вспоминают, как правило, отчий дом, босоное детство, первых учителей-наставников.

Меня потом журналисты не раз спрашивали, о чем я думал, когда пошел на штурм ЭТОЙ высоты. И разочарованно, по-моему, захлопывали блокноты, выключали диктофоны. Потому что «красивого» ответа не получалось. О чем думал? Пожалуйста: думал о том, чтобы не ошибиться с разбегом, точно попасть на место отталкивания, сделать четкий «вход», вытянуться на шесте в струнку вниз головой, перебросить тело через планку... Если бы я думал о чем-то ином, более «вышешном», то не видать мне ни ЭТОЙ, ни других высот.

...По тому, как напряженно затих стадион, было ясно, что он желает мне удачи. В тишине отчетливо слышу дробь собственных шагов на дорожке. Первый шаг... пятый... двадцатый... Мой обычный разбег — двадцать длинных шагов. На пути к яме нужно не только набрать

максимальную скорость, но и перевести ее в шест. Сделать полет продолжением разбега.

Сношу планку в первой попытке, как в заурядном тренировочном прыжке. Допустил элементарную оплошность: передал шест, не дал сполна раскрыться его катапультирующим качествам.

Со стороны, наверное, выглядел настолько беспомощным, что кое-кто из зрителей посчитал, как видно, всю эту затею авантюрой. Начали посвистывать — как футболисту, не забившему верный гол. Да и сам я готов себя освистать за бездарный прыжок. Но не сейчас — потом. Пока я не выиграл, но и не проиграл.

...Ну вот, это уже на что-то похоже. Вторая попытка получилась обещающей. И зрителей она «завела». Взлетел хорошо с запасом, да только в нужную траекторию не вписался: апогея достиг перед планкой, а на нее пошел, уже снижаясь, и задел животом. (Я как-то прикинул, и вышло, что в среднем за сезон совершаю — на тренировках и в соревнованиях — примерно тысячу прыжков в общей сложности. И только процентов пятнадцать из них получаются «чистыми», без касания планки или резинки.)

«Пока есть попытка — ты не проиграл» — так написано на обложке моего дневника. Получается, что это мой девиз. Теперь самое время подтвердить его делом.

Снова поднимется белый судейский флажок: «Можно!»

Долго стою на старте, как обычно, рисуя в уме будущий прыжок.

«Пора!» Как раз какой-то беговой финал

проходил, стадион очень бурно реагировал, и под этот шум я начал разбег...

Победителей строго судить не принято, тем более что шесть метров есть шесть метров, несколькими поколениям шестовиков грезилась ЭТА высота. И все же буду откровенен: сам прыжок, ознаменовавший начало новой эры в нашем виде легкой атлетики, не показался мне примечательным. Обычным он вышел. Даже немного корявым. Прежние рекорды в момент их рождения пробуждали во мне больший всплеск радости, торжества.

Не подумайте, что кокетничаю, нет. Честно рассказываю о том, что испытал 13 июля 1985 года в 18 часов 44 минуты по парижскому времени на стадионе имени Жана Буэна.

Спустя две недели, вернувшись домой, обнаружил в ворохе поздравлений любопытное письмо-реакцию на «космический» рекорд: «Браво, Сергей! — писала студентка из Новосибирска. — Однако теперь подумайте, что вы наделали?! Осуществив давнюю мечту, вы одним прыжком... отняли ее у себя и всех нас. Мечты больше нет — она стала реальностью. Все-таки грустно, когда исчезает, растворяется само ожидание чуда...»

Человек я по натуре не сентиментальный и все же в этом послании уловил нечто от собственных, правда, неосознанных ощущений на стадионе имени Жана Буэна. Запомнил снимок в газете, сделанный там: позирую репортерам на фоне табло с цифрами 6.00, а лицо — серьезное, без намека на улыбку. В подобных случаях спортсмены нередко говорят: «Так устал, что не было сил улыбнуться».

Я не устал. У меня были силы. Недоставало только улыбки. Ушло ожидание чуда?

Если и так, то ненадолго. Потому что убежден: настоящие прыжки с шестом после шести метров только начинаются. Чтобы доказать это, я вновь расчехляю свою «катапульту» и выхожу на старт.

НЕ ВСЕ ВЕРШИНЫ ВЗЯТЫ

Подводить итог моей спортивной деятельности, смею думать, пока рановато. Живу надеждой, что «главные матчи не сыграны», не все вершины взяты.

В канун 1986 года пришло сообщение из канадского города Саскатуна: Билл Олсон, не ушедший вопреки своему поспешному обещанию «играть в гольф», установил высшее мировое достижение для залов — 5.86.

Сказать, что к удачам соперников отношусь излишне болезненно, не могу. Рекордные вершины, в конце концов, для того и существуют, чтобы их покорять. И все-таки чего уж лукавить — самолюбие было задето.

Случай ответить Олсону представился. 15 января на международных соревнованиях в японском городе Осака мне удалось превзойти результат американского шестовика на сантиметр — 5.87.

18 января, стартуя в Лос-Анджелесе, Олсон берет соту 5.88, а ровно через неделю в небольшом городке Альбукерке — 5.89. 2 февраля в университетском спортивном комплексе штата Миссури другой американец, Джо Дайэл, прыгает на 5.91. 8 февраля шанс отличиться предоставился уже мне, в Москве проходил зимний чемпионат Советского Союза, и я тоже сделал удачный «выстрел»: 5.92. Однако не прошло и суток, как на быстрых крыльях телеграфной связи прилетела весть из Ист-Рутерфорда: Олсон вновь вернул себе рекорд для залов и при этом заявил: «Убежден, что могу прыгнуть на 7—12 сантиметров выше этой зимой...»

Вспышка «сейсмической» активности заокеанских шестовиков, и прежде всего Олсона, несомненно, обеспе-

чила повышенный интерес к новым очным поединкам советских и американских прыгунов в залах США.

И действительно по приезде в Америку мы очутились в водовороте страстей, искусственно (и, надо признать, искусно) раздуваемых местной прессой. Первые же соревнования, в которых мне и Василию, тоже участвовавшему в этом турнире, предстояло выступить — так называемые «Миллроузские игры» в Нью-Йорке, — американские газеты окрестили «чемпионатом мира». Ни больше ни меньше.

— Участвуют Олсон, Бубка, Кинон, Дайэл... Разве вы не согласны, что это действительно чемпионат мира? — еще в аэропорту меня стали доносить репортеры.

Отделался шуткой:

— Кажется, вы провоцируете меня на ссору с руководством ИААФ, у которой свои представления о чемпионатах мира.

Говоря так, я и не подозревал, как оскандалятся в конце концов организаторы «Миллроузских игр». По крайней мере, ничего похожего на случившееся в тот вечер под сводами «Мэдисон сквер гарден» больше видеть не доводилось.

Подогретый рекламой ажиотаж битком забитых трибун на сей раз соперничал с небывалым хаосом, который царил непосредственно на спортивном ядре. Глядя со стороны на наш сектор, можно было подумать, что соревноваться в нем собрались не шестовики, а теле- и кинооператоры. Узкая дорожка разбега, сбита из фанерных щитов, оказалась зажатой коридором людей, отчаянно борющихся с помощью локтей за удобное место. Случалось, что живая стенка эта выталкивала лишнего, и он оказывался на дорожке, по которой уже бежал в это время вызванный на старт шестовик.

Самое удивительное, что никто из организаторов даже пальцем не пошевелил, чтобы навести в секторе хоть подобие порядка. Куда там! Зато в качестве «компенсации» за помехи судьбы по собственному усмотрению пре-

доставили спортсменам... дополнительную, четвертую попытку. Нам объяснили, что по американским правилам такое вовсе не возбраняется, и первыми, кто воспользовался странной «благосклонностью» спортивной Фемиды, были американцы Олсон и Дайэл, сбившие по три раза планку на начальных высотах. Вот вам и «чемпионат мира»!

Когда вся эта комедия закончилась, мы деликатно намекнули хозяевам, что приехали соревноваться не «по-американски», а по общепринятым, международным правилам. «Впредь так и будет», — заверил смущенный представитель Атлетического конгресса США и, надо признать, данное слово сдержал.

Со следующего старта — в Чикаго — все стало возвращаться на свои места. Для победы мне хватило прыжка на 5.81, Василий занял второе место — 5.61. В Чикаго не выступал, правда, Олсон, что дало основание газетам усомниться в правомерности моего успеха.

Вообще, откровенно говоря, мне показалось, что кому-то очень хотелось, чтобы между мной и Биллом пробежала черная кошка. Приводились наши высказывания друг о друге (большей частью, конечно, придуманные), приняв на веру которые можно было подумать, что речь идет не о спортсменах, живущих в конце XX века, а о распаленных гневом, ненавистью и жадной кровью гладиаторах Древнего Рима.

Через несколько дней в Лос-Анджелесе мы с Олсоном встретились вновь. На построение он вышел в майке, на которой была надпись: «Все разговоры от него» и стрелка, направленная в мою сторону. На какую реакцию рассчитывал Билл, судить не берусь, только надпись меня раззадорила. Я выиграл, добавив к мировому достижению еще сантиметр — 5.94. Олсон отстал солидно — 5.75.

Должен сказать, что своего чемпиона американцы почти боготворят. Везде, где бы я ни появлялся, первый вопрос был обязательно о нем, об Олсоне. При этом

ждали одних комплиментов, но я в дипломатии не искусен и потому отвечал, как думал. Говорил, например, что отдаю должное таланту и упорству американского шестовика, что человек, больше десятка раз за свою карьеру перекрывавший мировые рекорды для залов, достоин всяческого уважения. И все-таки прыгать нужно уметь не только зимой, но и летом, а тут Олсон зачастую пасует.

«Заведенный» журналистами бесконечными вопросами об Олсоне, я однажды, кажется, несколько хватил через край: сказал, что летом Билл так бывает беспомощен, что «не знает, куда бежать и где находится прыжковая яма». Зла против соперника, конечно, не держал, но вот сорвалось, и верно говорят: слово — не воробей...

Билл, к счастью, не обиделся, и чувство юмора ему не изменило. На новой майке, в которую он облачился к следующему соревнованию, было крупно начертано: «Сергей, где яма?»

— Я слишком хорошо знаю назойливость наших газетчиков и представляю, как они тебя донимали, — дружелюбно сказал мне Олсон. — Не обращай на все это слишком много внимания. Мы просто оба им немного «подыграли», и это должно понравиться публике.

28 февраля публика вновь заполнила «Мэдисон сквер гарден». Заключительный старт турне был и самым важным, наиболее престижным: разыгрывалось открытое первенство США. Два года назад мне уже доводилось побеждать в таких состязаниях, не собиравшись уступать и теперь.

Скандалная история с «Миллроузскими играми» поубавила спеси у организаторов и пошла на пользу нам, шестовикам: прыжковый сектор на сей раз предусмотрительно оградили решеткой, дабы никто посторонний не мог сюда проникнуть, яму для приземления сделали поудобнее, немного ее удлинив.

А поскольку был день рождения нашей мамы, то час с Василием слишком настраивать перед соревнованиями

нужды не было: Находясь за многие тысячи километров от дома, мы оба хотели порадовать самого близкого и дорогого нам человека.

Вася начал с высоты 5.60, я — 5.70. Потом брат взял 5.75 и завоевал серебряную медаль, поскольку ни Колле, ни Кинон, ни тем паче Олсон, схвативший «баранку», до этого уровня не дотянулись.

Потом прыжком на 5.85 я обеспечил себе звание чемпиона Америки и попросил прибавить еще 10 сантиметров. Первая попытка не удалась, но со второй высота 5.95 покорилась! Это был уже девятый с начала зимнего соревновательного сезона рекорд мира для закрытых помещений, и я испытывал удовлетворение от того, что принципиальный спор с американцами сначала заочный, а потом с глазу на глаз завершился в конце концов в нашу пользу.

Но особенно был горд тем, что случилось это в знаменательные для всего нашего народа дни: в Москве проходил XXVII съезд КПСС, и получалось, что я, молодой коммунист, тоже вписал свою строку в рапорт советской молодежи партийному форуму.

Вернувшись домой, я с огромным интересом, внимательно перечитывал документы съезда, легко находя в них мысли, созвучные собственным, которыми я постарался поделиться и на страницах этой книги. Запомнились, например, слова Генерального секретаря ЦК КПСС товарища М. С. Горбачева, с которыми он обратился с трибуны Кремлевского Дворца съездов к Советам, профсоюзам, комсомолу: «Почему не развернуть движение за более активное строительство по месту жительства простейших спортплощадок и спортзалов? Почему, наконец, не организовать спортивные, туристические и другие клубы на кооперативных началах?»

Эти и многие другие конкретные задачи касаются в первую очередь молодежи, рассчитаны на ее энергию, инициативу, энтузиазм и в конечном счете служат приближению поставленной партией цели:.. открыть самый

широкий простор для выявления способностей людей, сделать их жизнь духовно богатой, многогранной.

Спорт в нашей стране — это залог здоровья миллионов людей, их творческой активности, счастливого долголетия. Однако социальная значимость спорта только этим не ограничивается. Спорт притягивает еще и возможность проявить способности, самоутвердиться.

Надеюсь, что не заслужу упрека в нескромности, если сошлюсь на пример собственной жизни. Обыкновенный, каких миллионы, мальчишка с рабочей окраины вырастает в чемпиона и рекордсмена мира только потому, что на всех ступеньках своего восхождения к спортивным вершинам ощущал внимание, заботу и поддержку огромной страны.

Смысл спортивного бытия никогда не сводил лишь к медалям, рекордам, увлекательным странствиям по свету, ибо считаю, что в искомой сумме достоинств атлета должно, непременно должно присутствовать и такое слагаемое, как общественная активность. Готовность постоять за свои убеждения с такой же неуступчивостью, с какой он привычно сражается на ринге, на дорожке бассейна, в легкоатлетическом секторе. Тем более, что в последнее время в защите нуждается самое дорогое для всех честных спортсменов планеты — идеалы олимпизма.

Мне, как и многим другим известным атлетам, не довелось участвовать в Олимпийских играх 1984 года в Лос-Анджелесе, к которым мы напряженно готовились. Случилось это не по нашей вине. При полном попустительстве властей страны, принимавшей Игры, нам открыто грозили выстрелом в спину...

Прошло совсем немного времени — и вот «на мушке» уже оказалась сама олимпийская идея. Правда, с пистолетом на идею не пойдешь, из винтовки с оптическим прицелом ее убить тоже невозможно. Зато можно выхолостить в угоду дельцам от спорта, свести на нет и таким образом уничтожить.

Именно на такой опасный путь встал исполком Международного олимпийского комитета, когда решил «отредактировать» принципиальное правило 26 Олимпийской хартии, известное под названием «Кодекс допуска», в соответствии с которым еще со времен Пьера де Кубертена путь на арены Игр спортсменам-профессионалам был категорически закрыт. Надуманная поправка в хартии — замена четкого по формулировкам и целям «Кодекса допуска» аморфным «Кодексом атлета» — в корне меняла бы дело: профессионалы, люди, для которых спорт является главным источником извлечения барышей, обогащения, получили бы допуск на Игры, которые превращаются в «открытые».

Я, студент института физкультуры и спортсмен, регулярно участвующий в различных соревнованиях, считаю своим долгом высказываться по этому важнейшему для олимпийского движения вопросу. Прежде всего не остается никакого сомнения в том, что предлагаемый кодекс превращает Олимпийские игры в так называемые «открытые для всех», против чего олимпийское движение выступало до сих пор со всей решительностью. Из высказываний некоторых руководителей олимпийского движения явствует, что делается это, дескать, ради того, чтобы уравнивать олимпийские шансы спортсменов, представляющих страны с разными общественно-политическими системами.

Утверждение весьма сомнительное. Во-первых, при чем здесь в таком случае профессионалы? Во-вторых, действующие правила олимпизма разрешают спортсмену получать компенсацию за усилия, потраченные на подготовку к ответственным соревнованиям, включая и Олимпийские игры, компенсацию за сознательный отказ от многих радостей жизни во имя спорта. Кроме того, Олимпийская хартия не устанавливает ни размеры этой материальной помощи, ни источники, из которых она поступает. Так что если заботиться о равенстве условий для подготовки атлетов в государствах с разным обще-

ственным устройством, то в первую очередь каждому государству, многочисленным его институтам имеет смысл подумать, как и где изыскать средства, чтобы создать условия для тренировок своих будущих олимпийцев.

Теперь напрашивается закономерный вопрос: ради чего и в чьих интересах было бы появление профессионалов на Олимпийских играх? Неужели не ясно, что в этом случае не только не делается шаг по пути к созданию равных условий для всех олимпийцев, но более того, предпринимается мера, усугубляющая неравенство. Известно, что профессионалы обладают наилучшими условиями для подготовки, создать которые не по силам большинству национальных олимпийских комитетов. Сколько стран из 160, входящих в олимпийскую семью, широко культивируют профессиональный спорт? Думаю, что порядка двух десятков. А может быть, и меньше. Значит, остальные, а их подавляющее большинство, оказываются обиженными. Вывод очевиден: кодекс, рожденный в недрах МОК, усугубляет неравенство и составлен в интересах профессионалов, которых, в сущности, горстка по сравнению с миллионами тех, для кого высшая награда — называться олимпийцем.

Хочу также поделиться мыслями о том, что такое в моем представлении профессиональный спорт. На мой взгляд, основатели современного олимпийского движения, историки его, социологи допустили терминологическую ошибку, противопоставив любительскому спорту спорт профессиональный. Дело в том, что название «профессиональный» не отражает сути этого спорта. Лучше бы его называть коммерческим. Думаю, это во многом упростило бы понимание проблемы.

Ведь возникает так называемый «профессиональный» спорт не там, где ряд спортсменов ставил своей задачей достигнуть больших высот, виртуозного мастерства в каком-либо виде спортивных занятий — в играх, беге, прыжках, метаниях, стрельбе и т. д. А там, где бизнес

осознает возможность извлечения живительной для него прибыли, эксплуатируя талант этих спортсменов. И нужны-де они бизнесу не ради выявления их истинных возможностей, а постольку, поскольку они обогащают его. Конечно же, это не спорт, а его суррогат, камуфляж, вывеска доходного предприятия. А профессиональный, вернее, коммерческий атлет — всего лишь предмет эксплуатации, купли-продажи, средство обогащения.

У меня сложное отношение к спортсменам, которые избрали для себя стезю коммерческого спорта. Я им не завидую. И не жалею их: в конце концов, свой выбор они сделали сами, исходя из собственных взглядов, соображений, конкретной ситуации и т. п. Убежден, они знали, на что идут. Притяжение денег, заработанных с помощью спортивного умения, оказалось неодолимым. Они ступили на эту дорогу с открытыми глазами, тем самым расписавшись в том, что соревнование ради спорта — для них уже пройденный, законченный этап в жизни.

Я помню прочитанное несколько лет назад высказывание знаменитого профессионального футболиста Пеле: «Философия Олимпийских игр такова, что она приемлема только для любителей. И очень важно уважать это». Хорошо сказано. Я бы еще добавил, что идеалы олимпизма не только уважать, их беречь и защищать надо.

Мне, спортсмену, импонируют суждения руководителей МОК о том, что Олимпийские игры существуют для спортсменов, хотя, убежден, это довольно-таки узкое толкование. Очень хорошо, что создана при МОК комиссия спортсменов. В 1983 году в Лозанне члены этой комиссии приняли резолюцию, в которой ясно говорилось о том, что допуск профессионалов на Игры несовместим с олимпийской этикой. Неужели они так быстро самым кардинальным образом изменили свои взгляды?

Думаю, вряд ли кто будет возражать, что разработка «Кодекса атлета» — дело прежде всего самих атлетов.

И комиссия спортсменов МОК, готовя такую Всемирную конференцию, могла бы собрать предварительные предложения по проекту Кодекса, обсудить их и представить свой вариант документа на утверждение конгресса МОК. Надеюсь, что меня поддержат спортсмены — нам очень нужен кодекс, защищающий и оберегающий олимпийские идеалы.

В конце апреля 1986 года в Сеуле состоялась V сессия Генеральной ассамблеи Ассоциации национальных олимпийских комитетов (АНОК) с участием представителей 152 стран. Позицию советской делегации поддержало подавляющее большинство и «Кодекс атлета» был отклонен как несостоятельный, чуждый духу олимпизма.

Да, олимпийские идеалы необходимо оберегать от любых посягательств, и мы, советские спортсмены, всегда будем считать это своим первейшим долгом.

В Олимпийской хартии, которую я не раз перечитывал, говорится, что организуемые раз в четыре года всемирные форумы спортсменов-любителей призваны служить созданию «лучшего и более спокойного мира» на нашей планете. Эти слова обрели особую значимость сегодня, сейчас, когда нормальному течению жизни всерьез угрожает опасность ядерного пожара. Бороться за мир, отстаивать мирное будущее — вот самая благородная цель, которой может и должен служить спорт. Глубокое понимание этого дало жизнь необычным, удивительным соревнованиям — Играм доброй воли.

Начало было положено 6 августа 1985 года в день памяти жертв первой атомной бомбардировки, в день, когда Советский Союз приступил к объявленному им одностороннему мораторию на ядерные взрывы. Телевизионный мост, переброшенный через космос, связал Москву и Нью-Йорк. В студиях двух городов находились, имея возможность слышать, видеть и улыбаться друг другу, советские и американские звезды спорта.

Через огромное расстояние, вобравшее восемь часовых поясов, мы слышали голос одного из инициаторов Игр доброй воли, президента телекомпании Ти-Би-Эс Тэда Тернера:

— Я считаю, — говорил он, — что этот турнир даст прекрасную возможность собрать вместе лучших атлетов земного шара. И не сомневаюсь, что они будут состязаться в атмосфере дружелюбия, что Игры доброй воли послужат благородному делу улучшения взаимопонимания и сотрудничества между странами и народами, которых представляют спортсмены.

С советской стороны эту идею поддержали Государственный комитет по физической культуре и спорту и Гостелерадио СССР, с американской — телекомпания Ти-Би-Эс, поддержанная национальными федерациями по видам спорта США. Москве, неоднократно уже покорявшей мир четкой организацией крупнейших спортивных форумов, своим радушием и гостеприимством, было доверено дать старт первым в истории Играм доброй воли.

Телезрители в разных уголках планеты прильнули 5 июля 1986 года к экранам, чтобы увидеть грандиозный и красочный праздник открытия Игр. Чаша Центрального стадиона имени В. И. Ленина сфокусировала на себе не просто миллионы взглядов — миллионы надежд на мирное, светлое завтра.

«Само название этих соревнований глубоко символично, — сказал, обращаясь с приветствием к нам, участникам Игр доброй воли, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев. — Сегодня в отношениях между людьми и народами, государствами и правительствами как никогда требуются проявления именно доброй воли. Добрая воля открывает границы, создает возможность для решения коренных вопросов современности. Какие бы расстояния ни разделяли нас, жителей планеты, какими бы различными ни были наши убеждения и образ жизни, мы должны встречаться, говорить,

спорить и состязаться в честном соревновании. Это всегда способствует созданию атмосферы взаимного уважения и сотрудничества. А без них не уберечь нашу Землю от грозящей катастрофы».

Генеральный секретарь ЦК КПСС подчеркнул, что проведение Игр стало возможным в первую очередь благодаря совместным усилиям спортивных организаций, деловых кругов и общественности Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, решивших покончить с ненормальным положением, когда на больших международных соревнованиях советские и американские атлеты не встречались вот уже десять лет.

Притягательная идея Игр доброй воли, выраженная девизом «От дружбы в спорте — к миру на земле!», собрала на спортивных аренах Москвы, Таллина и латвийского курортного города Юрмалы атлетов почти из 80 государств. Соревнования проводились по 18 видам спорта, в ряду которых легкой атлетике, безусловно, принадлежало одно из главенствующих мест.

Накал борьбы и уровень результатов, показанных на дорожках и в секторах стадиона в Лужниках, были чрезвычайно высоки. Пять дней легкоатлетических состязаний принесли 60 национальных и континентальных рекордов. Шутка ли, даже Карл Льюис с трудом «зацепился» за пьедестал, едва попал в тройку призеров на коронной своей стометровке, где результат победителя, канадского спринтера Бенджамина Джонсона — 9,95 секунды, — оказался самым «быстрым» из показанных когда-либо в мире на равнинных стадионах.

Да, от остроты соперничества в современном спорте зависит если не все, то очень многое. Два дня в Лужниках шла с опережением графика мирового рекорда в легкоатлетическом семиборье спортсменка из США Джекки Джойнер. Силы уже на исходе, но впереди последнее, самое трудное испытание: бег на 800 метров. До рекорда всего два круга, однако известно, что эта дистанция далеко не самый сильный козырь чернокожей

студентки из Лос-Анджелеса. Ей необходима, как воздух, соперница на дорожке, которая бы задала высокий темп, повела за собой к желанной финишной черте. Иначе, как знать, рекорд может и не состояться...

И эту роль взяла на себя спортсменка с гербом СССР на майке — Наталья Шубенкова. Ровными выступлениями в других видах программы она практически уже обеспечила себе одну из медалей Игр, однако на общую победу реально претендовать не могла, поскольку преимущество Джойнер было слишком большим. Тем не менее, проявив настоящий спортивный характер, Шубенкова бежала так, будто это она, а не американка метила в рекордсменки. И с таким «ведущим» Джойнер сумела достичь цели, показать выдающийся результат в семиборье — 7148 очков!

Второй мировой рекорд в легкоатлетическом турнире Игр доброй воли посчастливилось установить мне.

Я по-прежнему чувствовал себя должником перед соотечественниками, которые до сих пор о самых высоких моих полетах могли судить лишь по фотоснимкам и кадрам телевизионной хроники, сделанным за рубежом. Поэтому вел подготовку к Играм в Москве, можно сказать, сверхтщательно. Еще зимой мы с тренером твердо решили сделать все от нас зависящее для шестиметрового прыжка в Лужниках.

Вот где пригодился горький опыт турнира «Дружба-84», когда я самонадеянно, о чем уже рассказывал, пренебрег психологической подготовкой к соревнованиям, расплескав впустую немало эмоций еще до выхода в сектор. Собственные ошибки учат гораздо предметнее, чем чьи бы то ни было. С разрешения руководства сборной страны я не поехал на сей раз в Подольск на тренировочный сбор, который предшествовал Играм. Спокойно готовился дома, в Донецке, «репетируя» на высотах, совсем близких к рекордной.

В Москве объявился лишь за четыре дня до соревнований шестовиков. Все спортсмены, съехавшиеся в нашу

столицу, жили дружной семьей в гостинице «Россия», что меня как раз и устраивало больше всего. Привлекательно выглядел и регламент состязаний: никакой квалификации, сразу финал. Поскольку компания Ти-Би-Эс вела прямую трансляцию турнира на США (позже стало известно, что Игры доброй воли регулярно смотрели более 80 процентов американцев), старт шестовикам назначили 8 июля на 20 часов по Московскому времени. По нашим привычным представлениям, может быть, и несколько позновато, однако повода опасаться, что дело затянется за полночь, не было. Десять прыгунов вышли на старт, к тому же два китайских спортсмена очень быстро покинули сектор, не взяв начальную высоту — 5.20.

Единственное, что меня волновало до старта: где установят сектор? Дело в том, что в огромной чаше лужниковского стадиона как бы существует своя роза ветров, которую мы, шестовики, хорошо изучили. Когда-то мы прыгали возле Южной трибуны, за футбольными воротами, где обычно преобладает боковой по отношению к дорожке разбега ветер. Он может быть совсем легким, едва ощутимым для стороннего человека. Но когда бежишь с шестом наперевес, тебе кажется, что ветер усиливается в несколько раз. И поэтому, явившись на стадион, я облегченно вздохнул, когда отыскал глазами прыжковую яму: она была сложена из «пузатых» поролоновых подушек перед Западной трибуной, где с ветром меньше проблем.

Хоть и внушаю себе всегда, да и вслух не стесняюсь сказать, что соревнуюсь прежде всего с высотой, стараясь по возможности не реагировать на присутствие конкурентов, все равно нормальное любопытство берет верх: кто они? Был просто уверен, что снова встречу с Олсоном, он зимой, когда мы соревновались в Америке, уверял, что обязательно приедет в Москву на Игры доброй воли. Но не приехал. И не потому, оказывается, что передумал. Просто не попал в команду. Отбор амери-

канцы проводили на национальном чемпионате за две недели до Игр и не поступились спортивным принципом. Чемпионом страны стал Майкл Талли (с результатом 5.80), вторым, «тряхнув стариной», оказался Эрл Белл (5.70) — они и приехали в Москву.

Был еще один ветеран легкой атлетики — француз Филипп Увион, был Франтишек Янса из Чехословакии и трое наших — Гатаулин, Крупский и Бубка-старший. Хотя если честно, то Василию не следовало бы стартовать, поскольку он вел целенаправленную подготовку к чемпионату СССР в Киеве, где собирался защищать свое чемпионское звание, и к Играм доброй воли пришел не в лучшей спортивной форме. Последнее, видимо, касалось и Крупского: они с Васей в итоге поделили 5—6-е места с результатом 5.60.

Впрочем, еще ниже — всего на 5.40 — прыгнули Янса и Увион. С чехословацким спортсменом, моим сверстником, мы знакомы давно — с 1981 года, когда вместе соревновались на юниорском чемпионате Европы в Нидерландах, в Утрехте. Янса там стал победителем, а я с треском провалился.

Для человека, судящего о соревнованиях шестовиков только по техническим результатам, остается «за кадром» самое интересное: тонкости, хитросплетения тактической борьбы. Турнир Игр доброй воли в этом смысле не стал исключением.

Я начал соревноваться, когда в секторе оставались только четыре атлета. Заказал 5.70. Легко взял высоту и стал лидером. Талли покорил тот же рубеж, и тоже с первой попытки. Белл здесь разок споткнулся, зато следующий прыжок перенес на 5.75 — и сумел выйти вперед. Впрочем, совсем ненадолго. Гатаулин, сбив планку на высоте 5.75, для второй попытки просит поставить 5.80 — и берет! Теперь он лидер, он «диктует» высоту всем остальным.

Чтобы вернуть инициативу в свои руки, мне нужно идти на 5.85. Есть! Я снова возглавил гонку. Ее темп

пытаются поддержать американцы, но безуспешно. Оба трижды не справляются с рубежом 5.85, и имя бронзового медалиста Игр доброй воли уже можно назвать безошибочно: это Эрл Белл. Чемпион США Талли, выходит; остается за чертой призеров.

Проявляя похвальную дерзость, не сдается Гатаулин: дважды сбивает рекордные для него 5.90 и заключительную попытку оставляет про запас, рассчитывая, видимо, что я тоже пойду на эту высоту, и неизвестно, как все может повернуться дальше.

На уловку соперника не поддаюсь: 5.90 пропускаю. Тогда Гатаулин просит поднять планку еще на 5 сантиметров. Терпеливо ждет: опять моя очередь прыгать, ибо в стартовом протоколе стою выше, чем он.

«Нет, дорогой мой соперник, ты прыгай, пожалуйста, если считаешь нужным, а у меня другие планы. Извини, что загнал тебя так высоко, но ты ведь сам на это пошел. И заслуживаешь не сочувствия, а похвального слова — за смелость и риск... Прыгнешь сейчас — порадуешь вместе с тобой, и тогда мы продолжим наш спор...»

Примерно таким внутренним монологом напутствовал Гатаулина на прыжок, который оказался для него последним в этот вечер... И стало ясно, что высота 5.85 обеспечила мне первое место.

Теперь можно было с чистой совестью пойти на рекорд. Долго и тщательно вымерялась высота — 6.01... Впрочем, я этого не видел, только догадывался, когда нарочито неспешно шагал с шестом к началу разбега.

Друзья мне потом рассказывали, что со стороны, с трибун, все выглядело как-то деловито и буднично. Постоял на старте, кажется, даже меньше обычного. Побежал, постепенно набирая скорость. Резко оттолкнулся. Взлетел...

Петров приучил критически анализировать каждый прыжок. Пусть даже победный, даже рекордный. Но в этом полете на 6.01 не обнаружил изъянов и он, мой строгий тренер. По собственным ощущениям прошел

сантиметрах в 20—25 над планкой. Газеты писали, что установил рекорд «играючи»... А на пресс-конференции укоризненно спрашивали: почему, мол, остановился, почему не стал прыгать дальше?

Это невероятно трудно в принципе — продолжать борьбу с высотой после того, как установлен мировой рекорд. Причем не соперником, а тобой, оплатившим прыжок едва ли не запредельным на данный момент напряжением каждой мышцы, каждого нерва, каждой клеточки мозга. Внешне, может, все действительно выглядело легко и просто. Совершил всего три попытки, затратив на них не больше пяти минут чистого времени. И... потерял за вечер в весе почти четыре килограмма. Говорят, что примерно такой же вес оставляют на своей бесконечной дистанции бегуны-марафонцы. С той лишь разницей, что они «тратятся» постепенно, по крохам, а мы «сжигаем» себя — да простят мне такое сравнение — со скоростью падающих метеоритов.

Таков ответ на вопрос «почему остановился», повторяю, в принципе. Что же касается турнира Игр доброй воли, то будь я даже сверхчеловеком, роботом, которому неведомы ни чувство свинцовой усталости, ни эмоциональные стрессы, все равно дальше соревноваться не смог бы. Потому что натиск телекомментаторов и фоторепортеров, терпеливо осаждавших сектор два с половиной часа в ожидании сигнала «атаки», оказался настолько стремительным и неудержимым, что даже сделать контрольный промер высоты судьям, по-моему, стоило немалых усилий...

Вручая мне золотую медаль победителя Игр доброй воли, президент Международного олимпийского комитета Хуан Антонио Самаранч с улыбкой заметил, что, если ему предоставится такая возможность, он с удовольствием готов повторить эту приятную процедуру и на других Играх — Олимпийских. Я поблагодарил президента за оказанную честь и высокое мнение обо мне как атлете и тут же подумал: а как знать, может, судь-

ба действительно подарит нам еще одну встречу у пьедестала? Если президент МОК не против, я-то тем более — за!

...Осторожно скрипнув калиткой, я окажусь в маленьком, до боли знакомом дворике моего детства, куда как раз снова пожаловала весна и где снова зацвела черешня. Я буду долго дышать полной грудью и не смогу насытиться. Как утомленный дорогой путник, припавший к студеному и чистому роднику.

Родник и Родина — слова одного корня. Помня об этом, можно смело идти на штурм новых, не покоренных еще вершин. И они обязательно покорятся.

Я верю, что так и будет, а вера порождает новые силы, которые необходимы там, на бесконечной, как сама жизнь, дорожке разбега.

Пока есть попытка — ты не проиграл!

СОДЕРЖАНИЕ

13 июля 1985 года (<i>Хроника того дня</i>)	3
Метры по вертикали	6
От посоха до фибергласа	30
13 июля 1985 года (<i>Хроника того дня</i>)	46
Звездный час	50
«Охота» за рекордами	65
13 июля 1985 года (<i>Хроника того дня</i>)	87
Сезон беспокойного солнца	91
Вы мне писали...	110
13 июля 1985 года (<i>Хроника того дня</i>)	137
Не все вершины взяты ,	141

Бубка С. Н.

Б 90 Попытка в запасе/Лит. запись Ю. Юриса.— М.: Мол. гвардия, 1987. — 159[1] с., ил. — (Спорт и личность).

65 коп. 100 000 экз.

Автор книги — чемпион и рекордсмен мира Сергей Бубка рассказывает об одном из видов легкой атлетики — прыжках с шестом, о своем пути к победам, об удивительном притяжении высоты, которая беспредельна, как и человеческая мечта о совершенстве. Всегда, даже когда спортсмен преодолел дотоле невиданную высоту и, казалось бы, установил предел возможного, у него остается попытка в запасе, если он считает, что главной своей вершины пока не достиг. Рассчитано на массового читателя.

Б 420200000—051
078(02)—87 071—87

ББК 75.711.7

ИБ № 5205

Сергей Назарович Бубка

ПОПЫТКА В ЗАПАСЕ

Редактор **В. Васильев**

Художник **Л. Белов**

Художественный редактор **Б. Федотов**

Технический редактор **З. Ахметова**

Корректоры **Е. Дмитриева, Н. Самойлова**

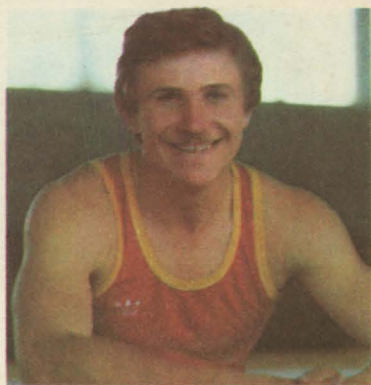
Слано в набор 05.09.86. Подписано в печать 29.12.86. А08358. Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 7+1,4 вкл. Усл. кр.-отт. 8,75. Уч.-изд. л. 8,5. Тираж 100 000 экз. Цена 65 коп. Заказ 1946.

Набрано в Московской типографии № 6 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 109088, Москва, Ж-88, Южнопортовая ул., 24.

Отпечатано в типографии ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103080, Москва, К-30, Суцеская, 21.

65 коп.

СПОРТ И ЛИЧНОСТЬ

СЕРГЕЙ БУБКА,
заслуженный мастер спорта
СССР,
чемпион и рекордсмен мира
по прыжкам с шестом,
кавалер ордена
Трудового Красного Знамени.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ